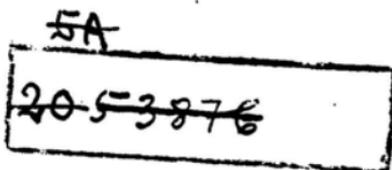

А. РЕННИКОВЪ.

ВЪ СТРАНѢ ЧУДЕСЪ

ПРАВДА О ПРИВАЛТІЙСКИХЪ НѢМЦАХЪ

СО МНОГИМИ РИСУНКАМИ И ОНИМКАМИ ВЪ ТЕКОТЪ.

ПЕТРОГРАДЪ

1915

*Исключительное право перевода на латышскій языкъ предоста-
влено авторомъ издателю газеты «Невазъ Вильни» А. Д. Дунысъ.
Исключительное право перевода на эстонскій языкъ предоставлено
издательскому товариществу «Тястъ» (Верро).*

(Законъ 20 марта 1911 г. ст. 33).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
I. Einleitung	1
II. Аэропланы. Птицы. Колокольни. Wacht im Ost. . .	5
III. Любовь къ вышкамъ и шпицамъ. Тайна Петров- ской колокольни	15
IV. Рижскій патриотизмъ. Встрѣча русскихъ раненыхъ. Хризантемы для плѣнныхъ. Красный Крестъ или Deutscher Verein?	26
V. Нѣкоторые члены русской городской Думы. Нѣко- торые члены Deutscher Verein'a. Совпаденіе .	37
VI. Германскія предпріятія въ Ригѣ	43
VII. Способы отмечиванія. Уроки для наивныхъ рус- сификаторовъ	45
VIII. Либавскіе патріоты	57
IX. Тѣнь Бирона. Губернаторъ, голова и гондола. О низшихъ расахъ	67
X. Митава	78
XI. Deutscher Geist. Ферейны	85
XII. Кое-что о помѣщикахъ, фактахъ, слухахъ и гер- манцахъ	92
XIII. Что такое лояльность	114
XIV. Колонизація Курляндіи. Кому разрѣшается хране- ніе оружія. Завѣтъ Бисмарка	122
XV. Нѣмцы и латыши	135
XVI. Латыши. Патриотизмъ. Отношеніе къ Россіи . . .	145

	СТРАН.
XVII. Юрьевъ. Факты и слухи въ передачѣ эстонцевъ .	155
XVIII. Фортелн юрьевскихъ нѣмцевъ. «Воля къ власти» .	164
XIX. О Юрьевскомъ университетѣ. Высота нѣмецкой науки. Ich verstehe nicht	172
XX. Знаніе русскаго языка. Богословскій факультетъ въ Юрьевѣ	181
XXI. Пасторы-германизаторы. Нѣмецкія корпораціи. Нѣжность Вильгельма	191
XXII. Ветеринарный институтъ въ Юрьевѣ. Династія Каролинговъ. Пропавшая грамота	199
XXIII. Въ чьихъ рукахъ полицейская власть Курляндіи и Лифляндіи	206
XXIV. Въ Эстляндіи. Ревель. Борьба съ нѣмцами. Изъ архива кн. Шаховскаго	215
XXV. Наслѣдіе нѣмцевъ въ Ревелѣ. Оброкъ за рубль. Торжество присоединенія Эстляндіи	225
XXVI. Нѣмцы-законники. Лошадиные процессы. Скверный сонъ	238
XXVII. Deutscher Verein. Причины возникновенія	247
XXVIII. Уставъ. Заповѣди. Безсиліе администраціи	256
XXIX. Балтійская литература о Россіи	267
XXX. Еще о балтійской литературѣ. Оставаться или уходить?	287
XXXI. Почему нѣмцы равнодушны къ Россіи. Гильдіи	300
XXXII. О «дворянскихъ имѣніяхъ»	310
XXXIII. Прибалтійскіе законы. Неуязвимые зайцы. Законъ о золотой рыбкѣ	316
XXXIV. Какъ помѣщики въ сто разъ лучше устроились съ дорожной повинностью, чѣмъ крестьяне	326
XXXV. Патронатъ. Религіозныя привилегіи. Заключение	334

Теперь или никогда. Двѣсти лѣтъ Россія жила по нѣмецкой указкѣ. Двѣсти лѣтъ нѣмцы засоряли своими фабрикатами сокровищницу русской мысли, русской науки, русскаго творчества. Двѣсти лѣтъ нѣмцы дѣлали политику; двѣсти лѣтъ были капралами, взявшими въ руки русскую палку; двѣсти лѣтъ сидѣли въ министерствахъ, въ законодательствѣ, въ администраціи, въ судѣ, въ академіяхъ, въ университетахъ, школахъ, торговлѣ, промышленности. Двѣсти лѣтъ! И что далъ намъ въ концѣ концовъ этотъ нѣмецкій учитель, побѣдившій нѣкогда для себя Францію? Цусиму на морѣ, Сандепу на сушѣ, реакцію сверху, социаль-демократію снизу...

Теперь или никогда. Довольно нѣмецкимъ бонамамъ водить за руку сыновей русскихъ родителей: сыновья эти выросли. Нѣтъ воспитателя, особенно плохого, которому вышедшій изъ дѣтскаго возраста ученикъ не пересталъ бы въ концѣ концовъ повиноваться. Довольно опеки: опекунъ, слишкомъ поздно слагающій съ себя свою почетную обязанность, теряетъ почетъ и внушаетъ подозрѣніе въ недобросовѣстности.

Моя книга не направлена противъ русскихъ нѣмцевъ вообще. Нѣмецъ, искренно любящій Россію и русскихъ, живущій интересами русскаго государства не на словахъ, а на дѣлѣ, имѣетъ право и на нашу русскую дружбу и на нашу любовь. Но эти нѣмцы такая рѣдкость! Какъ случайныя жемчужины они прекрасны на фонѣ чернаго бархата. Какъ оазисы они ласкаютъ обманутый частымъ маревомъ пустыни глазъ... И въ своихъ скитаньяхъ по Прибалтійскому краю во время войны, сознаюсь, я много слышалъ и о черномъ фонѣ нѣмецкой мысли и о пустынѣ патриотическихъ чувствъ, среди которыхъ манилъ и дразнилъ мой русскій взоръ миражъ нѣмецкой лояльности. Но увы! Настоящія жемчужины почему-то не попадались мнѣ на берегахъ Аа, а дѣйствительныхъ оазисовъ не встрѣтилъ я въ эстляндскихъ пескахъ!

Россія окрѣпла и выросла. Мечъ Ильи Муромца побѣдоносно несетъ свободу народамъ. Садко готовитъ корабли съ русскимъ товаромъ. Микула Селяниновичъ съ молитвой берется за плугъ. И встаетъ великанъ Святогоръ изъ того гроба, въ который добровольно легъ нѣкогда и въ которомъ лежалъ подъ предательской враждебной крышкой многіе годы...

Да, теперь или никогда.

Авторъ.

Ноябрь, 1914 г.

I.

Einleitung.

По дорогѣ въ Ригу я просматривалъ кое-какія книжки по балтійскому вопросу. Какъ ихъ много! Цѣлая литература полемическая, освѣдомительная, обличительная и сантиментальная, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Тутъ встрѣчаются прежде всего, конечно, Ю. Самаринъ, Шаховской, затѣмъ Харузинъ, Зиновьевъ, Александровъ, Бордоносъ, Земцевъ, Лигандъ, Ряппо, Неу, Новоселовъ, Токаревъ, Бунге, фонъ-Эттингенъ, Шиманъ, Оккардъ, Дорнетъ, Бинеманнъ, Мюлау, Серафимъ, Гренцштейнъ, Пфейль, Зейбъ, Гольбаумъ, бар. Врангель и многіе, многіе нѣмецкіе анонимы, имѣвшіе возможность безъ риска для своей російской службы, а то и пенсіи, лаять на Россію изъ «Остзейскаго края», этой подворотни Великой Германіи. Но изъ всѣхъ авторовъ, конечно, Врангель привлекъ мое вниманіе больше всего. Во-первыхъ, его книга — на нѣмецкомъ языкѣ. Во-

вторыхъ, Врангель — баронъ. Въ-третьихъ — Direktor der Kaiserlichen Alexander Lyceum», какъ сказано на обложкѣ, помѣченной 1903 годомъ. Въ-четвертыхъ, «Konferenzmitglied der Nikolai-Seeakademie». И кромѣ всего этого заглавіе книжки такое заманчивое: «Die baltische Frage in persönlicher Beleuchtung» — балтійскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи. Личное освѣщеніе барона Врангеля! Развѣ не любопытно?

Я раскрылъ книгу и началъ читать: «Между русскими политиками, — говоритъ Врангель, — существуетъ взглядъ, что чѣмъ сильнѣе будетъ нѣмецкій элементъ въ остзейскихъ провинціяхъ, тѣмъ большей опасности подвергается Россія со стороны Германіи». Я не буду подвергать критикѣ эту предпосылку. Хотя исторія, традиціи Гогенцоллерновъ и политическое завѣщаніе Бисмарка ни въ коемъ случаѣ не даютъ повода къ заподозрѣнію германской политики въ завоевательныхъ намѣреніяхъ противъ Россіи, предположимъ, однако, что такія стремленія мыслимы. Какая же окраинная политика была бы наиболѣе цѣлесообразна, чтобы уменьшить шансы отпаденія края? Столкновеніе двухъ такихъ державъ, какъ Россія и Германія, было бы явленіемъ такого мірового значенія, что его исходъ не зависѣлъ бы отъ отношенія пограничнаго населенія. Задача Россіи по существу должна быть только такова, чтобы сдѣлать населеніе пограничныхъ провинцій вѣрными себѣ... Ненависть латышей

къ нѣмцамъ выказалась въ такихъ яркихъ краскахъ, что о нихъ нѣтъ и рѣчи. Это обстоятельство представляетъ гарантію въ томъ, что болѣе сильная своей многочисленностью часть населенія даже при условіи такого же, какъ и теперь, плохого управленія русскими, никогда въ жизни не допуститъ вторженія нѣмцевъ. Съ этой точки зрѣнія русская государственная власть имѣетъ полную возможность проводить свои прямыя государственныя цѣли и культурныя задачи въ остзейскихъ провинціяхъ... А между тѣмъ... балтійскіе нѣмцы видятъ, какъ представители русской государственной власти и русскаго народа, носящіе въ себѣ недовѣріе и ненависть къ нѣмцамъ, притомъ часто люди безъ образованія и безъ характера, вносятъ въ страну смятеніе. Нечего удивляться, что прежнее чувство общности съ Россіей, которое раньше, до руссификаціи, было дѣломъ сердца, теперь сдѣлалось только дѣломъ разума...

«Между тѣмъ, — продолжаетъ Врангель, — характерными чертами нѣмцевъ являются: любовь къ истинѣ, чувство долга и вѣрность. На этой вѣрности покоится крѣпость и сила германскихъ войскъ, которыя покорили почти всю Европу; на эту черту можно опереться; но русскіе основываютъ свою политику на недовѣріи: они хотятъ внѣдрить въ насъ любовь ударомъ кулака въ лицо».

И опустилъ книгу на колѣни.

— Какъ, однако, нехорошо живется прибалтийскимъ нѣмцамъ, судя по этой книгѣ!—думалъ я, глядя въ окно, въ которомъ мелькали эстонскіе домики съ крутыми деревянными крышами.— Удары кулакомъ въ лицо... Притѣсненія. За что? За любовь къ истинѣ? За чувство долга? Русская тяжелая рука, какъ видно, и здѣсь не удержалась отъ обычнаго своего давленія. Угнетеніе культурнаго народа, стѣсненіе его гражданской свободы, неумѣлая руссификаторская политика съ ея зоологическимъ націонализмомъ... Какъ это ужасно!

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что послѣ чтенія книги директора Императорскаго Александровскаго Лицея и члена конференціи Николаевской Морской Академіи—я пріѣхалъ въ Ригу съ открытымъ сердцемъ по отношенію къ нѣмцамъ. Видя ихъ, несчастныхъ, угнетенныхъ, грустно идущими по тротуару, я невольно смахивалъ съ глазъ навойливыя слезы, вздыхалъ и думалъ:

— Какъ, однако, трудно быть въ Россіи культуртрегерами!

II.

Аэропланы. Птицы. Колокольни. Прибалтійскіе жрецы. Wacht im Ost.

Не знаю, есть ли у нѣмцевъ гдѣ-нибудь въ мірѣ еще такіе враги, какъ латыши. Недавно исполнился семисотлѣтній юбилей первой схватки между этими двумя народами, послѣ которой тѣ и другіе съ большою искренностью поколачиваютъ другъ друга въ подходящіе моменты историческихъ конъюнктуръ.

Никто въ мірѣ не знаетъ недостатковъ нѣмцевъ такъ хорошо, какъ латышскій народъ. Если вы хотите съ удобствомъ проѣхать по курляндскимъ дорогамъ въ автомобилѣ малознакомаго вамъ нѣмца-помѣщика, выберите при немъ латышей. Но если вы честолюбивы, и вамъ желательно, чтобы васъ не только возили въ автомобилѣ, но и носили на рукахъ,—скажите латышамъ, что терпѣть не можете нѣмцевъ. Нѣмецъ у латыша—средоточіе всѣхъ темныхъ силъ природы. Латышскія матери рассказываютъ дѣтямъ сказки, въ которыхъ мѣсто чертей занимаютъ тевтонскіе рыцари; если на поляхъ дохнетъ случайно корова, латышъ считаетъ, что ее сглазилъ какой-нибудь проходящій нѣмецкій фрейгеръ. И еслибы латыши не стояли на значительной культурной высотѣ, то навѣрное они

объясняли бы интригами бароновъ и солнечныя затменія, и циклоны, и появленіе на небѣ кометь.

Эта черта латышей для Россіи въ настоящій моментъ чрезвычайно цѣнна. Изъ всѣхъ народовъ нашего обширнаго государства самымъ патриотичнымъ въ войнѣ съ Германіей сейчасъ, пожалуй, является народъ латышскій. Прибалтійскіе нѣмцы принесли въ этомъ отношеніи Россіи огромную пользу: они сдѣлали два милліона окраинныхъ жителей ярыми русскими патриотами. Латышамъ не нужно объяснять, чѣмъ вреденъ германскій милитаризмъ. Не успѣютъ высохнуть на стѣнахъ домовъ и на телеграфныхъ столбахъ плакаты съ объявленіемъ о новомъ призывѣ,—они безъ разговора хватаютъ оружіе, садятся въ воинскій поѣздъ и ѣдутъ на западъ съ веселыми пѣснями, напутствуемые торжествующими кликами своихъ женъ и сестеръ...

Вполнѣ понятно теперь, что при пріѣздѣ въ Ригу я обратился за свѣдѣніями о жизни мѣстныхъ нѣмцевъ не къ русскимъ, а именно къ латышамъ. Латыши ничего не пропустятъ. Они, конечно, все знаютъ... Нужно только отдѣлать правду отъ выдумокъ, и тогда картина получитъ законченность.

— Клянусь вамъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда въ Ригу,—клянусь вамъ, что въ продолженіе двухъ недѣль я ежедневно

видѣлъ надъ городомъ аэропланы, которые летѣли на востокъ. Одинъ аэропланъ спустился за фабрикой Тильмана и исчезъ. Его не нашли. Другой пролетѣлъ надъ дачей дворянина Будберга и сигнализировалъ сверху неизвѣстно кому непонятными огнями. Редакторъ одной латышской газеты передавалъ мнѣ лично, что видѣлъ даже цеппелинъ. И, представьте, какое совпаденіе: когда показался этотъ цеппелинъ, на рижскомъ взморьѣ неизвѣстно отъ какой причины загорѣлся стогъ сѣна. Конечно, это случайность. Чистая случайность. Но у насъ пожары такъ рѣдки!..

Отъ перваго посѣтителя латыша я перешелъ непосредственно въ руки второго.

— Мнѣ передають лица, заслуживающія довѣрія, слѣдующіе факты,—началь этотъ.—Около города Фридрихштадта, Курляндской губерніи, въ одномъ имѣніи большой гладкій участокъ земли обильно посыпанъ известью, такъ что представляетъ собою бѣлую, ярко освѣщенную солнцемъ площадку. Спрашивается: для чего насыпана известь? Для удобренія земли? Но въ какихъ руководствахъ по сельскому хозяйству рекомендуется способъ обильнаго посыпанія известкой? Не думаю, чтобы это дѣлалось и для пасущагося скота. Нашъ прибалтійскій скотъ никогда до войны не ѣлъ извести, и я ручаюсь, что не будетъ ѣсть и во время военныхъ дѣйствій, и послѣ. А сверху, съ высоты птичьяго полета, эта площадка, навѣрно, очень хорошо выглядить... Интересно ее

увидѣть съ аэроплана! Далѣе. Около Нейбада, находящагося на берегу Рижскаго залива, къ сѣверо-востоку отъ Риги, крестьяне нашли приставленные къ соснамъ лѣстницы. Когда нѣкоторые любопытные полѣзли по лѣстницамъ наверхъ, чтобы изслѣдовать ихъ назначеніе, то увидѣли сдѣланныя наверху сидѣнья, надъ которыми возвышались палки въ видѣ мачтъ. Крестьяне заинтересовались. Было дано знать полиціи. И когда началось слѣдствіе, то владѣлецъ имѣнія разъяснилъ, что всѣ эти приспособленія предназначены исключительно для наблюденія за полетомъ птицъ. Намъ извѣстно, правда,—скромно замѣтилъ рассказчикъ,—что въ древней Греціи и въ Римѣ по полету птицъ жрецы предсказывали международныя осложненія. Но развѣ въ Нейбадѣ живутъ древніе греки? И кто теперь повѣритъ предсказаніямъ, основаннымъ на наблюденіяхъ за птицами, когда существуютъ и Петроградское телеграфное агентство и агентство Рейтера?

Тамъ же, вблизи отъ того мѣста, гдѣ найдена вышка «для птицъ», обращаетъ на себя вниманіе и другое интересное обстоятельство. Находящаяся недалеко отъ моря старая колокольня была этимъ лѣтомъ выкрашена въ яркій цвѣтъ. Приходъ церкви, которому принадлежитъ колокольня, въ окраскѣ не принималъ никакого участія: колокольню покрасили безъ его вѣдома. Конечно, это пустякъ. Но удивительно то, что по всему нашему побережью многіе старыя, нежилые дома

въ послѣднее время тоже почему-то отремонтированы и выкрашены въ яркіе цвѣта. Я, понятнo, этимъ ничего не хочу сказать. Но все-таки, какіе чудачки должно быть владѣльцы этихъ домовъ, если во время войны, когда хулиганствующій непріятель можетъ каждую минуту бомбардировать побережье, они ремонтируютъ запущенные дома, да еще окрашиваютъ ихъ въ свѣтлыя, годные для прицѣла, цвѣта!

Третій латышъ, житель Виндавы, клянется въ слѣдующемъ:

— Вблизи Дондангена, Виндавскаго уѣзда, находится старыі запущенный маякъ. Онъ расположенъ на возвышеніи, вдали отъ берега, и на него давно никто не обращалъ вниманія. Въ этомъ году лѣтомъ вдругъ маякъ стали исправлять. Въ концѣ августа, какъ увѣряютъ крестьяне, на маякѣ показался свѣтъ. Стали зажигаться огни. Удивленные жители донесли объ этомъ мѣстной полицейской власти, но на ихъ заявленіе не было обращено вниманія. Тогда пришлось обратиться къ начальнику пограничной стражи, послѣ чего дѣлу и былъ данъ ходъ. Но что это за огни? Съ какою цѣлью? Намъ, мѣстнымъ жителямъ, это было бы такъ интересно узнать!

Выслушалъ я въ день пріѣзда, кромѣ перечисленныхъ латышскихъ представителей, еще человекъ десять, не меньше. Всѣ они говорятъ торопливо, страстно, давно желая, очевидно, высказаться, но не имѣя возможности это сдѣлать.

въ печати по мѣстнымъ условіямъ. Одинъ житель Венденскаго уѣзда, въ Лифляндіи, увѣрялъ меня, что черезъ станцію Альткальценау не разъ пролетали аэропланы и спускались въ ближайшемъ лѣсу. Другой латышъ, тоже изъ Вендена, говорилъ, что начальникъ одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій лично передавалъ ему, будто черезъ его станцію прослѣдовали внутрь уѣзда двѣ цистерны бензина неизвѣстно куда и для кого. Третій увѣряетъ, что въ Рижскомъ уѣздѣ, около Канцельберга нашли обломки аэроплана...

Наконецъ, молодой русскій журналистъ посвятилъ меня въ дѣла имѣнія Царникова, находящагося къ сѣверо-востоку отъ Риги на взморьѣ и важнаго для насъ въ стратегическомъ отношеніи. Тутъ владѣлецъ имѣнія съ весны нынѣшняго года началъ разбивать свою землю на участки съ цѣлью продажи, для чего пригласилъ нѣмецкихъ землемѣровъ. И въ то время, какъ землемѣры досконально измѣряли все побережье, другіе гости-нѣмцы во главѣ съ «инструкторомъ по рыбоводству» ходили по берегу и усердно удили рыбу. Цѣлыми днями бродили они здѣсь и опускали удочки въ воду... Сколько рыбы при этомъ было выужено, а сколько осталось въ морѣ,— журналистъ не могъ мнѣ въ точности передать, такъ какъ ловля происходила въ очень мутной остзейской водѣ...

Къ вечеру отъ всѣхъ слуховъ, фактовъ и клятвенныхъ сообщеній посѣтителей у меня раз-

болѣлась голова. И сказалъ швейцару, что меня нѣтъ въ номерѣ, если кто-нибудь будетъ спрашивать, и рѣшилъ провести остатокъ вечера въ приведеніи въ порядокъ всего полученнаго за день хаотическаго матеріала. Сигнальные огни, маяки, аэропланы, цистерны съ бензиномъ, площадки съ известью, мачты для ловли птицъ... Неужели хоть часть этихъ сообщеній вѣрна? Нѣтъ, не можетъ быть, не можетъ! Вѣдь вотъ и баронъ Врангель пишетъ въ своей «Baltische Frage», что основные черты нѣмцевъ «преданность долгу и вѣрность». И депутаціи прибалтійскихъ бароновъ, очень часто выѣзжающія въ Петроградъ за пособіями, тоже показываютъ на живую связь бароновъ съ остальною Россіей. Нѣтъ, латыши все преувеличиваютъ. Еслибы аэропланы были настоящими, то и лифляндскій губернаторъ и курляндскій сейчасъ бы приняли мѣры. Правда, лифляндскій губернаторъ не любитель злобы дня, онъ предпочитаетъ современности археологію и нумизматику. Но зато курляндскій губернаторъ! Какъ страстный охотникъ, этотъ послѣдній навѣрное замѣтилъ бы во время облавъ на зайцевъ на землѣ знакомыхъ помѣщиковъ и мачты для птицъ, и площадки, и выкрашенные дома, и маяки... Латыши пристрастны, это ясно. Что же касается аэроплановъ съ сигнальными огнями, то мало ли звѣздъ на небѣ, которыя можно принять за сигнальный огонь? Арктуръ, Капелла, Бетельгейзе, Ригель, Альдебаранъ... И кто можетъ поручиться,

что невѣжественные латышскіе крестьяне не приняли за аэропланъ Луну или Большую Медвѣдицу?

Чтобы отвѣчаться на ночь отъ тяжелыхъ сомнѣній и душевнаго разлада, я рѣшилъ почитать на сонъ грядущій что-нибудь легкое, литературное. Какъ разъ одинъ изъ посѣтителей оставилъ мнѣ открытку съ печатнымъ текстомъ прелестнаго нѣмецкаго стихотворенія «Wacht im Ost», принадлежащаго, по увѣренію латышей, перу знаменитаго талантливаго газенпотскаго предводителя дворянства барона Карла фонъ-Мантейфеля. Прочитавъ стихотвореніе, я заснулъ спокойно: сомнѣнія разсѣялись, какъ дымъ. Ахъ, латыши! На что они только ни пускаются, чтобы очернить своихъ исконныхъ враговъ!

Вотъ вамъ буквальный текстъ «Wacht im Ost»:

Собирайтесь снова у стараго знака Креста!
 Хотя бы буря и море разрушили балтійскую землю,
 Мы не отступимъ передъ этимъ натискомъ.
 Стой крѣпко, ты, нѣмецкая стража на Востокѣ!
 Старо-германская земля, родина благородныхъ Готовъ,
 Ты стала нѣмецкой, когда къ покинутому берегу
 Морскую тропинку при помощи нѣмецкихъ пословъ вѣры
 Нашелъ гордыи флотъ Ганзы.
 Тамъ торжественно сіялъ въ тяжелые дни меча
 Черный Крестъ — рыцарей ордена.
 Тѣхъ, которые прогнали варваровъ изъ страны,
 Вѣнчаетъ непреходящая высшая слава.
 Но лучше было, когда благородные духи мира
 Собрали вокругъ Креста всю страну,
 Когда у ногъ нѣмецкихъ мастеровъ братски
 Соединялись наука съ искусствомъ.

Тогда она была навсегда отдана намъ,
 Дорогая страна, за которую мы долго боролись;
 И нѣмецкая духовная жизнь, больше чѣмъ кровь,
 Осветила балтійскую землю.
 И что однажды завоевалъ нѣмецкій духъ,
 То нѣмецкій духъ и отдастъ намъ назадъ;
 И хотя бы все вокругъ было разрушено,
 На немъ покоится нѣмецкое счастье.
 И ты долженъ явиться обновленнымъ, нѣмецкій духъ,
 Чтобы снова освятить старыя мѣста,
 Соединить счастье свободы съ благородной дисциплиной
 И все умирающее обновить!
 Чтобы вмѣсто зимы воцарилась наконецъ весна,
 Пока ты побѣдишь всѣ сердца,
 Пока *одна рѣчь, одна вѣра, одна земля,*
 Объединять *единный* братскій народъ.
 Будь сильна и вѣрна, чтобы начать это великое дѣло,
 Въ новомъ Крестовомъ походѣ, смѣлая толпа пилигримовъ!
 Чтобы снова завоевать мирнымъ оружіемъ то,
 Что было наслѣдіемъ нашихъ отцовъ.
 Пусть развѣваются, пусть развѣваются старыя знамена
 съ Крестомъ!
 Тотъ самый Богъ, Который когда-то черезъ широкое море
 Привелъ сюда корабли нашихъ предковъ,
 Онъ и теперь будетъ нашей защитой.
 Хотя и ведетъ онъ насъ невѣдомыми путями,
 Его огонь манитъ какъ въ мирѣ, такъ и во время войны.
 Впередъ! Пусть развѣваются знамена съ Крестомъ...
 Въ этомъ знакѣ — побѣда!

Die Wacht im Ost.

Steh' dich auf's Neu' um's alte Kreuzeszeichen!
Ob Sturm und Meer das Baltensland umstost —
Wir werden nicht von dieser Scholle weichen!
Steh' fest, du deutsche Wacht im Ost!

Urdeutscher Boden, Heimat edler Gothen,
Deutsch mairst du neu, als zum verlassen Strand
Den Meerespfad mit deutschen Glaubensboten
Die stolze Hanssflotte fand.

Da strahlte hehr in harten Schwertertagen
Das schwarze Kreuz, des Ordens Rittertum.
Die die Barbaren aus dem Land geschlagen,
Kränzf' unübergänglich hoher Ruhm.

Doch schöner war's, als edle Friedensgeister
Das ganze Land um's alte Kreuz gescharrt,
Als brüderlich zu süßen deutscher Meister
Sich Wissenschaft und Kunst geparrt.

Da ward es uns, für immer uns gegeben,
Das feure Land, um das wir lang' geliebt,
Und mehr als Blut hat deutsches Geistesleben
Die Baltenerde deutsch gegeben.

Wohl führt er uns auf unbekannten Bahnen,
Sein Feuer zient im Frieden, wie im Krieg
Vor uns einher. Lasst wehn die Kreuzesfahnen,
In diesem Zeichen ist der Sieg.

Und was uns einst der deutsche Geist erworben,
Der deutsche Geist nur gibt es uns zurück;
Und wäre alles rings umher verdorben —
Auf ihm beruht das deutsche Glück.

So sollst weijngt, du deutscher Geist erschrinen
Zerstörte alle Stätten neu zu wih'n.
Der freiheit Glück mit edler Zucht vereinen
Und alles Sterbende erneu'n.

Dass aus dem Winter endlich Frühling werde,
Bis alle Herzen du gewonnen hast,
Und bis ein Wort, ein Glaube, eine Erde,
Ein einig Bruderoolk umfasst.

Sei stark und freu dies Höchste zu beginnen
In neuem Kreuzzug, tapfre Pilgerschar,
Mit Friedenswaffen wieder zu gewinnen,
Was unsrer Väter Erde war.

Lasst wehn, lasst wehn die alten Kreuzesfahnen!
Der selbe Gott, der einst durch's weite Meer
Hierher geführt die Schiffe unser Ahnen,
Er ist auch heute unsrer Wehr.

Brüder, wacht auf!

schüttelt den Schlaf ab, den langen und langen,
der in Jahrzehnten euch lähmend umfangen,
räffet euch auf zu männlichem Tun!

Brüder, wacht auf!

zum Kampf um die Heimat schliesst euch zusammen,
stünd' auch das ganze Land schon in Flammen,
nur nicht verzweifeln, nur nicht verzagt;
gerecht ist die Sache, für welche wir streiten,
drum wird uns auch Gott zum Siege geleiten,
auf zu den Waffen und mutig gewagt.

Brüder, wacht auf!

fort mit den Schwachen, Feigen und Lauen,
sie brachten uns Balten um Ehr' und Vertrauen
dem deutschen Namen Unehr' und Schand!
Das was uns not tut sind Wollen und Wagen,
Männer der Tat, die nicht fürchten noch zagen,
mit weitem Blick und kraftvoller Hand.

Brüder, wacht auf!

gedenket der Väter Kämpfen und Streben
und dass ohne Ehre kein Heil und kein Leben,
wahrt euch die Heimat, wahrt euch die Ehr!

Feinde ringsum, von unten und oben
im eigenen Lager selbstmörderisch Toben
blindes Gewähren -- masslos Begeh

Brüder, wacht auf!

erkennt bei Zeiten den Ernst der Gefahren,
deutschen Besitzstand gilt es zu wahren,
jeden Fuß-breit Erde in Stadt und Land!
stahlet den Geist zu männlichen Taten,
zu Selbstbewusstsein und weisen Raten
kampfbereit, das Schwert in der Hand.

Brüder, wacht auf!

sucht nur das Heil in der eigenen Stärke,
schafft rüstig weiter am Vaterwerke,
vom Feind gefürchtet -- von allen geehrt;
dann tagt auch für uns ein schöner Morgen,
nach all' dem Leiden und schweren Sorgen
blüht neues Leben an deutschem Herd.

Brüder, wacht auf!

in schweren Zeiten bewahr' sich auf's neue
das Pflichtbewusstsein, die deutsche Treue
in Arbeit und Kampf -- für Kaiser und Reich!

W. v. E.--Sch.

Открытии съ текстомъ „Die Wacht im Ost“ и „Brüder, wacht auf“.

III.

Вздорныя подозрѣнія. Любовь къ вышкамъ и шпицамъ. Тайна петровской колокольни. Какъ рижскіе городскіе лѣсничіе боятся грома.

Русское населеніе Риги произвело на меня грустное впечатлѣніе. Какое ненормальное отношеніе къ міру! Какая подозрительность! Какая нервность!

Русскаго челоука здѣсь можетъ смутить, благодаря его повышенной чувствительности, всякій пустякъ. Напримѣръ. Есть въ Ригѣ фабрика оптическихъ инструментовъ Цейсса. Согласно общему положенію о германскихъ подданныхъ, всѣхъ рабочихъ германцевъ съ 22-лѣтняго возраста нужно было съ этой фабрики удалить. Но какимъ-то образомъ выяснилось, что безъ германскихъ рабочихъ фабрика существовать не можетъ. Нужно въ бинокль вставить стеклышко, обточить металлическую свернутую пластинку, обтянуть остовъ кожей,—все это оказалось недоступнымъ пониманію рабочаго русско-подданнаго. Русскій рабочий не можетъ постигнуть глубины производства биноклей — въ Ригѣ это рѣшили лица близкія къ администраціи, и германскимъ подданнымъ разрѣшили остаться.

Далѣе. Въ Ригѣ живутъ германско-подданные не только рабочіе, но и интеллигенты. И этихъ подданныхъ императора Вильгельма здѣсь тоже не считаютъ опасными. На рижскомъ городскомъ водопроводѣ инженеръ — германско-подданный нѣмецъ. Нѣкоторые второстепенные служащіе водопровода — тоже. И между тѣмъ они продолжаютъ спокойно служить, такъ какъ въ Россіи нельзя до сихъ поръ найти ни одного инженера русскаго подданства, который былъ бы въ состояніи не только завѣдывать рижскимъ водопроводомъ, но даже обслуживать его отдѣльныя части.

Въ подобныхъ случаяхъ, которые признаны исключительными самой мѣстной администраціей, германофобство нужно оставить. Есть въ Россіи такія стороны жизни, которыя безъ германскаго генія совершенно не могутъ развиваться. Напримѣръ: на что по виду простое дѣло — ресторанное занятіе въ Верманскомъ паркѣ... А кто изъ русскихъ или латышей былъ бы въ состояніи содержать это заведеніе на такой высотѣ, какъ нынѣшній содержатель, несомнѣнный австріецъ?

Австрофобство рижскихъ русскихъ и латышей еще менѣе понятно мнѣ, чѣмъ германофобство. Есть въ Ригѣ, напримѣръ, истинная и патронная фабрика бывшая «Sellier et Bellot». Управление ея находится въ Австріи — въ Прагѣ. Отдѣленіе въ Берлинѣ. Рижскимъ отдѣленіемъ

завѣдуетъ нѣкій Майнсдорфъ. Въ общемъ картина самая обыкновенная, въ особенности въ Прибалтійскомъ краѣ. И что же? Русскіе обыватели совмѣстно съ латышами волнуются. «Почему,—спрашиваютъ они,—на фабрику, имѣющую здѣсь свои склады взрывчатыхъ веществъ и притомъ не обслуживающую наше военное вѣдомство,—почему на эту фабрику не обращаютъ должнаго вниманія? Вѣдь это австрійское предприятие! И притомъ въ военномъ смыслѣ не совсемъ намъ пріятное!»

Милые обыватели... Какъ они нервны! Малѣйшій пустякъ ихъ гнететъ и волнуетъ. Они хотятъ быть болѣе патріотичными для Россіи, чѣмъ самъ губернаторъ!

Выслушавъ въ день пріѣзда всевозможные нелѣпыя слухи о сигнализациі, ракетахъ, вышкахъ для птицъ, маякахъ и аэропланахъ, я рѣшилъ провѣрить наудачу два факта, о которыхъ слышалъ самыя настойчивыя увѣренія со стороны мѣстныхъ жителей. Первый фактъ таковъ. Одинъ генералъ передавалъ мнѣ, что служащіе русскаго магазина извѣстной въ Россіи фирмы увѣряли его, будто ночью видѣли у вершины колокольни кирхи св. Петра какіе-то огни, которые то появлялись, то исчезали черезъ правильные промежутки времени. Это показаніе служащихъ, пожалуй, я не счелъ бы особенно серьезнымъ, еслибы случайно въ бесѣдѣ съ однимъ виднымъ русскимъ чиновникомъ не услы-

шалъ отъ послѣдняго, будто онъ самъ замѣчалъ огни на башнѣ св. Петра. Изъ оконъ его квартиры, какъ я убѣдился лично, Петровская кирха видна, дѣйствительно, отлично. А огни видѣлъ не только онъ одинъ. Это странное явленіе наблюдалъ и присутствовавшій у него на квартирѣ знакомый, а также прислуга, которая удостовѣрила, что огни на башняхъ, какъ Петровской кирхи, такъ и нѣкоторыхъ сосѣднихъ церквей съ остроконечными колокольнями, она видѣла не разъ по вечерамъ.

Вотъ показанія, идущія совершенно изъ разныхъ источниковъ и потому заслуживающія серьезнаго вниманія. Конечно, я не вѣрилъ въ данномъ случаѣ въ какую-нибудь сигнализацию. Не вѣрю и теперь. Но изслѣдованіе вопроса о загадочныхъ огняхъ меня заинтересовало, и я принялся за него съ особымъ рвеніемъ.

Пригласивъ себѣ въ спутники одного рижанина-латыша, я отправился осматривать церковь. Всѣ рижане, посвященные въ мое предпріятіе, завѣряли меня, что на башню кирхи можно подняться, уплативъ плату въ 20 копеекъ. Эта башня всегда служила мѣстнымъ туристамъ, мечтающимъ о горахъ, излюбленнымъ мѣстомъ для подъема. И Петровская кирха, дѣйствительно, самое высокое зданіе въ городѣ. Она видна за многіе десятки верстъ и со стороны моря и со стороны суши.

Двери кирхи оказались запертыми. Какъ мы

ни старались найти около церкви сторожа,—его нигдѣ не было. Какой-то живущій рядомъ съ кирхой латышъ, наконецъ, указалъ намъ адресъ сторожа: на площади, домъ № 7. Мы отправились. Послѣ долгихъ поисковъ нашли квартиру, но неудачно: сторожа не было.

— Вы хотите лѣзть наверхъ?—подозрительно спросилъ моего спутника нѣмецъ. — А развѣ у васъ есть разрѣшеніе?

И тутъ онъ строго добавилъ:

— Получите разрѣшеніе отъ церковнаго старосты Буша, тогда, можетъ быть, васъ пустятъ.

Мы отправились къ церковному старостѣ, въ аптекарскій магазинъ, владѣльцемъ котораго онъ состоитъ.

— Можно видѣть герръ Буша?

— А вамъ на что?

— Для разрѣшенія взлѣзть на Peterkirche.

— Герръ Бушъ уѣхалъ изъ Риги въ путешествіе и, навѣрно, скоро не вернется.

Мы ушли огорченные неудачей. И хотя мой спутникъ, какъ природный латышъ, началъ категорически утверждать, что неожиданное, никогда раньше не существовавшее запрещеніе его удивляетъ, такъ же удивляетъ, какъ и путешествіе господина Буша, однако, я лично успокоился. Огни на кирхѣ, безусловно, плодъ разстроеннаго воображенія моихъ информаторовъ. Разъ ключи отъ кирхи хранятся у господина Буша, а господинъ Бушъ уѣхалъ, и теперь никто

безъ него не можетъ подняться на башню, то ясно, что никакихъ огней за послѣднее время тамъ быть не могло. Другое бы дѣло, еслибы входъ наверхъ былъ разрѣшенъ, какъ раньше, всѣмъ. Тогда нельзя поручиться за публику. Мало ли кто полѣзетъ наверхъ! Еще устроить какой-нибудь шпионъ безпроводочный телеграфъ, благо въ церкви электрическая энергія имѣется, или начнетъ сигнализировать...

Итакъ, исторія съ огнями рухнула. Вотъ какъ нельзя вѣрить иногда не только слухамъ, но даже свидѣтельскимъ показаніямъ!

Второй мой опытъ провѣрки подозрительныхъ слуховъ относится къ вышкамъ, которыя разбросаны по Рижскому уѣзду въ лѣсахъ, принадлежащихъ городу Ригѣ. Нужно сказать, что лѣсничіе, назначаемые въ эти лѣса городскимъ самоуправленіемъ, нерѣдко оказывались германскими подданными. Такъ, на примѣръ, огромными лѣсами, находящимися вблизи станціи Огеръ, завѣдывалъ до послѣдняго времени германскій подданный Лефлеръ, сейчасъ, кажется, уже арестованный. Причина, по которой на мѣста лѣсничихъ рижская управа обыкновенно назначала германско-подданныхъ, не всѣмъ ясна. Можно предполагать, что это дѣлалось потому, что германско-подданные люди болѣе культурные, чѣмъ русскіе подданные, и потому могутъ легче сноситься между собою по телефону во всѣхъ экстренныхъ случаяхъ, легче могутъ замѣтить по-

рубку лѣса, возникновеніе пожара и надвигающуюся бурю, грозящую цѣлости лѣса.

Вотъ въ связи съ этими лѣсничими германскаго подданства и ходилъ до сихъ поръ въ Ригѣ упорный слухъ о томъ, что пожарныя вышки, построенныя лѣсничими во всѣхъ городскихъ лѣсахъ для предупрежденія возникающихъ пожаровъ,—внушаютъ своимъ видомъ подозрѣнія. Теперь, послѣ моего разслѣдованія, которое я произвелъ въ Огерѣ, надѣюсь, слухи прекратятся совершенно, а городское самоуправленіе Риги сниметъ съ себя незаслуженныя упреки въ симпатіяхъ къ германизму.

Вышка въ Огерѣ находилась до недавняго времени недалеко отъ желѣзнодорожной станціи на холмѣ, покрытомъ хвойнымъ лѣсомъ. Подъ вышкой холмъ не только былъ расчищенъ, но и выравненъ, представляя симпатичную площадку, годную для всякихъ цѣлей... Напримѣръ, для игры въ крокетъ. Въ сторону желѣзной дороги и въ сторону станціи отъ вышки идутъ ровныя просѣки и открываютъ восхитительный видъ, какъ на противоположный курляндскій берегъ Двины, такъ и на полотно желѣзной дороги, видное на нѣсколько верстъ протяженія. Словомъ, площадка очень мила и пріятна для тѣхъ, кто любитъ широкій горизонтъ, и кому нравится наблюдать за движеніемъ поѣздовъ, кажущихся отсюда такими игрушечными... И вдругъ, года два назадъ вышку убрали. Перенесли на двѣ—

три версты въ сторону, туда, гдѣ огерская публика гуляетъ гораздо рѣже и потому не мѣшаетъ дежурнымъ на вышкѣ лѣсникамъ слѣдить за возникающими на горизонтѣ пожарными вспышками. На старомъ мѣстѣ осталась прекрасная площадка для... игры въ крокетъ, какъ я уже упоминалъ. А на новомъ мѣстѣ для вышки опять расчищено мѣсто. Горка выбрана почти такой же высоты, какъ и прежняя; съ нея видны тоже и желѣзная дорога, и противоположный берегъ Двины. И хотя огерскій городской лѣсъ уходитъ отъ полотна желѣзной дороги къ сѣверу, вышка все-таки расположена не въ срединѣ лѣса, а на его краю... Очевидно, лѣсничій Лефлеръ распорядился ее поставить на основаніи послѣднихъ научныхъ германскихъ руководствъ по лѣсоводству...

Внѣшній видъ вышки очень любопытенъ. Она по высотѣ равна по крайней мѣрѣ среднему пятиэтажному городскому дому. Четыре ствола мачтовыхъ сосенъ составляютъ главный ея остовъ, переплетенный бревнами. Наверхъ идетъ внутренняя лѣстница, ведущая на крайнюю верхнюю площадку, гдѣ обыкновенно находится лѣсникъ. Оканчивается вышка небольшимъ флагштокомъ, къ которому придѣланъ металлическій шпицъ, конечно, для громоотвода. И отъ вышки по столбамъ спускаются двѣ проволоки. Одна отъ телефона—потоньше, другая отъ громоотвода—потолще.

Льсная вышка въ Огеръ.

Какъ оказывается, на каждой вышкѣ городскихъ лѣсовъ имѣется телефонъ. Онъ идетъ къ дому лѣсничаго; домъ лѣсничаго соединенъ телефономъ съ главнымъ лѣсничимъ, главный лѣсничій соединенъ съ другимъ простымъ лѣсничимъ, другой простой лѣсничій соединенъ съ вышками своихъ дежурныхъ лѣсниковъ. Словомъ, великолѣпно организованная телефонная сеть, при помощи которой все лѣсничіе и все лѣсники могутъ сообщать другъ другу не только о пожарахъ, но даже о простыхъ искоркахъ свѣта, если они показываются неожиданно надъ лѣсомъ...

Детальный осмотръ вышки успокоилъ меня. Хотя на самый верхъ въ забитое досками помѣщеніе дежурнаго лѣсника ходъ запертъ на ключъ; хотя раньше на самый верхъ входъ публикѣ былъ разрѣшенъ; хотя ни телефоннаго аппарата, ни устройства соединенія двухъ проволокъ громотвода въ одну я не могъ видѣть, — однако вышка безусловно выше всякихъ подозрѣній. Въ особенности хорошо, что входъ постороннимъ къ аппаратамъ не разрѣшается. Въ нынѣшнее тревожное время, когда въ пограничныхъ районахъ бродитъ масса подозрительныхъ лицъ, мѣры предосторожности лѣсничихъ, хотя бы и германскихъ подданныхъ, какъ нельзя болѣе кстати. Такія вышки, какъ вышки рижскихъ лѣсовъ, злославленными лицами очень легко могутъ быть использованы съ вредными цѣлями.

Пожалуй, больше даже чѣмъ башня кирпичи св. Петра...

Итакъ, слухи о вышкахъ, какъ вы видите, на примѣрѣ огерской вышки, совершенно нелѣпы. Вообще, нужно замѣтить, что Прибалтійскій край и въ особенности сама Рига страшно любятъ украшаться вышками, башнями и шпицами. Видами уединенныхъ башенъ края можно любоваться даже, перелистывая страницы знаменитаго календаря «*der Deutschen Verein in Liv. Est u. Kurland*». Въ Ригѣ, на примѣрѣ, на старомъ зданіи городской думы, гдѣ помѣщается бібліотека и архивъ, есть высокій металлическій шпигъ, который не нуженъ ни какъ громоотводъ, ни какъ флагштокъ. Если переѣхать по мосту черезъ Двину въ Задвинье,—обиліе остроконечныхъ готическихъ окончаній домовъ удивительно ласкаетъ взглядъ.

— Нѣтъ, нужно большое воображеніе и разстроенные нервы, чтобы вѣрить всѣмъ распускаемымъ по Ригѣ баснямъ,—согласился со мною въ дружеской бесѣдѣ чиновникъ лифляндскаго губернскаго присутствія, котораго я случайно принялъ за русскаго.

IV.

Рижскій патриотизмъ. Молитва за братьевъ. Теплая встрѣча русскихъ раненыхъ. Хризантемы для плѣнныхъ. Красный Крестъ или Deutscher Verein? Страхи больного.

Нигдѣ въ Россіи патриотическое одушевленіе не принимаетъ такого своеобразнаго выраженія и такихъ своеобразныхъ формъ, какъ въ Ригѣ. Здѣсь все связано съ «инцидентами». Устраивается день флаговъ — инцидентъ. Встрѣчаютъ раненыхъ — инцидентъ. Молятся о дарованіи победы нашему воинству — инцидентъ.

Возьмите, на примѣръ, молитву о дарованіи победы. Въ Петроградѣ, какъ и вездѣ, въ церквахъ ясно слышно, за чью победу молится пастырь. Въ Прибалтійскомъ же краѣ, благодаря своеобразнымъ мѣстнымъ условіямъ, нѣмецкіе пасторы выработали нѣсколько иную форму молитвы. Она гласитъ кратко:

«Für unsern Brüdern». За нашихъ братьевъ. Независимо отъ того, гдѣ эти братья находятся — въ Россіи, или въ Германіи.

Я не вѣрю, конечно, что генераль-суперинтендентъ, безусловно слышавшій объ этой обобщенной формулѣ — молитвѣ, хочетъ что-нибудь подчеркнуть своимъ непотвореніемъ. Нѣмецкій философскій умъ всегда склоненъ къ широкимъ

опредѣленіямъ. Но въ городѣ латыши и русскіе недовольны.

— Намъ извѣстно, что какой-то однофамилецъ суперинтендента Гетгенсъ находится сейчасъ въ германской арміи,—говорятъ они.—Мы этого однофамильца видѣли раньше въ Ригѣ: онъ жилъ на квартирѣ у суперинтендента и говорилъ ему не то «Papa», не то «Onkel»...

И о формулѣ «für unsern Brüdern», разговоры въ Ригѣ не прекращаются.

Относительно сообщеній русской печати о томъ, что нѣкоторые рижскіе нѣмцы очень равнодушны къ успѣхамъ нашего оружія, — я могу изъ рассказовъ очевидцевъ засвидѣтельствовать, что это сущая неправда. Всѣ нѣмцы страшно патриотичны. Возьмите календарь Deutscher Verein'a за 1914 годъ и посмотрите, сколько въ немъ не по-русски настроенныхъ членовъ. Въ отдѣлѣ «Ortsgruppe Riga» указано, что составъ рижскаго отдѣла въ началѣ сентября 1913 года насчитывалъ въ числѣ членовъ только 5,676 мужчинъ и 5,505 женщинъ, т.-е. 11,181 тѣхъ и другихъ; развѣ это такъ много на одинъ городъ, въ которомъ всѣхъ нѣмцевъ числится около 70 тысячъ?

Нужно было видѣть и слышать отъ очевидцевъ, какъ, напримѣръ, проходилъ въ Ригѣ недавно устроенный «день флаговъ». Были случаи, когда какой-нибудь изъ членовъ Deutscher Verein'a подходилъ къ продавщицѣ флаговъ и спрашивалъ:

- А германскіе флаги есть?

И когда германскихъ флаговъ не оказывалось, онъ любезно заявляетъ, что могъ бы, въ крайнемъ случаѣ, удовлетвориться австрійскими.

Недавно удалось мнѣ побывать на той станціи, куда подходятъ поѣзда съ ранеными, направляемыми въ Ригу. При мнѣ пришелъ поѣздъ съ 400 солдатъ. На перонѣ былъ приготовленъ

QUITTING.

№. 1 Pr. Rbl. ~~.....~~

Von General ~~.....~~

für ~~.....~~

Rbl. ~~.....~~

erhalten zu haben, bescheinige hiermit ~~.....~~

den 19

Квитанціи, выдаваемая въ рижскомъ Красномъ Крестѣ русскимъ больнымъ.

для раненыхъ чай съ закусками, всего было достаточно. Но что мнѣ показалось страннымъ, это разговорный языкъ окружавшихъ. Когда поѣздъ остановился, и первый раненый выглянулъ изъ дверей теплушки на станцію, кругомъ засуетились. Кто-то крикнулъ.

— Sie sind angekommen!

Переносить раненыхъ поручено пожарнымъ, предоставленнымъ для этой цѣли рижскимъ го-

родскимъ самоуправленіемъ комитету по приему раненыхъ. Но у этихъ пожарныхъ, какъ на зло, форма напоминаетъ австрійскую—военную, съ приподнятыми сзади шапками и острыми козырьками. И когда раненыхъ несутъ на носилкахъ, а старшій пожарный командуетъ:

— Links! Vorsicht!

То раненые солдатики испуганно озираются по сторонамъ, и въ ихъ глазахъ легко замѣтить тревогу относительно того, не попали ли они случайно вмѣсто Россіи въ Австрію...

Впрочемъ по-нѣмецки до сихъ поръ разговаривали въ присутствіи раненыхъ не только при встрѣчѣ. Въ больницѣ Краснаго Креста, гдѣ участвуетъ большое количество дамъ изъ Deutscher Verein'a и Frauenbund'a, дѣло обстоитъ не лучше. Конечно, нельзя ничего имѣть противъ того, что дамы—члены Deutscher Verein'a, освободившіяся отъ своихъ прежнихъ занятій въ закрытомъ нынѣ учрежденіи, рѣшили перенести свою энергію и знаніе дѣла въ Красный Крестъ. Здѣсь мы видимъ въ спискѣ комитета общины сестеръ милосердія предсѣдательницу Пиларьфонъ-Пильхау, товарища доктора Клемма, почетнаго члена фрау Эрцдорфъ-Купферъ, членовъ: фрау Крамеръ, фрау Рорбекъ, фрау Нилендеръ, фрау Брюммеръ, графъ Стенбокъ-Ферморъ, баронессу Майдель, баронессу Вольфъ, фрейленъ Клеммъ, коммерціи совѣтника Фогельзанга, доцента Гейнце. И на все эти фамиліи четырехъ русскихъ дамъ:

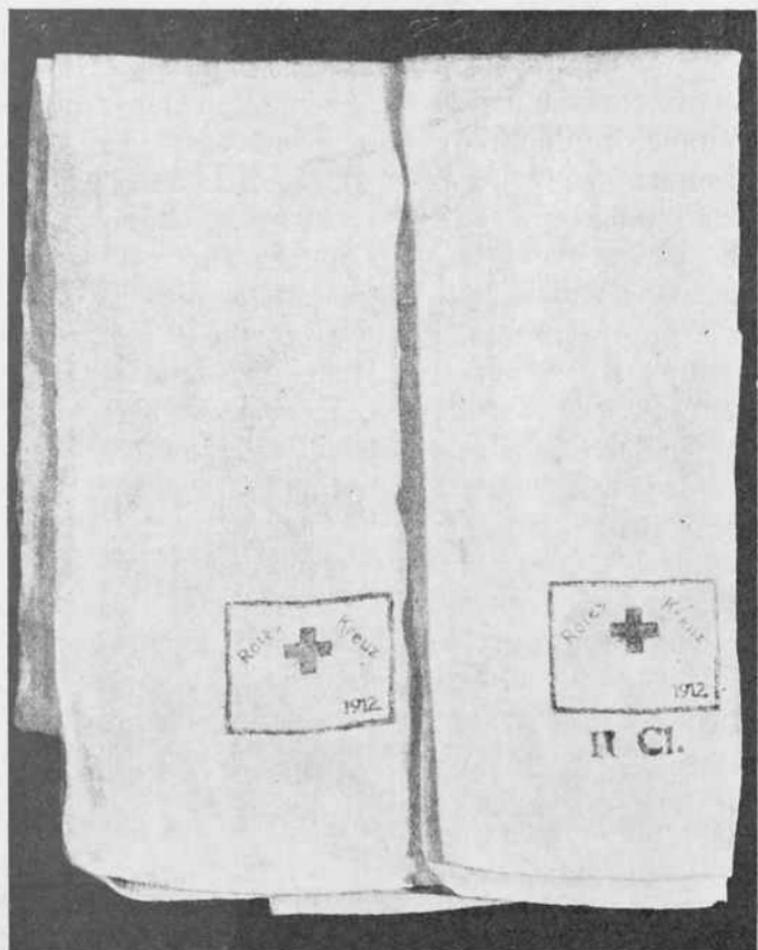
Корчагину, Алексѣеву, Меркульеву, Бертельсъ, да одного протоіерея Плиса.

Естественно, что въ палатахъ Краснаго Креста наши раненые слышатъ не только нѣмецкую рѣчь, но даже видятъ надъ кроватью таблицы съ нѣмецкими надписями: Abtheilung, Name, Datum... Stunde, Puls, Temperatur... И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что одинъ изъ раненыхъ солдатиковъ, привезенный сюда въ безсознательномъ состояніи, и придя въ себя, пытался даже выскочить въ окно палаты, думая, что попалъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ... Это—фактъ, о которомъ знаетъ каждый рижанинъ.

Впрочемъ, нужно быть справедливымъ. Нѣмецкая рѣчь неприятна не всѣмъ раненымъ. Плѣнные солдаты германской арміи, лежа въ больницѣ, безъ сомнѣнія находятъ въ звукахъ нѣмецкой рѣчи большое удовлетвореніе. Имъ, этимъ плѣннымъ, въ Ригѣ вообще живется недурно. Недавно, напримѣръ, пришелъ поѣздъ съ ранеными, въ числѣ которыхъ было три или четыре германскихъ солдата. И когда публику пустили въ вагоны для раздачи пищи раненымъ, завѣдующая организаціей приѣма генеральша замѣтила, что у постелей германскихъ солдатъ лежатъ цвѣты, а у остальныхъ—ничего. Генеральшѣ пришлось прибѣгнуть къ строгости, отбросить цвѣты въ сторону и довольно долго убѣждать присутствовавшихъ дамъ, что всѣ раненые должны пользоваться одинаковымъ вниманіемъ публики.

Германскимъ плѣннымъ подобная строгость, конечно, оказалась не по сердцу. Они только что перенесли тяжкое разочарованіе въ томъ, что Рига—русскій городъ и не взять Германіей, какъ въ томъ увѣряли ихъ берлинскія газеты. И вдругъ, такая жестокость, для культурнаго германца непонятная и страшная: лишеніе цвѣтовъ! Только по дорогѣ въ больницу плѣнные получили нѣкоторое удовлетвореніе: стоявшая у тротуаровъ по пути слѣдованія раненыхъ публика, несмотря на косые взгляды русскихъ и латышей, забросала ихъ хризантемами.

Впрочемъ, теперь раненыхъ германцевъ сюда почти не присылаютъ. Въ Ригѣ не хватаетъ мѣста не только для плѣнныхъ, но даже для своихъ собственныхъ русскихъ солдатъ. Въ то время, какъ такіе города, какъ Двинскъ, помѣщаютъ у себя до 7 тысячъ, Рига дала пріютъ менѣе чѣмъ 3 тысячамъ человѣкъ, хотя жителей въ ней по послѣдней переписи болѣе полумилліона. Это странное обстоятельство нѣмцы объясняютъ тѣмъ, что въ началѣ войны сюда не предполагали отправлять раненыхъ; латыши же толкуютъ иначе. Они приводятъ рядъ убѣдительныхъ фактовъ, изъ которыхъ видно, что правленіе рижскаго Краснаго Креста, состоя почти исключительно изъ нѣмцевъ, тормозитъ всякую помощь, исходящую отъ латышей или русскихъ. Въ уѣздахъ латыши не могутъ открыть своихъ лазаретовъ; предложенія частныхъ лицъ изъ латышей, отда-

Полотенце изъ больницы римскаго Краснаго Креста. Такъ какъ на нѣмецкомъ штемпелѣ нѣтъ указанія на Россійскій Красный Крестъ, то этими полотенцами, какъ говорятъ, очень охотно утираются плѣнные раненые германскіе солдаты.

ющихъ свои квартиры подъ лазареты съ полнымъ оборудованіемъ, остаются безъ вниманія. Когда въ комитетѣ рижскаго отдѣленія Краснаго Креста поднялся вопросъ о привлеченіи къ дѣлу благотворительности латышей, большинство высказалось противъ. Вице-предсѣдатель баронъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ непосредственно вступилъ въ переговоры съ помѣщиками, и въ результатѣ представителями районныхъ комитетовъ въ Лифляндіи, исключая Вольмара, оказались только нѣмцы. Даже въ товарищи предсѣдателей не попали латыши: въ Венденскомъ уѣздѣ, напри- мѣръ, составъ комитета не только исключительно нѣмецкій, но состоитъ какъ разъ изъ тѣхъ лицъ, которыя въ смутное время были съ латышами въ особенно обостренныхъ отношеніяхъ.

Несомнѣнно, что при такомъ одностороннемъ веденіи дѣла помощь раненымъ только можетъ страдать. Латыши относятся къ рижскому отдѣленію и ко всѣмъ районнымъ комитетамъ недружелюбно. Русскіе считаютъ правленіе несправедливымъ. И благодаря всему этому пожертвованій поступаетъ гораздо меньше, чѣмъ могло бы поступить въ такой богатой губерніи, какъ Лифляндская.

Соотвѣтственно съ приведеннымъ общимъ положеніемъ вещей возникаетъ много недоразумѣній и въ вопросахъ частнаго характера. Латышскимъ дамамъ обыкновенно отказываютъ въ приемѣ на курсы сестеръ милосердія подъ пред-

логомъ переполненія мѣстъ; между тѣмъ собственныхъ сестеръ милосердія въ общинѣ не хватаетъ, и ихъ приходится выписывать изъ Петрограда. Точно также страннымъ нужно признать и то холодное отношеніе, которое проявляетъ къ благотворителямъ-Латышамъ мѣстная администрація. Не такъ давно совѣтъ общества рижскихъ латышскихъ домовладѣльцевъ и промышленниковъ постановилъ созвать общее собраніе членовъ общества для обсужденія помощи раненымъ и оборудованія квартиръ-лазаретовъ.

Уполномоченный общества инженеръ Предигъ зашелъ въ канцелярію губернатора за разрѣшеніемъ созыва собранія. Онъ долго ждалъ тутъ, разсматривая отъ нечего дѣлать на стѣнѣ карту Лифляндіи на нѣмецкомъ языкѣ... И черезъ два часа ему отвѣтили:

— Entschuldigen-Sie... Приходите завтра, губернаторъ сегодня принимаетъ только иностранныхъ подданныхъ.

Черезъ день заявили:

— Was wollen Sie auch? Вашего прошенія въ регистратурѣ не имѣется.

Черезъ два дни:

— Oh, Sie sind sehr beharrlich... Ждите резолюцію черезъ полицію.

А когда уполномоченный общества, ссылаясь на спѣшность дѣла, попросилъ, наконецъ, лична-

го свиданія съ губернаторомъ, ему отказали. Отвѣтъ черезъ полицію дѣйствительно въ концѣ концовъ былъ полученъ, но, къ сожалѣнію, на два дня позже того числа, на которое общество хотѣло назначить собраніе.

Между тѣмъ были случаи, что въ Ригу привозили раненыхъ и за неимѣніемъ мѣста складывали на солому. Только въ послѣднее время раненые размѣщаются болѣе или менѣе свободно, такъ какъ, махнувъ рукой на рижскую благотворительность, военно-санитарное вѣдомство само развернуло здѣсь свои лазареты и госпитали.

Да, удивительно, непостижимо, какъ это въ такое торжественное, въ такое серьезное время, какъ теперь, когда облагораживаются даже самыя заурядныя, мелочныя натуры, въ Ригѣ правящая нація все-таки никакъ не можетъ избавиться отъ національныхъ уколовъ и шпилекъ по адресу противниковъ-латышей и не хочетъ примириться съ ними на справедливыхъ и равныхъ началахъ!

V.

Нѣкоторые члены рижской городской думы. Нѣкоторые члены Deutscher Verein'a. Совпаденіе. Оклады служащихъ. Гармоничность и созвучіе фамилій. Ненужность выводовъ.

Однимъ изъ любопытныхъ вопросовъ Лифляндіи является несомнѣнно составъ городского самоуправленія города Риги. Рига не только главный центръ края; она и помѣщикъ—обладательница великолѣпныхъ лѣсовъ, торфяныхъ площадей, чуть ли не лучшихъ въ Россіи, и всякихъ угодій. И если въ Ригѣ проживаетъ почти треть нѣмецкаго населенія края, то и треть вниманія къ нѣмцамъ должна быть по крайней мѣрѣ посвящена этому городу.

Скучно имѣть дѣло съ цифрами. Но не всегда. Иногда цифры за собою скрываютъ великолѣпный ландшафтъ, несутъ удивительное по захватывающему интересу содержаніе. Нужно только во время снять эти лѣса, чтобы грандіозное культурное зданіе сразу выросло за ними.

Въ рижской городской думѣ 80 гласныхъ. Изъ нихъ 44 нѣмца, 22 латыша и 14 русскихъ. Въ составъ населенія Риги около 80 тысячъ русскихъ, 250 тысячъ латышей и около 70 тысячъ нѣмцевъ. Если составить пропорцію для представительства всѣхъ трехъ національностей,

можно получить любопытную арифметическую загадку.

$$44 : 22 = 70 : 250$$

и

$$44 : 14 = 70 : 80.$$

Пропорціи, какъ вы видите, выходящія изъ предѣловъ математическаго истолкованія. Чтобы четыре относилось къ двумъ такъ, какъ семь относится къ двадцати пяти,—этого ни въ наукѣ, ни въ обычной жизни вы не встрѣтите никогда. Прибалтійскій край впервые даетъ намъ доказательство существованія метаарифметики, надъ разработкой которой много трудились, какъ самъ городской голова Бульмерингъ, такъ и главный агентъ по городскимъ выборамъ Реймерсъ, великолѣпный математикъ...

Но не въ одной метаарифметикѣ дѣло. Просматривая метаарифметическій списокъ гласныхъ думы съ одной стороны, и списокъ членовъ комиссій Deutscher Verein'a съ другой — я набрелъ на новое чудо: и тамъ, и тутъ, сплошь и рядомъ не только одинаковыя фамиліи, но и одинаковыя имена!

Въ городской думѣ, напимѣръ, значится:

Бульмерингъ Вильгельмъ.

И въ составѣ правленія Verein'a значится:

Бульмерингъ Вильгельмъ.

Въ городской думѣ есть гласные:

Кюммель Николаѣ, Самсонъ-фонъ Гиммельштейерна Францъ, Бейерманъ Іоганнъ Гейнрихъ, Фробинъ Гейнрихъ, Гроссманъ Пауль, фонъ-Клодтъ Николаѣ, Розенбергъ Карль и другіе...

И о... удивленіе! Въ составъ членовъ правленія и комиссій Deutscher Verein'a тоже находятся:

Кюммель Николаѣ, Самсонъ фонъ-Гиммельштейерна Францъ, Бейерманъ Іоганнъ Гейнрихъ, Гроссманъ Пауль, фонъ-Клодтъ Николаѣ, Розенбергъ Карль и другіе.

Я не берусь разбирать вопросъ объ этихъ двойникахъ однофамильцахъ и тезкахъ. Но въ Ригѣ говорятъ, будто въ члены думы обыкновенно выбираютъ бывшихъ корпорантовъ рижской корпорации Fraternitas Baltica и юрьевской Fraternitas Rigengis. Оттуда многіе поступаютъ и въ Deutscher Verein. И быть можетъ двойники, упомянутые раньше, вовсе не двойники, а просто-на-просто одни и тѣ же бывшіе корпоранты.

Исключительный составъ рижской городской думы ведетъ, конечно, и къ исключительному составу служащихъ всѣхъ городскихъ предприятий. Нужно сказать, что рижскіе городскіе служащіе имѣютъ оклады по большей части средніе между министерскими и товарищъ-министерскими. Передо мною, сейчасъ лежитъ «Смѣта доходовъ и расходовъ города Риги». И въ ней я читаю:

Жалованье городскому секретарю Карлбергу— 8,000 руб.; жалованье второму секретарю фонъ-

Стицинскому—5,064 руб.; жалованье секретарю Белендорфу—4,800 руб.; жалованье секретарю Лабутину—4,800 руб.; жалованье двумъ помощникамъ секретарей гг. Лутцау и Мюллеру—4,000 руб.

А затѣмъ идетъ:

Жалованье городскому инженеру Станге—3,000 руб.; жалованье первому бухгалтеру Эльфенбейну—3,600 руб.; жалованье старшему архитектору—8,000 руб.; жалованье тремъ помощникамъ—11,700 руб.; жалованье главному городскому инженеру Ренненкампфу—8,600 руб.; двумъ городскимъ инженерамъ Баллоду и Ремеру—10,800 руб.; конструкціоннымъ городскимъ инженерамъ Бурмейстеру, Мирбаху, Пительману, Штегеру—17,162 р.; жалованье четыремъ строительнымъ ревизорамъ Вильде, Мельбарту, Ашенкампфу, Рйтеру—16,350 р.; жалованье секретарю хозяйственной комиссіи Гартману—4,800 руб.; помощнику секретаря Бульмерингу—2,400 руб.; жалованье секретарю строительной комиссіи Бруттану—3,900 руб.; жалованье секретарю строительнаго надзора фонъ-Беркгольцу 3,750 руб.; жалованье секретарю торговой комиссіи Э. Шилинцкому—4,800 руб.; браковщику сельдей—3,000 р.; жалованье секретарю квартирной комиссіи Фельзеру—3,250 руб.; жалованье директору городскихъ садовъ Куфальту—4,500 руб.; помощнику его фонъ-Пеппингаузену—2,000 руб.; жалованье секретарю больничной комиссіи Вебелю—3,000 руб.; жалованье директору статистической комиссіи фонъ-Шренку—4,000 руб.; жало-

ванье председателю сиротскаго суда Борнгаупту—4,000 рублей.

И такъ далѣе, и такъ далѣе... Фамиліи секретарей, директоровъ, инженеровъ водопровода, управляющихъ газоваго завода, электрической станціи, бойни, лѣсничихъ и другихъ, подобныхъ предыдущимъ: Шульцъ, Розенкранцъ, Гемзендорфъ, Шмидтъ, Гронтенталеръ, Гаделихъ, Лефлеръ... Даже въ городскомъ реальномъ училищѣ «жалованье директору Вестбергу—4,200 руб.», а въ городскомъ женскомъ шестиклассномъ училищѣ «инспектору Андерсу—4,020 руб.». Только въ начальныхъ училищахъ начинаютъ попадаться латышскія фамиліи, въ родѣ Залита, и русскія, въ родѣ Орановской. Да и тѣ звучать какимъ-то диссонансомъ въ общей вагнеровской гармоніи городскихъ должностей.

Подсчитайте теперь изъ приведеннаго списка, который у меня данъ не совсѣмъ полнымъ, во избѣжаніе утомленія вниманія читателей, — подсчитайте, сколько у города Риги секретарей. Тринадцать! Не считая нѣкоторыхъ помощниковъ. Шесть изъ нихъ сидятъ въ одной канцеляріи городской управы. Управскіе секретари получаютъ сообща 26,664 рубля; а всѣ секретари, вмѣстѣ взятые, гораздо болѣе 50 тысячъ!

Я не знаю, были ли бы всѣ эти оклады такъ хороши, еслибы въ фамиліяхъ директоровъ, председателей и секретарей произошли какія-нибудь существенныя перемѣны въ пользу рус-

скихъ. Но сейчасъ служащимъ городскихъ предприятий Риги живется великолѣпно. Лѣсничій Лефлеръ, германскій подданный, имѣеть отъ города чудесную дачу въ Огерѣ; въ городскихъ банкахъ на хорошихъ окладахъ сидятъ два германскихъ подданныхъ; на водопроводѣ главный инженеръ—германско-подданный; директоръ городскихъ садовъ, тоже германскій подданный, Куфальтъ, до послѣдняго времени беззаботно сажалъ въ городскомъ питомникѣ «яблони императора Вильгельма II», и самъ городской голова Бульмерингъ не разъ ходилъ къ директору въ гости вкушать плодовъ отъ этого рижскаго древа познанія добра и зла.

Для меня остается нерѣшеннымъ одинъ только вопросъ въ рижскомъ городскомъ самоуправленіи. Дѣло въ томъ, что въ мѣстномъ ассенизаціонномъ обозѣ есть должность «шталмейстера» съ жалованьемъ въ 420 рублей. (Приложеніе къ ст. 7, § XI).

И меня страшно интересуеть: не является ли этотъ шталмейстеръ шталмейстеромъ также и при дворѣ императора Вильгельма II?

VI.

Германскія предпріятія въ Ригѣ.

Застѣнчивость и институтская скромность, съ которой обращаются вообще въ Россіи съ германскими подданными, въ Прибалтійскомъ краѣ достигаютъ наивысшаго пункта. Въ то время, какъ англичане останавливаютъ на улицахъ всѣхъ лицъ, напоминающихъ германцевъ, и просятъ удостовѣрить личность, французы рѣшаютъ конфисковать всѣ безъ исключенія имущества германскихъ подданныхъ, — у насъ, въ Россіи, въ благословенной Ригѣ, германскіе подданные не только сидятъ въ городскихъ банкахъ и на городскомъ водопроводѣ, но продолжаютъ заниматься попрежнему фабричной и заводской работою въ собственныхъ предпріятіяхъ, относительно которыхъ здѣсь даже и не возникаетъ предположенія о конфискаціи...

Въ Ригѣ существуетъ множество торгово-промышленныхъ предпріятій, принадлежащихъ германскимъ и австрійскимъ подданнымъ. Я приведу изъ нихъ только болѣе значительныя, — и вы увидите, все-таки, какъ богатъ и разнообразенъ этотъ списокъ:

Братя Гейтманъ — фабрика красокъ, Герлитгауэръ — замочная фабрика, Кассель и Комп. — фабрика красокъ, Густавъ Зеннекинъ — фабрика

пилъ, Д-ръ Леверкусъ — фабрика ультрамарина, Арентъ — паркетная фабрика, Маускеръ — ножевая фабрика, Ф. Мейеръ — устройство турбинъ и мельницъ, Русско-рейнскій заводъ свинцовыхъ красокъ, «Русская» фабрика металлическихъ рукавовъ, фабрика игрушекъ — Лейтке, фабрика оптическихъ инструментовъ — К. Цейсса, фабрика ремней — Швейкскуртъ, пивоваренный заводъ — Шиндлеръ, мануфактурный складъ — В. Ангельбекъ, приводные ремни — отдѣленіе Баушъ и сынъ, техническое бюро — О. Бабергергеръ, производство шапокъ — Э. Бангъ и Комп. (совладѣлецъ германскій подданный), Бланкеманъ и Ланге — торговля фабричными принадлежностями, мануфактура — Брюггеманъ, Бушъ — паровая мельница, братья Бушъ — фабрика механическихъ издѣлій, Георгъ Гальманъ — торговля лѣсомъ...

Мало? А вотъ для примѣра обороты нѣкоторыхъ предпріятій германскихъ подданныхъ и чистая прибыль за 1913 годъ.

Акціонерное общество целлулоидной фабрики «Вальдгофъ». Годовой оборотъ — 29.701.677 рублей. Чистая прибыль — 1.176.044 рублей.

Рижское отдѣленіе Вестфальской проволочной промышленности въ Гаммъ. Оборотъ — 3.247.639 р. Чистая прибыль — 153.979 руб.

Акціонерное общество пистоннаго (!) и патроннаго (!!)-завода, бывшаго Селлие и Балло. Оборотъ предпріятія — 405 тыс. руб. Чистая прибыль — 55 тыс. руб.

Отдѣленіе машиностроительнаго акціонернаго общества бр. Клейнъ въ Дальбрухъ. Оборотъ — 1.481.917 руб. Чистая прибыль — 72.917 руб.

Вы видите, что уже четыре послѣднихъ предпріятія даютъ чистой прибыли въ годъ около полутора милліона рублей. А присоедините сюда всѣ перечисленныя раньше фирмы. За три, четыре милліона чистыхъ, если не больше, безусловно можно ручаться!..

Нѣтъ сомнѣнія, что русское общество съ радостью и со спокойной совѣстью встрѣтило бы справедливую и необходимую для безопасности края конфискацію имущества германскихъ фирмъ.

VII.

Способы онѣмечиванія. Уроки для наивныхъ руссификаторовъ.

Нужно воздать нѣмцамъ Прибалтійскаго края должное: они очень недурно справляются со своими національными задачами. Исподволь, потихоньку да помаленьку идуть къ своей завѣтной цѣли; и капля по каплѣ идея Alldeutschland'a долбитъ здѣсь камень русской государственной власти.

Они не торопятся. Они не нервничаютъ. Они какъ будто всѣ состоятъ изъ компромиссовъ. Но оглянитесь внимательно на тѣ пути, которые

пройдены ими, и вы поразитесь исключительнымъ успѣхомъ германизации края. Безъ крика, безъ шума, смазывая, чѣмъ только можно, колеса своей исторической колесницы, они движутся впередъ, далекіе отъ быстрой ѣзды русской тройки, но и не испытывая паденій въ луку съ кучеромъ Селифаномъ.

Въ Ригѣ главными органами германизации, кромѣ пресловутаго Deutscher Verein'a, являются рижское городское самоуправленіе, рижскій Политехникумъ и нѣмецкія газеты. Начнемъ съ самоуправления. Я уже говорилъ въ предыдущихъ главахъ о томъ, какъ на городской службѣ до сихъ поръ въ изобиліи числятся германскіе подданные. Перейду теперь къ городскимъ предпріятіямъ.

Вотъ, напримѣръ, въ послѣднее время городъ усиленно работаетъ надъ устройствомъ предмѣстья, носящаго названіе «Царскаго лѣса». Мѣсто это великолѣпное. Въ какіе-нибудь полчаса изъ центра города вы попадаете въ сосновый лѣсъ, расположенный на пескѣ и отличающийся удивительно здоровымъ климатомъ. Въ нѣсколько лѣтъ «Царскій лѣсъ» сдѣлался неузнаваемымъ. Въ немъ провели великолѣпныя улицы. Выстроили чудесные дома. Устроили канализацию, электрическое освѣщеніе. Вымостили улицы шведскимъ камнемъ. Соединили съ городомъ трамвайной линіей.

Но если присмотрѣться внимательно къ указанному дѣтшину рижской городской управы, ста-

новится несомнѣннымъ, что «новый городъ» носить чисто германскій характеръ. Начать хотя бы съ внѣшняго признака,—съ названія улицъ: «Тильзитская, Мемельская Кельнская, Данцигская, Любекская, Штеттинская...».

Дома почти всѣ германскаго стиля, подобно тому, въ которомъ построены зданія на Свинемюндскомъ взморьѣ. А къ «Царскому лѣсу» идетъ улица Плеттенбергская, названная такъ въ честь послѣдняго магистра Ливонскаго ордена.

Какъ говорятъ нейтрально настроенные рижане, въ началѣ городъ продавалъ земли «Царскаго лѣса» только городскимъ служащимъ, или нѣмцамъ вообще, стараясь затруднить покунку земли, какъ латышамъ, такъ и русскимъ. Только въ послѣднее время, когда нѣмцы разобрали лучшія мѣста и прочно обосновались на Тильзитскихъ и Мемельскихъ улицахъ, городъ пустилъ съ торговъ оставшіеся участки. И нѣкоторымъ латышамъ тогда удалось пріобрѣсти кое-что изъ этихъ остатковъ.

Другой примѣръ: около «Царскаго сада» нѣсколько лѣтъ назадъ въ участкѣ Форбургъ находились артиллерійскіе склады. Городъ началъ хлопотать, чтобы склады были перенесены подалеже отъ центра, и предложилъ въ обмѣнъ на бывшее мѣсто складовъ новое—за городомъ, въ сторону «Царскаго лѣса». Хлопоты города увѣнчались успѣхомъ. Артиллеристы ушли изъ Форбурга, а мѣсто складовъ было отдано подъ

постройку огромныхъ домовъ какими-то нѣмецкими компаніями, которыя подобными квартирами приобрѣли значительное количество головъ для представительства въ городскомъ самоуправленіи.

Забирая въ свои руки предмѣстья и цѣлыя городскіе кварталы Риги, нѣмцы умѣло дѣйствуютъ въ германизаторскихъ цѣляхъ, какъ черезъ пасторовъ, такъ даже и черезъ свое «рижское городское податное управленіе». Чтобы онѣмечить латышей, уже лѣтъ сорокъ назадъ здѣсь начали систематически переводить латышскія фамиліи на нѣмецкія. Одна латышка, носившая раньше фамилію Ваверъ, теперь имѣетъ фамилію Эйхгорнъ; латышъ Ассеръ названъ въ паспортѣ Барсомъ; фамилія Кальнинъ преобразовалась въ Берга, Озоль—въ Эйхе... А чтобы переходъ отъ латыша къ нѣмцу былъ незамѣтенъ, нѣмецкіе пасторы сначала стараются давать двойныя фамиліи: Берзинъ-Биркъ, напримѣръ. Берзинъ съ теченіемъ времени, какъ латышское слово, конечно отпадаетъ, а его переводъ—Биркъ останется, образовавъ такимъ образомъ настоящаго хорошаго нѣмца въ будущемъ.

Умѣніе ассимилировать всѣхъ приходящихъ съ ними въ соприкосновеніе у нѣмцевъ прямо завидное. Возьмите хотя бы многихъ русскихъ рижанъ. Членъ управы Меркульевъ—совершенно онѣмеченный русскій, извѣстный въ Ригѣ подъ кличкой «русскій нѣмецъ». Фамиліи: Шелухинъ,

Es wird gebeten, diesen Brief bei Zahlung vorzuweisen!

„SHISN“

RUSSISCHE GESELLSCHAFT Z. VERSICHERUNG V. KAPITALIEN U. RENTEN, gegr. 1895.

VERWALTUNG: St. Petersburg, Glinka-Str. № 1, Haus d. Gesellschaft.

191

S. T. Ich beehre mich, Sie ~~19. 8. 1911~~ ¹⁹¹¹ zu benachrichtigen, dass der Termin für die Bezahlung der Prämie ~~am 19. 8. 1911~~ ^{am 19. 8. 1911} ~~ad~~ ^{ad} Lebensversicherungs-Police ~~№ 12345 am~~ ^{№ 12345 am} 19. 8. abläuft.

Die Nichtbezahlung der Prämie zum Termin zieht die im § 47 der Statuten angegebenen Folgen nach sich.

Verfall der Police drei Monate nach obigen Termine.

Hochachtungsvoll

Julius

Leut § 47 der Statuten der Gesellschaft ist die Erinnerung an den Prämien-Einzahlungs-Termin nicht obligatorisch.

Adresse der Agentur

1700111. С. ВЕНЕВЪЛЪ ВЪ Р. 1899

СНИМОКЪ СЪ БЛАНКА „РУССКАГО ОБЩЕСТВА СТРАХОВАНИЯ КАПИТАЛОВЪ“.

Лодыгинъ, Лабутинъ—почти совсѣмъ онѣмечены. Нѣкоторые русскіе дворяне обзавелись частичками фонъ и называются: «фонъ-Антроповъ» или «фонъ-Арбузовъ». А мѣстный старообрядецъ Гусевъ, когда его спросили однажды:

— Какъ ваше имя?

Безъ колебанія отвѣтилъ:

— Юганнъ.

Нечего говорить, что онѣмеченные латыши и онѣмеченные русскіе, какъ это всегда бываетъ, становятся большими нѣмцами, чѣмъ кровные потомки Тевтоновъ. А для онѣмечиванья нѣмцы, конечно, не прибѣгаютъ къ рѣзкимъ приѣмамъ. Они стремятся создать такія условія, при которыхъ все нѣмецкое дѣйствительно кажется чрезвычайно привлекательнымъ и полезнымъ. Они открываютъ при Schulverein'ѣ прекрасныя школы и соблазняютъ солидностью постановки учебного дѣла не только латышей, но даже представителей русской власти, вродѣ бывшаго вице-губернатора Крапоткина, который посылалъ своихъ дѣтей въ нѣмецкую школу. И если даже официальные лица изъ русскихъ даютъ здѣсь своимъ дѣтямъ воспитаніе въ нѣмецкомъ духѣ, то что удивительнаго въ томъ, что сынишка одного изъ заправиль города отказывается изучать русскій языкъ и говорить репетитору:

— Не хочу учить русскій!.. Онъ скоро здѣсь вовсе никому не понадобится!

Обратимся теперь къ другой цитадели герма-

Livl. adl. Güter-Credit-Societät.

Riga, den 191.....

Cassa zahle für eingelieferte Coupons von Livl. Pfandbriefen

		Rbl.	Kop.
.....	Stück à 2 Rbl. 25 Kop.		
.....	„ à 11 „ 25 „		
.....	„ à 22 „ 50 „		
.....	„ à 2 „ — „		
.....	„ à 10 „ — „		
.....	„ à 20 „ — „		
.....	Stück	Summa	
		ab 5% Steuer	
		Rest	

Mit Buchstaben: Rubel

Adressé:

Unterschrift:

.....

Снимокъ съ бланка Лифляндскаго Кредитнаго Общества.

Ex bibl. univ. Tart.

низма—къ рижскому Политехникуму. Во главѣ его стоитъ почетный профессоръ фонъ-Книриммъ, видное лицо въ Deutscher Verein'ѣ и большой поклонникъ высокой германской культуры. Подъ его благосклоннымъ наблюдениемъ работаютъ въ Политехникумѣ профессора-нѣмцы, многіе изъ которыхъ почти не умѣютъ говорить по-русски, а нѣкоторые, если и говорятъ, то такъ, что лучше не слушать. Отъ преподавательскаго состава Политехникума, конечно, зависятъ весь укладъ жизни и вкусы учащихся. Хотя студенты имѣютъ возможность распределяться здѣсь по корпораціямъ и въ каждой корпораціи защищать свои національные интересы, однако всѣмъ извѣстно, что большая разница числится въ нѣмецкой корпораціи «Fraternitas Baltica», или въ какой-нибудь латышской «Selonia», а тѣмъ болѣе несчастной русской «Fraternitas arctica»... Фонъ-Книриммъ на нѣмецкія корпораціи смотритъ съ отеческой улыбкой, на латышскія—съ улыбкой презрѣнія, а на русскую—просто нахмурившись. Въ объединенномъ органѣ всѣхъ корпорацій, носящемъ название «Chargirten Convent», официальный языкъ не русскій, а нѣмецкій. Проектъ перейти на русскій языкъ, предложенный не такъ давно этому органу группой студентовъ, былъ, конечно, оставленъ безъ вниманія. И хотя изъ 9 корпорацій Политехникума только три корпораціи нѣмецкія, а остальные—латышскія, польскія, русскія и эстонскія, тѣмъ

не менѣе языкъ засѣданій остался прежній; нѣмцы, навѣрное, несказанно удивились бы, если кто-нибудь, хотя бы правительственная власть, посягнулъ на ихъ священный обычай...

Какіе профессора сидятъ въ Политехникумѣ, за это говоритъ уже личность самого директора Книримма. Когда русскіе и латышскіе студенты обратились къ нему съ просьбой устроить въ зданіи Политехникума молебенъ о дарованіи побѣды русскому оружію, директоръ отвѣтилъ, что зданіе Политехникума для подобной цѣли не приспособлено, и предложилъ отслужить молебенъ въ соборѣ. Только вмѣшательство попечителя помогло студентамъ осуществить свое намѣреніе, хотя молебенъ въ соборѣ и состоялся съ участіемъ директора.

А вотъ другой профессоръ Политехникума — Купферъ, тоже рьяный поборникъ и защитникъ нѣмецкой культуры. Для характеристики этого члена Deutscher Verein'a можетъ служить, напри- мѣръ, такой фактъ. Купферу какая-то фирма прислала проспектъ на русскомъ языкѣ съ просьбой покупать товаръ у нея. Купферъ отослалъ проспектъ обратно и написалъ по-нѣмецки:

«Покупаю только у нѣмцевъ».

Профессора Политехникума въ Ригѣ сплошь и рядомъ не имѣютъ научныхъ степеней, считаясь тѣмъ не менѣе преподавателями. Есть здѣсь даже «профессоръ каллиграфіи», который былъ раньше въ Саксоніи простымъ литографомъ.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ, взятыхъ изъ жизни, примѣровъ становится ясно, какъ студенты должны сообразоваться съ требованіями профессоровъ, если хотятъ получить на экзаменѣ хорошій баллъ или командировку на практическія занятія лѣтомъ. Не только нѣмцы или латыши, но даже русскіе стараются хотя бы ломаннымъ языкомъ отвѣчать профессору по-нѣмецки. И за такое стараніе вознаграждаются сторицей. Всякій ребенокъ, конечно, пойметъ, что если, на примѣръ, Купферъ «покупаетъ только у нѣмцевъ», то его благосклонность можно заслужить тоже только въ томъ случаѣ, если предлагать товаръ своихъ свѣдѣній исключительно «по-нѣмецки». Да только ли Купферъ! Вотъ у меня въ рукахъ брошюрка: «Личный составъ рижскаго политехническаго института», за одинъ изъ послѣднихъ годовъ. Не угодно ли:

Предсѣдатель: фонъ-Шубертъ. Замѣститель: фонъ-Бюнгнеръ. Директоръ: фонъ-Книриммъ. Помощникъ: Бухгольцъ.

Депутаты:

Отъ Риги — Шубертъ, Керковиусъ. Отъ рижскаго купечества — Менцендорфъ и Фокротъ. Отъ Ревеля — фонъ-Клотъ и фонъ-Бюнгнеръ. Отъ ревельскаго купечества — фонъ-Тобинъ. Отъ лифляндскаго дворянства ландратъ фонъ-Рихтеръ, Дростенгофъ и Ф. Самсонъ фонъ-Гиммельстерна. Отъ эзельскаго дворянства — фонъ-Гельмерсенъ. Отъ курляндскихъ дворянъ — баронъ Ливенъ и

Беттхеръ-Кукменъ. Отъ эстляндскихъ дворянъ — ф.-Грюневальдъ-Белленгофъ и баронъ Гойнингенъ-Гюне.

Отдѣленіе совѣта:

Фокротъ, Гельмерсенъ, Шубертъ, Гофманъ, Шталь-Шредеръ, фонъ-Рихтеръ, Вальденъ, баронъ Зассъ...

Учебный штатъ:

Фонъ-Бергманъ, Блахеръ, Боль, Бухгольцъ, Вальденъ, Виттлихъ, Генигъ, Гофманъ, Денферъ, Доссъ, Кларкъ, Шварцъ, Шталь... Трое изъ которыхъ германскіе подданные.

Третьимъ факторомъ внѣдренія въ населеніе германскаго духа являются въ Ригѣ нѣмецкія газеты. «Rigasche Zeitung» и «Rigaer Tageblatt» по мѣрѣ силъ стараются отразить то настроеніе, которымъ охвачена ихъ основная аудиторія. Когда у русскихъ какая-нибудь побѣда, — они дѣлаютъ видъ, что ничего особеннаго не случилось. Когда на насъ обрушивается непріятность, и мы испытываемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій временныя затрудненія, обѣ газеты выпускаютъ спеціальныя телеграммы, а ихъ разносчики бѣгутъ по Ригѣ и кричатъ:

— Неудача русскихъ! Три копейки!

Въ силу этихъ причинъ мѣстные латыши называли газету «Rigaer Tageblatt» «барометромъ плохой погоды». Если газета спокойна и сдержана, — все обстоитъ благополучно. Если она засуетилась — быть бѣдѣ. Впрочемъ, это понятно.

Знаменитый редакторъ «Rigaer Tageblatt» Серафимъ долженъ съ интересомъ слѣдить за нашими передвиженіями въ Восточной Пруссіи. Его сыновья—германско-подданные, и одинъ изъ нихъ даже живетъ въ Кенигсбергѣ. Поэтому, когда мы продвигаемся впередъ, кенигсбергскій сынъ Серафима безусловно уходитъ назадъ, удаляясь отъ огорченнаго папаши. Когда же мы отходимъ временно назадъ, кенигсбергскій сынъ идетъ впередъ и заставляетъ своею близостью къ Ригѣ учащено биться счастливое сердце отца.

Рижскія нѣмецкія газеты вообще отличаются сейчасъ меланхоличностью тона. Онѣ не любятъ войны съ ея кровавыми ужасами. Онѣ хотѣли бы, чтобы на деревьяхъ чирикали птички, чтобы травка зеленѣла, а дѣти играли бы на площадкахъ около газоновъ въ мячъ и оглашали воздухъ радостнымъ говоромъ. И трудно повѣрить, что двѣсти, триста верстъ на Западъ, въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ и Берлинѣ, газеты, издающіяся тоже на нѣмецкомъ языкѣ, придерживаются совершенно другого тона и захлебываются отъ счастья при видѣ потоковъ крови и восхваляютъ войну, какъ народную радость.

Небесный голосъ знаменитаго Серафима отражаетъ въ себѣ не малое количество голосовъ простыхъ смертныхъ читателей. По «Rigaer Tageblatt» можно судить вообще о настроеніи нѣмцевъ. Серафимъ воспиталъ не одно поколѣніе

для Deutscher Verein'a. Онъ прошелъ черезъ «Düna-Zeitung», черезъ «Rigaer Zeitung». И работаетъ для родины не покладая рукъ, переводя своихъ дѣтей въ германское подданство...

VIII.

Либавскіе патриоты.

Если вамъ когда-нибудь захочется отдохнуть отъ всего русскаго — отъ языка, обычаевъ, нравовъ — побѣжайте въ Либаву. Вотъ городъ, гдѣ поистинѣ не знаешь, куда попалъ: въ Пруссію или Россію!

Здѣсь даже официальная переписка идетъ на нѣмецкомъ языкѣ. Вотъ у меня нѣсколько бланковъ. Одинъ отъ губернскаго предводителя дворянства; онъ начинается:

Zirkulär! An sämmtliche Herren Rittergutsbesitzer...

Подпись: «Kurl. Landesbevollmächtigter Graf Reutern Nolcken».

Вотъ бланкъ консисторіи. На немъ нѣмецкій текстъ отъ начала до конца, начинающійся:

«Aus dem Kurländische Evangelisch-Lutherischen Konsistorium».

Третій бланкъ — изъ Митавскаго Кредитнаго Общества. Текстъ — исключительно нѣмецкій. Даже либавскій трамвай не только въ своемъ дѣ-

допроизводствѣ, но даже въ тѣхъ контрольныхъ листкахъ, «Zetteln», которые хранятся у кондукторовъ, обыкновенно латышей или русскихъ по національности, даже эти листы, какъ мнѣ пришлось убѣдиться лично, напечатаны исключительно на нѣмецкомъ языкѣ.

Между тѣмъ возьмите процентное отношеніе національностей въ Либавѣ. По послѣднимъ официальнымъ источникамъ, тамъ проживаетъ около 10% русскихъ, около 11% нѣмцевъ, 43% латышей, 21% поляковъ съ литовцами, около 13% евреевъ и т. д.

И невольно удивляешься: почему же городъ считается нѣмецкимъ? Почему первую роль играютъ здѣсь не латыши, которыхъ почти половина, почему не поляки, которыхъ 21%? Даже евреевъ тутъ больше, чѣмъ нѣмцевъ, на два процента. И между тѣмъ здѣсь, какъ и повсюду, во всѣхъ трехъ балтійскихъ губерніяхъ, нѣмцы считаются господами края,—и въ этомъ окраинномъ городѣ, недалеко отъ прусской границы, вся власть и сила всецѣло въ ихъ высококультурныхъ рукахъ.

Возьмемъ мѣстную городскую думу. Весною этого года тутъ происходили выборы. Какъ и слѣдовало ожидать, латыши были здѣсь въ большинствѣ. Но всякими способами, дѣйствуя то на латышскую социаль-демократію, то на мало сознательныхъ литовцевъ, то пользуясь безхарактерностью русскихъ, нѣмцы въ концѣ-кон-

цовъ побѣдили. Они дали мѣсто въ думѣ только нѣсколькимъ латышамъ, главнымъ образомъ социаль-демократамъ,—и теперь на границѣ съ Германіей мы имѣемъ хорошенькую думу: нѣмцы и латышскіе социаль-демократы—представляютъ оплотъ россійской государственности въ настоящее время! Правда, выборы въ думу были обжалованы. Выборщики требовали ревизіи отъ губернатора, ссылаясь на плохіе ящики и на неправильную подачу голосовъ. Но комиссія почему-то оказалась снисходительной къ нѣмецкому составу новой думы; пріѣхали въ качествѣ ревизоровъ губернской предводитель дворянства графъ Нолькенъ, митавскій городской голова Шмидтъ, и ящики были признаны хорошими, а подача голосовъ—идеальной.

Городской голова Вольгемуть былъ избранъ 24 іюля, на пятый день послѣ объявленія войны. Утвержденъ въ первыхъ числахъ августа. И составъ думы, имѣющей 60 человекъ, въ настоящее время таковъ: 26 нѣмцевъ, 20 латышей, 5 русскихъ, 5 евреевъ, 4 поляка съ литовцами... А въ связи съ такимъ составомъ думы, конечно, протекаетъ и вся городская жизнь Либавы. Нѣмецкій театръ, въ которомъ сейчасъ даже нѣтъ труппы, такъ какъ всѣ артисты оказались германскими подданными (не германскіе ли офицеры играли тутъ роль артистовъ?),—этотъ нѣмецкій театръ получаетъ субсидіи 9,000 руб., въ то время, какъ гораздо болѣе жизнеспособный и необхо-

димый населенію латышскій театръ пользуется поддержкой въ половинномъ размѣрѣ—въ 4,500 р. И теперь, по случаю войны, дума постановила: сократить субсидію латышскому театру на 2250 р., а нѣмецкому только на 1,500 рублей.

Впрочемъ, если либавское городское самоуправленіе всегда очень строго относилось къ латышамъ, то къ германцамъ оно питало всегда нѣжную склонность. Либавцы не могутъ забыть тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя они провели въ маѣ этого года съ прибывшими сюда представителями кенигсбергскаго магистрата. Въ честь дорогихъ гостей былъ устроенъ банкетъ; либавскимъ представителямъ власти разослали повѣстки съ просьбой быть въ парадной формѣ и въ орденахъ. Рѣчи говорились горячія. Пили за здоровье Вильгельма. И при прощаніи у городскихъ заправиль Либавы наворачивались на глазахъ слезы, и они долго трясли руки кенигсбергскимъ друзьямъ, говоря имъ не adieu, а:

— Auf Wiedersehen!

Банкеты въ Либавѣ въ честь германскихъ гостей устраивались не разъ. Очень милымъ, на примѣръ, по воспоминаніямъ очевидцевъ, вышелъ банкетъ въ честь офицерскаго состава германскаго военнаго корабля, приходившаго сюда въ 1912 году, съ цѣлью засвидѣтельствовать Россіи свою исключительную симпатію и дружбу. Въ честь гостей были заготовлены чудесныя карточки-меню, и копія этой карточки сейчасъ на-

ходится передо мною. Съ одной стороны ея написано:

Mittagessen
 Zu Ehren der Anwesenheit
 S. W. S.
 «Dinetta»
 Libau 24 Iuni (7 Iuli) 1912.
 Speisenfolge...

А на другой сторонѣ отпечатанъ великолѣпный портретъ императора Вильгельма II.

Впрочемъ, такая любовь къ встрѣчѣ иноземныхъ гостей не должна поражать насъ. Между Германіей и Россіей черезъ либавскій районъ вѣчно путешествовали взадъ и впередъ германскіе родственники прибалтійскихъ дворянъ и бюргеровъ. Даже сами представители губернской власти, вродѣ бывшаго лифляндскаго вице-губернатора князя Крапоткина, устраивали для германскихъ друзей Россіи «автомобильные пробѣги», подобно пробѣгу позапрошлаго года, когда для кенигсбергскихъ любителей автомобильнаго спорта были изданы спеціальныя дорожныя карты, поставлены верстовыя столбы съ указаніями разстояній, а крестьянамъ было запрещено ѣздить по пути пробѣга весь день... Многіе видѣли, какъ въ Курляндіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ края, извѣстныхъ германскихъ офицеровъ: барона Линкера, фонъ-Мосснера, фонъ-Деймминга, барона Варнбюллера, графа Веделя, фонъ-Гельвига, ба-

рона Шецлера, Раутенберга... А Либава, какъ приморскій городъ, особенно связанъ всегда былъ съ Германіей. Недаромъ здѣсь возникла знаменитая «Wacht im Ost». Недаромъ тутъ же появилась на свѣтъ и другая, не менѣе характерная пѣсня-гимнъ подъ заглавіемъ: «Brüder, wacht auf!»

Гимнъ, въ которомъ авторъ обращается къ братьямъ съ совѣтомъ: «отгоните отъ себя долгій и трусливый сонъ, который въ теченіе вѣковъ держалъ васъ въ бездѣйствіи, приготовьтесь къ мужественному дѣлу!.. Соединитесь вмѣстѣ для борьбы за родину, хотя бы вся страна была уже въ пламени; только не останавливайтесь, только не унывайте: праведно то дѣло, за которое боремся мы!»

Либава давно привыкла видѣть у себя и въ качествѣ гостей, и въ качествѣ постоянныхъ жителей германскихъ подданныхъ. Въ обычное время число иностранныхъ подданныхъ доходило тутъ до 2,000. А осенью, въ разгаръ «сезона» до 4,000. Поэтому вліяніе культурнаго Запада какъ никакъ должно было сказаться на внутреннемъ строѣ города. Я уже упоминалъ, что всѣ сношенія здѣсь происходятъ исключительно по-нѣмецки. Но этого мало. Нѣмцамъ нужно доказать свою самостоятельность и свое превосходство гораздо шире. Интересно, на примѣръ, борьба мѣстнаго «нѣмецкаго театральнаго общества» съ русскимъ полицеймейстеромъ, однимъ изъ рѣдкихъ людей въ Курляндіи, стоящихъ на стражѣ

нашей государственности. Когда «общество» выстроило театр, на который городъ далъ 30,000 р. и даровой участокъ, то заправили театра сдѣлали на театрѣ надпись: «Deutsches Theater». Тогда полиція потребовала, чтобы надпись на театрѣ была сдѣлана по-русски. Нѣмцы оттягивали. Прошло два мѣсяца. И когда началась война, нѣмецкую надпись сняли, но новую рѣшили не ставить: война, отсутствіе актеровъ, затишье... Для чего беспокоиться?

Либава знаетъ не мало славныхъ именъ, потрудившихся на нивѣ сближенія Россіи съ Германіей. Есть здѣсь нѣмецкая гимназія, содержащаяся на средства Schulverein'a, директоромъ которой до прошлаго года состоялъ надворный совѣтникъ Іогансонъ, про котораго, кажется, говорятъ, что, распуская однажды учениковъ на каникулы, онъ по незнанію русскаго языка пожелалъ имъ не передохнѣть, а передохнуть. Такъ вотъ въ 1912 г. этотъ надворный совѣтникъ составилъ нѣчто вроде прокламаціи — воззваніе на нѣмецкомъ языкѣ, и отпечаталъ ее въ количествѣ 200 экземпляровъ въ мѣстной типографіи Мейера, въ той самой типографіи, гдѣ печатается «Libausche Zeitung». Въ воззваніи Іогансона проводилась та мысль, что у каждаго прибалтійскаго нѣмца «отечествомъ является Россія, а матерью — Германія». «Дѣти, — говорилось въ воззваніи, — должны не только не забывать матери, но обязаны особенно

любить ее и оказывать ей посильную помощь. Что же касается родителей обучающихся въ гимназіи дѣтей, то имъ необходимо объединиться и выписать изъ Германіи хорошихъ профессоровъ, чтобы въ школѣ процвѣталъ настоящій нѣмецкій духъ».

О просвѣтительной дѣятельности Югансона, къ счастью; узналъ бывший попечитель рижскаго округа Прутченко. Послѣдній явился въ Либаву и обратился къ Гробинскому предводителю дворянства Георгу Мантейфелю съ просьбой показать воззваніе директора. Мантейфель растерялся и показалъ... И Югансонъ былъ жестоко наказанъ. Страшно. Невѣроятно. Кровь стынетъ въ жилахъ, когда слышишь про жестокость Прутченка. Понимаете,—Югансонъ, бѣдный Югансонъ, былъ переведенъ изъ рижскаго учебнаго округа внутрь Россіи, и съ него была взята подписка въ томъ, что онъ никогда не возвратится къ преподаванію въ прибалтійскихъ губерніяхъ!

Завѣты Югансона, однако, не забыты въ Либавѣ. О томъ, что «отечествомъ нѣмцевъ является Россія, а матерью—Германія», помнятъ здѣсь многіе: и члены биржевого комитета, изъ девяти человекъ коего пятеро—германскіе подданные во главѣ съ гг. Лаукнеромъ, Берентомъ и Кундтомъ; и кондитеръ Боницъ, собиравшій деньги на германскій флотъ; и городскіе wyborщики-нѣмцы, живущіе по десяти лѣтъ въ Германіи, но пріѣзжающіе сюда ко дню выборовъ, чтобы

усилить въ городѣ своими голосами нѣмецкую партію; наконецъ, о «матери Германіи» не забываетъ самъ магистръ Газенпотскаго ордена, кавалеръ прусскаго ордена Іоаннитовъ, личный другъ принца Генриха Прусскаго, повелитель кацдангенскаго помѣстья, владѣтель большого портрета императора Вильгельма въ золоченой рамѣ, — баронъ Карлъ Цеге-фонъ-Мантейфель, Газенпотскій предводитель дворянства.

Имя барона Карла Мантейфеля пользуется широкой популярностью по всему краю. Владѣтельный баронъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ фрейгерровъ Курляндіи, которые не только пользуются широкой автономіей, но и считаются живущими въ Россіи на правахъ безусловной экстерриторіальности. Лѣсничіе барона, какъ это встрѣчается, впрочемъ, и у многихъ другихъ помѣщиковъ, носятъ особую военную форму съ прусскимъ орломъ, имѣя военную выправку. И мнѣ самому удалось въ Либавѣ получить достовѣрную копію съ серебряной медали, которую въ Кацдангенѣ чеканятъ для одобренія многочисленныхъ служащихъ. Съ одной стороны на медали изображенъ одноглавый прусскій орелъ, а съ другой—Кацдангенскій замокъ, подъ которымъ выгравировано:

«Katzdangen.

10. X. 1904.

Carl v. Manteuffell.»

IX.

Тѣнь Бирона. Шпортельный сборъ. Губернаторъ, голова и гондола. О низшихъ расахъ: русскихъ и латышахъ.

Благословенная рѣка Аа! Сколько водъ прошло въ твоихъ берегахъ мимо поэтического замка курляндскаго герцога Бирона! Ты видѣла, Аа, вблизи себя этого благороднаго рыцаря, покровителя слабыхъ, защитника угнетенныхъ, геніального конюха, талантливаго четвертвователя. Свѣтлой памяти Биронъ умеръ. Но духъ его витаетъ надъ полями Курляндіи до сихъ поръ, невидимо присутствуя при проведеніи въ жизнь привилегій помѣщиковъ.

Сейчасъ, правда, налетъ поэтической прелести исчезъ съ замка великаго герцога. Тутъ находятся теперь правительственныя учрежденія, живутъ—губернаторъ, вице-губернаторъ. Сонмъ чиновниковъ скрипитъ перьями, шелестятъ входящія и исходящія... И въ тѣнистой дорогѣ, ведущей къ прекрасному замку, по которой нѣкогда ступали историческія ноги, теперь нѣтъ ничего поэтического, если не считать стоящаго сбоку, у ограды, желѣзнаго столба съ таблицей, на которой написано:

«Сидѣть на заборѣ строго воспрещается».

Только въ самомъ бироновскомъ замкѣ, въ

пышной канцеляріи губернатора, остались кое-какія традиціи старыхъ временъ. Напримѣръ, до сихъ поръ курляндскій губернаторъ, подобно лифляндскому, сохранилъ право на древній «шпортельный сборъ» съ паспортовъ, выдаваемыхъ уѣзжающимъ за границу. Шпортельный сборъ ведетъ начало съ XVIII вѣка и до 1913 года представлялъ собою дополнительный налогъ въ 2 рубля для тѣхъ, кто хотѣлъ получить паспортъ не у себя на родинѣ, а въ Либавѣ. Съ 1913 года сборъ понизился съ двухъ рублей до одного. Но и въ этомъ видѣ онъ составляетъ немалую сумму, идущую непосредственно въ распоряженіе губернатора и его канцеляріи. Вотъ брошюрка В. Курчевскаго «О русской эмиграціи въ Америку». Здѣсь очень ясно сказано относительно эмиграціи черезъ Курляндію.

Черезъ Либавскій портъ прибыло:

Въ 1910 г.	39,152	человѣка
» 1911 »	35,047	»
» 1912 »	57,215	»
» 1913 »	69,405	»

И если считать, что въ Либавѣ беретъ па спорта только одна четверть всѣхъ эмигрантовъ, то и въ такомъ случаѣ съ 1900 года курляндскій губернаторъ вмѣстѣ съ канцеляріей получилъ почти двѣсти тысячъ рублей, а за одинъ 1913 годъ—около 15 тысячъ. А за что? За какія заслуги? Никому не извѣстно. Ясно только, что

здѣсь, въ замкѣ Бирона, какъ и кругомъ во всей этой странѣ средневѣковыхъ привилегій, заманчивыхъ условій сюзерена не лишентъ даже и самъ представитель русской государственной власти.

Впрочемъ о средневѣковѣ въ Курляндіи я буду говорить впоследствии, когда красоты отдѣльныхъ городовъ Прибалтійскаго края въ достаточной степени восхитятъ взоры читателей. Это все они—замокъ Бирона, да рѣка Аа—своей поэзіей отвлекли меня въ сторону и заставили вспомнить о шпортельномъ сборѣ!

Итакъ, перейдемъ къ дѣламъ самой Митавы. Здѣсь не знаешь прямо, съ чего начать: такъ все хорошо. Поставишь въ первую очередь городскую думу,—обидится кредитное общество; начнешь говорить о кредитномъ обществѣ,—смотришь, причинилъ огорченіе дворянскому комитету... Но среди латышей очень распространена поговорка о рыбѣ и головѣ... Поэтому начнемъ съ городского головы Шмидта.

Въ митавской думѣ сейчасъ насчитывается гласныхъ по національностямъ: 3 русскихъ, 5 евреевъ, 15 латышей и 38 нѣмцевъ. То есть, на каждого русскаго здѣсь приходится 1 еврей и 12 нѣмцевъ. Правда, обыкновенно дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ, но несправедливо все-таки то, что въ Курляндской губерніи къ нѣмецкимъ гласнымъ со стороны властей всегда проявляется исключительная нѣжность. Нѣмцевъ

здѣсь особенно глядятъ по головѣ. Про Либаву и ея голову Вольгемута я уже говорилъ: хотя выборы тамъ и были обжалованы, но Вольгемуть вѣрилъ въ судьбу и не терялъ ни на минуту свойственнаго его фамиліи хорошаго расположенія духа. Еще лучше было въ Виндавѣ. Тамъ гласные два раза выбирали городскимъ головой то латыша доктора Блау, то латыша инспектора торговой школы статскаго совѣтника Турауска. И оба раза губернаторъ не утвердилъ выборовъ, назначивъ по рекомендаціи бароновъ не интеллигентнаго нѣмца Рейнке, который съ трудомъ ставитъ въ бумагахъ знаки препинанія, и извѣстенъ только тѣмъ, что неодобрительно относится къ патріотическимъ манифестаціямъ, называя ихъ «глупостями».

Зато въ Митавѣ выборы утверждены безъ колебанія. Городскимъ головой избранъ Шмидтъ. Всѣ члены управы нѣмцы. И дѣятельность городского самоуправленія пошла сразу полнымъ ходомъ по вполне опредѣленному нѣмецкому руслу.

Приведу краснорѣчивые примѣры.

Въ прошломъ году на имя городского головы пришла изъ Петрограда официальная бумага, въ которой предлагалось митавскому самоуправленію устроить сборъ на русскій воздушный флотъ. Я прибавляю слово «русскій», такъ какъ сюда приходятъ иногда аналогичныя бумаги съ Запада. Городской голова принялъ бумагу и положилъ ее въ ящикъ.

Въ Ригѣ въ это самое время книгопродавецъ Юнкъ успѣшно собиралъ деньги на германскій морской флотъ, выдавая членскіе билеты съ изображеніемъ германскихъ дреднотовъ. А въ Митавѣ русская бумага не имѣла движенія. Лежала, лежала, пока, наконецъ, изъ Петрограда губернатора не запросили:

— А гдѣ же день сбора?

Губернаторъ всполошился. Онъ только что тогда вернулся съ охоты, застрѣливъ, кажется, дюжину куропатокъ во время планирующаго спуска на землю и около десяти тетеревовъ, заставивъ ихъ спуститься быстрымъ скольженіемъ на хвостъ. Узнавъ о петроградскомъ запросѣ относительно воздушнаго флота, губернаторъ живо позвонилъ головѣ и спросилъ:

— А въ самомъ дѣлѣ, герръ Шмидтъ, гдѣ же нашъ воздушный день?

На что городской голова твердо отвѣтилъ:

— Онъ дѣлается быть, ваше превосходительство!

По настоянію губернатора, дѣлу былъ данъ ходъ. Голова пригласилъ представителей отъ разныхъ классовъ населенія, передалъ имъ организацію сбора, а самъ отъ активнаго участія уклонился. Въ «день воздушнаго флота» въ Митавѣ всѣ были здоровы, одинъ только голова недомогалъ! И отошелъ онъ только на слѣдующій день, когда пришлось председательствовать на очередномъ засѣданіи думы...

Другой фактъ. Когда въ Митавѣ было создано первое казенно-приходское училище съ даровымъ обученіемъ для дѣтей, русское правительство дало субсидію, предполагая, что городъ отъ себя предоставитъ училищу помѣщеніе. Но предположеніе властей оказалось наивнымъ. Шмидтъ не только отказалъ въ какой-бы то ни было поддержкѣ, но, по словамъ очевидцевъ, даже заявилъ:

— Пока правительство не удовлетворитъ нашихъ требованій въ школьномъ вопросѣ, мы не дадимъ ни копейки!

Третій фактъ. Есть въ Митавѣ «Русское общество просвѣщенія». Цѣль его—поднять уровень русскихъ рабочихъ, приходящихъ сюда за заработкомъ и часто не умѣющихъ даже читать и писать. Расчитывая на просвѣщенный умъ головы, «общество» обратилось къ городу съ просьбой объ оказаніи пособія на устройство бесплатныхъ вечернихъ уроковъ для взрослыхъ, ссылаясь на Ригу, гдѣ на подобную организацію городъ даетъ ежегодную субсидію въ четыре тысячи рублей.

Голова отказалъ. Ни копейки. Обучать русскихъ рабочихъ? Русскихъ крестьянъ? Для чего? Развѣ они колонисты съ Волыни? Или имъ мало Калуги и Тулы?

Шмидтъ не особенно стѣсняется быть строгимъ даже съ самимъ губернаторомъ. Въ январѣ этого года Митаву постигло наводненіе, причемъ

нѣкоторыя улицы, заселенныя преимущественно бѣдными латышами, были затоплены. Губернаторъ сѣлъ въ лодку, взялъ гондольера-латыша и поѣхалъ по затопленнымъ кварталамъ взглянуть на размѣръ бѣдствія. Шмидтъ въ это время стоялъ у окна своей квартиры, нахмутивъ взоръ, сложивъ на груди руки, и безучастно смотрѣлъ, какъ передъ нимъ широко Аа неслась... и какъ утлый челнъ губернатора по ней стремился одиноко... Обѣхавъ пострадавшихъ, губернаторъ вышелъ изъ гондолы и произнесъ латышамъ прочувствованную рѣчь, въ которой между прочимъ твердо сказалъ:

— Не безпокойтесь, друзья: городъ вамъ быстро поможетъ.

И сталъ хлопотать передъ управой объ оказаніи пособія. Но безрезультатно. Аа вошла въ берега, мебель латышей подсохла, а Шмидтъ все не помогаль. Въ концѣ-концовъ съ разрѣшенія обезкураженнаго губернатора, латыши сами, совмѣстно съ русскими, объявили подписку въ пользу бѣдныхъ—и въ нѣсколько часовъ нужныя деньги были уже собраны... А Шмидтъ торжествовалъ. Онъ улыбался, потираль руки отъ удовольствія и говорилъ въ кругу друзей:

— Даже Аа и губернаторъ не могутъ заставить меня сдѣлать то, чего я не хочу сдѣлать!

Вотъ какъ относится митавская нѣмецкая управа во главѣ со Шмидтомъ къ русскимъ начинаніямъ и къ предложеніямъ самого губерна-

тора. Чего же тогда можно ожидать отъ отношенія ея къ латышамъ? Латыши здѣсь, какъ и вездѣ въ краѣ, не считаются даже заслуживающими какого-нибудь серьезнаго вниманія. Напримѣръ, на помощь семьямъ запасныхъ городъ ассигновалъ здѣсь всего 10 тысячъ рублей, такъ какъ недостаточныя семьи призванныхъ состоятъ почти цѣликомъ изъ латышей. Между тѣмъ, даже клубъ «Русское общественное собраніе», съ трудомъ перебивающійся самъ за недостаткомъ средствъ, ассигновалъ на это дѣло двѣ тысячи рублей и, кромѣ того, еще собралъ двѣ тысячи по подпискѣ среди своихъ членовъ. А городъ, центръ Курляндіи, имѣющій цѣлую набережную дворцовъ бароновъ и графовъ, владѣющій останками герцоговъ курляндскихъ и замкомъ Бирона, этотъ городъ даетъ только 10 тысячъ рублей!.. Развѣ позволили бы себѣ митавскіе графы подобное поведеніе, еслибы латыши были настоящими людьми?

Что латыши не люди въ представленіи мѣстныхъ бароновъ и головы Шмидта, на это есть очень много неопровержимыхъ указаній. Для доказательства приведу хотя бы маленькій примѣръ—какъ нѣмцы запретили латышамъ плавать по рѣкѣ Аа. Нужно сказать, что отъ Митавы до Риги по Аа и Западной Двинѣ ходили пароходы одного только общества «Аугсбургъ», имѣвшаго въ своемъ правленіи исключительно нѣмцевъ. И вотъ латыши рѣшили организовать новое «Кур-

ляндское пароходное общество». Обратились къ городу Митавѣ съ просьбой дать мѣсто для пристани. Но получили отказъ.

Тутъ начались латышскія мытарства. Кажется бы, что чѣмъ больше будетъ пароходныхъ компаній, чѣмъ чаще и шире будетъ организовано пароходное сообщеніе Митавы съ Ригой, тѣмъ дешевле будетъ благодаря конкуренціи провозная плата и тѣмъ лучше для края. Такъ говоритъ здравый смыслъ. Но митавская городская управа судитъ иначе. Съ самаго начала она повела ожесточенную компанію противъ народившагося латышскаго «общества». И начала препятствовать ему не только въ крупныхъ дѣлахъ, но даже въ такихъ пустякахъ, какъ напри- мѣръ разрѣшеніе на обзаведеніе собственнымъ телефономъ...

И когда черезъ «судоходную инспекцію» латыши добились, наконецъ, того, что имъ разрѣшили плавать по Аа, и казна даже устроила имъ пловучую пристань около города, — митавская управа предъявила къ «обществу» требованіе очистить берегъ отъ пристани. И судомъ добилась своего, хотя находящаяся рядомъ пристань нѣмецкаго «Аугсбурга» на тѣхъ же основаніяхъ пользуется до сихъ поръ тою же самой городской землей...

Въ Митавѣ, гдѣ каждый владѣтельный баронъ имѣетъ свой домъ, латыши, понятно, считаются низшею расой, чѣмъ-то вродѣ русскихъ, если

не хуже. Тутъ на каждомъ шагу бросается въ глаза превосходство бароновъ. Вотъ Екатерининскій переулокъ: онъ совершенно пустынный, по немъ никто не ѣздитъ. Но на немъ находится дворянскій клубъ, — и потому переулокъ вымощенъ, не въ примѣръ прочимъ улицамъ, шведскимъ камнемъ. Между тѣмъ, шведскій камень въ Митавѣ рѣдкость: только двѣ главныхъ улицы — Дворцовая и Большая удостоены чести быть вымощенными имъ, а не простымъ булыжникомъ. Даже подѣздного пути къ вокзалу городъ не замостилъ до сихъ поръ, какъ слѣдуетъ, хотя тутъ движенія побольше, чѣмъ по Екатерининскому переулку... На углахъ улицъ въ Митавѣ надписи только на двухъ языкахъ: на русскомъ и на нѣмецкомъ. А въ пожарныхъ дѣлахъ уже и русскіе не идутъ въ счетъ. Надписи на пожарныхъ сигналахъ — «Feuermelderstelle» исключительно нѣмецкія. Само «Императорское пожарное общество», находящееся здѣсь подъ начальствомъ резидующаго предводителя дворянства барона Гана, представляетъ чисто нѣмецкое учрежденіе. Хотя всѣ пожарные-служащіе латыши, а общество названо «Императорскимъ», однако команда ведется только на нѣмецкомъ языкѣ... Баронъ Ганъ — русскій камергеръ, но русскій языкъ, очевидно, у него не въ фаворѣ.

Русскихъ и латышей мнѣ особенно стало жалко въ Митавѣ. Какой у нихъ у всѣхъ грустный видъ! Какое неважное настроеніе! Русскій

чиновникъ здѣсь все время озирается по сторонамъ, точно боясь навлечь на себя карающій гнѣвъ курляндскихъ боговъ. Я увѣренъ, что даже тѣ наши чиновники, которые были недавно посланы въ только что завоеванный Львовъ, чувствуютъ себя въ Галиціи гораздо лучше...

А про латышей и говорить, конечно, не стоитъ. Пойдите хотя-бы просто въ пожарный залъ, гдѣ работаетъ сейчасъ митавская комиссія по оказанію помощи запаснымъ. Вы увидите, какъ рѣшительно говорятъ тамъ нѣмцы съ латышскими женщинами, какъ матери часами ждутъ своей очереди съ грудными младенцами на рукахъ, не имѣя возможности даже присѣсть, такъ какъ скамеекъ въ пожарный залъ никто не потрудился поставить...

Ахъ, Аа, Аа! Много страннаго и непонятнаго видѣла ты за это время на своихъ изумрудныхъ плоскихъ берегахъ, покрытыхъ нѣжною травюю. И объ этихъ странностяхъ — о кредитномъ обществѣ, о дворянскомъ комитетѣ, о колонизаціи— я хочу поговорить сейчасъ.

X.

Искусственные цензы.—Митавское „кредитное общество“.—„Дворянскій комитетъ“.

Въ Митавѣ, какъ и въ Ригѣ, нѣмцы охотно прибѣгаютъ къ созданію искусственныхъ цензовъ для удержанія за собою власти въ городскомъ самоуправленіи. И уже говорилъ, что въ митавской думѣ гласными состоятъ 3 русскихъ, 5 евреевъ, 15 латышей и 38 нѣмцевъ. Между тѣмъ народонаселеніе здѣсь уже въ 1897 году распредѣлялось по національностямъ такимъ образомъ: 4,200 русскихъ, 9,700 евреевъ, 16 тысячъ латышей и 3,100 нѣмцевъ, каковую пропорцію, за непимѣніемъ новыхъ статистическихъ свѣдѣній, нужно приблизительно удержать и для настоящаго времени.

Вы видите, что изъ главныхъ національностей города нѣмцевъ меньше всѣхъ. И между тѣмъ они ворочаютъ всею думой, а въ управѣ всѣ должности исключительно въ ихъ рукахъ.

Секретъ такого успѣха нѣмцевъ заключается не только въ умѣлой предвыборной агитаціи. И не въ томъ, что они являются наиболѣе богатой частью населенія города. Мнѣ рассказывали въ Митавѣ о нѣкоторыхъ любопытныхъ культурныхъ приемахъ созданія ценза... Вотъ, на примѣръ,

у госпожи Вегенеръ господинъ фонъ-Менде покупаетъ передъ выборами лугъ съ постройками и инвентаремъ. Господину фонъ-Менде весь лугъ, конечно, не нуженъ. Пасту ему некого, хозяйствомъ заниматься онъ не думаетъ вовсе. Но у него заранѣе сложилась въ головѣ симпатичная идея:

— Одинъ клочекъ луга отдать брату. Второй— брату жены. Третій— мужу сестры брата жены. Четвертый -- двоюродному брату жены двоюродной сестры. Пятый клочекъ — дядѣ двоюродной сестры кузена жены брата тетки сводной сестры... Шестой...

Ну, словомъ, лугъ распределяется очень недурно, образуя порядочное число лужковъ, пространствомъ не меньше чѣмъ для хозяйства, состоящаго изъ двухъ коровъ. Но оцѣнку подобныхъ луговъ городскіе оцѣнщики нѣмцы дѣлаютъ достаточно высокой. И вотъ, въ избирательныхъ спискахъ начинаютъ фигурировать владѣльцы луговъ, о существованіи которыхъ никто раньше не имѣлъ представленія.

И привелъ одинъ примѣръ, такъ какъ всѣ случаи пріобрѣтенія ценза очень похожи другъ на друга. Но было бы ошибкой считать, что такія мѣры примѣняются нѣмцами только въ городскомъ самоуправленіи.

Возьмемъ «Митавское кредитное общество». Тамъ можно встрѣтить тоже нѣчто подобное въ подборѣ необходимыхъ для нѣмцевъ голосовъ.

Нужно сказать, что въ Курляндіи средняя величина крестьянской усадьбы колеблется около 50 десятинъ. Есть усадьбы больше, есть меньше. И при средней оцѣнкѣ земли такіе участки стоятъ около 15 тысячъ рублей. По уставу кредитнаго общества, которое было всегда въ нѣмецкихъ рукахъ, право голоса въ дѣлахъ общества прежде имѣлъ тотъ, кто получалъ ссуду не менѣе 5 тысячъ рублей. Въ послѣднее же время, когда цѣнность крестьянской земли значительно повысилась благодаря высоко поставленной сельскохозяйственной культурѣ усадебъ,—и, кредитному обществу «угрожало» дать большое число голосовъ крестьянамъ,—цензъ на право голоса повысился до 10 тысячъ рублей. Но этого мало. Такъ какъ уже среднія усадьбы крестьянъ могутъ оцѣниваться около 15 тысячъ рублей, то оцѣнщики «кредитнаго общества» систематически стали уменьшать оцѣнку крестьянской земли, чтобы довести ее до 10 тысячъ. И такъ какъ оцѣнщики—нѣмцы, то латыши ничего не могутъ подѣлать съ подобной оцѣнкой. Чтобы какъ-нибудь преодолѣть несправедливость «кредитнаго общества», они затѣяли было учрежденіе своего собственнаго поземельнаго банка; но по проіскамъ нѣмцевъ разрѣшенія на банкъ получено не было. Въ Петроградѣ отвѣтили:

— Хватить съ васъ и существующихъ трехъ прекрасно организованныхъ кредитныхъ учреждений!

А насколько «кредитное общество» прекрасно организовано, показываетъ его патриотическая чуткость во время войны. Дѣло въ томъ, что въ суммахъ общества находятся огромныя деньги, такъ называемаго «магазиннаго капитала», который образовался отъ ежегодныхъ взносовъ крестьянъ на случай неурожаяевъ. И когда латыши въ началѣ войны захотѣли вынуть изъ «общества» свои взносы, чтобы пожертвовать ихъ на помощь раненымъ и семьямъ запасныхъ, заправиленцы категорически заявили:

— По уставу мы можемъ выдать вамъ деньги не раньше, чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ.

И формально были, конечно, совершенно правы. Настолько правы, что митавскій цензоръ фонъ-Блезе не позволилъ даже мѣстнымъ газетамъ подвергнуть критикѣ подобное отношеніе «общества» къ нуждамъ военнаго времени. Вообще по всему видно, что крестьянскія деньги нѣмцы изъ «кредитнаго общества» очень хорошо берегутъ. Такъ, напримѣръ, когда въ Митавѣ открылось отдѣленіе Государственнаго Крестьянскаго поземельнаго банка, который выпустилъ 6⁰/₀ бумаги, то нѣкоторыя крестьянскія волости захотѣли взять изъ «кредитнаго общества» свои деньги, дающія тамъ только 4⁰/₀, и перевести ихъ въ Крестьянскій банкъ. Но нѣмцы-комиссары по крестьянскимъ дѣламъ не допустили. И хорошее начинаніе латышей въ пользу русскихъ общегосударственныхъ задачъ рѣшительно отклонили.

Главный администраторъ губерніи, конечно, видитъ все это; но продолжая чистить свою охотничью двухстволку, онъ только улыбается, и въ отвѣтъ на негодованіе русскихъ добродушно цитируетъ:

— Ich weiss nicht, was soll es bedeuten...

А когда относительно страннаго поведенія «кредитнаго общества», отчаявшаяся въ первой инстанціи публика идетъ съ запросомъ въ управленіе казенной палаты, то управляющій только машетъ рукой и говоритъ:

— Неправда, «кредитное общество»—прекрасное учрежденіе. Гдѣ въ другой губерніи вы встрѣтите, чтобы наша палата получала отъ кредитныхъ обществъ доходъ за одно только прикладываніе штемпелей къ закладнымъ листамъ?

Съ «кредитнымъ обществомъ» Митавы можетъ поспорить въ своеобразіи своихъ операцій только «дворянскій комитетъ» Курляндіи, этотъ удивительный пережитокъ прибалтійской старины. «Комитетъ вѣдаетъ сборами со всѣхъ землевладѣльцевъ», сборами, напоминающими только челоуѣку съ богатой фантазіей наши земскіе сборы. Что творится въ пресловутомъ «дворянскомъ комитетѣ»—никто не вѣдаетъ. Кто слѣдитъ за его отчетностью—неизвѣстно. Кто распоряжается суммами, кто распредѣляетъ ихъ, куда, на какія надобности—никто не знаетъ. Извѣстно только, что «дворянскій комитетъ» экуратно собираетъ съ населенія Курляндіи поборы и посылаетъ на

Kurländischer
Ritterschafts-Komitee.

Mitau, Ritterhaus,

den 28. März 1913.

№ 530.

An
das Privatgut

Der Ritterschafts-Komitee beehrt sich hiermit anzuzeigen, daß obbezeichnetes Privatgut repartitionsgemäß an Landeswilligungen auf Grund des Landtageschlusses vom 6. März 1912 für das Jahr 1913:

Rbl. 313. 60

zu entrichten hat. Für die bis zum 1. Juli 1913 nicht entrichteten Beträge tritt auf Grund des § 10 des Konferenzschlusses vom 27. März 1906 ein Zuschlag von 1% monatlich ein.

Stellv. Kurl. Landesbevollmächtigte: **W. Baron Sahn.**

Obernehmer: **Hüllessem**

Ritterschafts-Sekretär: **Ed. v. d. Kopp.**

Бланкъ Курляндскаго дворянскаго комитета.

нѣмецкомъ языкѣ какія-то приглашенія помѣщикамъ. И еслибы кто-нибудь обревизовалъ дѣла комитета, то никто изъ русскихъ и латышей въ Митавѣ не счелъ бы эту мѣру противорѣчащей законамъ здраваго смысла... Даю честное слово.

Вообще, что бросается въ глаза въ Прибалтійскомъ краѣ,—это отсутствіе статистическихъ данныхъ и контроля во многихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Нигдѣ въ остальной Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. Въ Митавѣ безотчетностью и безконтрольностью пользуется и дворянскій комитетъ и дворянское собраніе; въ Ригѣ отъ отчетности и контроля освобождены фактически «большая и малая» гильдіи, вѣдающія торгово-промышленной жизнью города. А что дѣлается въ рижскомъ Ritterhaus'ѣ, гдѣ собираются на свои сѣзды дворяне, никто, конечно, никогда не можетъ сказать. Безъ всякой отчетности существуетъ здѣсь и «управленіе дворянскими имѣніями» края, на любопытной организаціи котораго необходимо будетъ остановиться впослѣдствіи. Словомъ — «конституція» у прибалтійскихъ нѣмцевъ дѣйствуетъ во всю. Нѣмцы дѣлаютъ здѣсь все, что хотятъ, собираютъ деньги, тратятъ ихъ куда угодно, закладываютъ по своему желанію общественныя имѣнія, покровительствуютъ своимъ, жмутъ и притѣсняють чужихъ.

Ну, развѣ не «балтійская конституція» это, въ самомъ дѣлѣ?

XI.

„Deutscher Geist“. — Ферейны.

Съ городами южной, латышской, половины Прибалтійскаго края на этой статьѣ, мнѣ кажется, можно покончить. Вы уже видѣли, какъ вездѣ—въ Ригѣ, въ Либавѣ, въ Митавѣ, въ Виндавѣ и даже въ маленькихъ городкахъ, вродѣ Бауска или Шлока, — городское самоуправленіе находится всецѣло въ рукахъ нѣмцевъ. Не достигая нигдѣ по количеству даже 10⁰/₁₀ населенія, нѣмцы руководятъ однако всею жизнью городовъ, насаждая повсюду «deutschen Geist», заводя свои школы, гимназіи, поддерживая нѣмецкія корпораціи въ Политехникумѣ, соединяясь въ различные бунды и ферейны, начиная отъ Deutscher Verein'a и кончая стрѣлковыми обществами.

Пользуясь устарѣвшимъ закономъ о совладѣніи, благодаря которому каждый крупный собственникъ всегда можетъ безъ риска для себя отдѣлать фиктивно для временнаго совладѣльца какую-нибудь тысячную часть недвижимости, нѣмцы умѣло добиваются ценза для городского представительства. Благодаря огромной солидарности и сильно развитому національному сознанию, у нихъ никогда не наблюдается абсентизма во время выборовъ. Наоборотъ, изъ далекихъ имѣній, изъ-за границы, изъ Германіи,

Австріи, съ Ривьеры и даже изъ Каира они спѣшатъ сюда, когда имъ нужно своимъ голосомъ поддержать священное національное дѣло... И всякими способами, знакомствами, связями, выдвигая впередъ то свою «лояльность», то «культурное превосходство», забираютъ въ руки вмѣстѣ съ городскими дѣлами всѣ дѣла края, играютъ первую роль какъ въ административной, такъ и въ промышленной, торговой и культурно-просвѣтительной жизни страны.

Въ ихъ рукахъ биржа, банки, торгово-промышленныя предпріятія. Въ ихъ рукахъ лучшіе театры, музеи. Въ Ригѣ нѣмецкій театръ самое внушительное зданіе города: приземистый русскій театръ передъ нимъ какой-то карликъ на короткихъ ногахъ. То же самое можно видѣть въ Либавѣ. Въ Ригѣ городской музей отведенъ почти исключительно подъ ихъ національныхъ «геніевъ». Тутъ рѣдко встрѣтишь картины русскихъ или латышскихъ художниковъ; но полотна германскихъ авторовъ, о которыхъ въ Россіи почему-то никто не имѣетъ никакого представленія, — красуются на первомъ мѣстѣ. Для выставокъ «стороннихъ» музей предоставляется очень рѣдко. Зато способныя нѣмецкія барышни, рисующія цвѣточки, nature morte или нѣжныхъ маманъ съ херувимами-дѣтьми, изъ которыхъ впоследствии выходятъ бравые лейтенанты прусской арміи, — эти барышни пользуются въ музей широкимъ гостепримствомъ...

Вслѣдъ за художественной жизнью, города Лифляндіи и Курляндіи отличаются большой нѣмецкой насыщенностью и въ литературномъ и издательскомъ отношеніяхъ. Я говорилъ уже вкратцѣ о рижскихъ газетахъ, о насадителѣ «нѣмецкаго духа» Серафимѣ. Но не менѣе любопытныя личности въ германизаторскомъ смыслѣ встрѣчаются здѣсь и въ книгоиздательскомъ дѣлѣ. До сихъ поръ, напримѣръ, главнымъ книгоиздателемъ въ краѣ былъ владѣлецъ крупнаго книжнаго магазина въ Ригѣ германскій подданный Георгъ Ионкъ. Этотъ Ионкъ издавалъ знаменитый календарь Deutscher Verein'a, разныя брошюрки о Прибалтійскомъ краѣ, дорожныя карты Лифляндіи и Курляндіи, и открытки съ портретами Вильгельма... Въ рукахъ Ионка сосредоточивалась огромная германизаторская организація, противъ которой никто изъ имѣвшихъ здѣсь власть не принималъ никакихъ мѣръ. Совмѣстно съ другимъ германскимъ подданнымъ, Карломъ Ленцемъ, Ионкъ собиралъ по всему краю деньги на германскій флотъ, состоя кассиромъ «Alldeutscher Flottenverein'a». Членамъ «Flottenverein'a» Ионкъ выдавалъ официальныя карточки, фотографическій снимокъ одной изъ которыхъ мнѣ удалось даже видѣть своими собственными глазами. Слѣва, наверху, на карточкѣ изображенъ броненосецъ съ германскимъ военнымъ флагомъ, а справа помѣщенъ текстъ:

«Deutscher

Flotten—Verein.

Mitgliedskarte, 1910,

für Herrn Stadt. Garten Direktor

G. Kuphaldt

Der Aussteller G. Ionck

Karte № 9».

Этому самому кассиру Flottenverein'a, господину Ионку, лифляндское и курляндское дворянство поручало между прочим печатаніе дорожныхъ картъ — Wegekarten. Всѣ границы имѣній, расположеніе дорогъ, просѣкъ, канавъ, рвовъ и каменныхъ зданій, — все отмѣчалось на планахъ германскимъ подданнымъ Ионкомъ. Карты Ионка считались не только здѣсь самыми подробными и точными, но очевидно и въ Германіи, куда высылка этихъ недурныхъ изданій, конечно, не воспрещалась. У меня, напримѣръ, сейчасъ находится въ рукахъ подробная красочная карта дорогъ Рижскаго уѣзда, изданная фирмой G. Blankertz'a въ Дюссельдорфѣ, подъ названіемъ: «Uebersichtskarte der Strassen und Wege vom Rigaschen Kreise». Внизу карты по-нѣмецки добавлено: «взято изъ лифляндско-эстляндскаго «Landeskultur-Bureau» и составлено на основаніи принадлежащихъ лифляндскому дворянству дорожныхъ картъ». И связь этой германской карты съ дѣятельностью Ионка, понятно, внѣ сомнѣнія. Вѣдь кто печаталъ

Снимокъ съ членскаго билета Flotten-Verein'a.

карты лифляндскому дворянству? Ионкъ! Онъ, — этотъ лучший издатель края, хотя и германскій подданный, но знающій всѣ дороги Прибалтійскихъ губерній лучше всякаго мѣстнаго русскаго администратора!

Я остановился на дѣятельности Ионка только для того, чтобы показать, какъ высоко полезны для русскаго государства прибалтійскія нѣмецкія издательскія фирмы. Понятно, не одинъ только Ионкъ въ этомъ отношеніи характеренъ. Вотъ что пишетъ мнѣ относительно другого мѣстнаго книготорговца одна рижанка-француженка: «Моя сестра, возвращаясь изъ Риги во Францію, и желая приобрести на память открытыя письма, зашла въ магазинъ «Balte» и попросила дать ей портреты «de la famille Imperiale». Каково же было ея удивленіе, когда, по ея выраженію «avec beaucoup d'empressement», приказчикъ вытащилъ ей изъ прилавка портретъ императора Вильгельма!..»

Впрочемъ существованіе фирмъ вроде Ионка или «Balte» въ главныхъ городахъ края объясняется не только необходимостью для Германіи имѣть хорошія дорожныя карты Россіи или необходимостью ознакомленія русскихъ нѣмцевъ съ портретами членовъ семьи Гогенцоллерновъ. Существованіе многочисленныхъ нѣмецкихъ культурно-просвѣтительныхъ обществъ въ городахъ тоже требуетъ широко поставленнаго издательскаго дѣла для проведенія уставовъ обществъ

въ жизнь при посредствѣ печати. Поэтому, оканчивая обзоръ дѣятельности нѣмцевъ въ южныхъ городахъ края, я только перечислю вамъ главные нѣмецкія общества Либавы, Риги и Митава. Этотъ списокъ, переведенный съ нѣмецкихъ Adressbuch'овъ, будетъ служить хотя и сухимъ, но лучшимъ по краснорѣчію заключеніемъ всего сказаннаго мною въ предыдущихъ главахъ:

Либава:

Нѣмецкій ферейнъ въ Курляндіи. Нѣмецкій женскій союзъ. Нѣмецкій ферейнъ дѣвиць. Нѣмецкій театральный ферейнъ. Филармонія. Лидертафель. Муссе. Ферейнъ велосипедистовъ. Гребной и парусный клубъ «Сѣверъ». Вольно-пожарное общество. Ферейнъ для оказанія помощи германскимъ подданнымъ. Ремесленный ферейнъ. Охотничій ферейнъ. Турнферейнъ. Нѣмецкій конституціонно-либеральный ферейнъ.

Митава:

Женскій ферейнъ. Нѣмецкій ферейнъ въ Курляндіи. Вольно-пожарное общество. Охотничій ферейнъ. Стрѣлковый ферейнъ. Лидертафель. Гребной клубъ. Клубъ велосипедистовъ. Велосипедный ферейнъ...

Рига:

Нѣмецкій ферейнъ Лифляндіи. Женскій союзъ. Ферейнъ дѣвиць. Домферейнъ. Ферейнъ для оказанія помощи германскимъ подданнымъ. Нѣмецкій либеральный клубъ. Ферейнъ писателей. Балтійскій спортивный ферейнъ. Велосипедный фе-

рейнь. Балтійскій автомобильный клубъ. Марсь-велосипедный ферейнь. Верховой ферейнь. Гоночный ферейнь. Гребной клубъ. Парусный союзъ. Яхтъ - Клубъ. Охотничій ферейнь. Спортивный ферейнь. Стрѣлковый ферейнь. Охотничье общество. Турнферейнь. Атлетическій клубъ. Второй атлетическій клубъ. Спортивный ферейнь Кайзервальда. Рижскій спортивный ферейнь...

И множество, множество другихъ просвѣтительныхъ и въ особенности «спортивныхъ» ферейновъ, столь необходимыхъ для Россіи на границѣ съ Германіей...

XII.

Кое-что о помѣщикахъ, фактахъ, слухахъ и германцахъ.

Прежде чѣмъ перейти отъ городовъ латышскаго края къ помѣщикамъ, я считаю своимъ долгомъ оговориться. Всѣ факты и свѣдѣнія, которые мнѣ удалось собрать относительно нѣкоторыхъ прибалтійскихъ дворянъ, вовсе не претендуютъ на какое бы то ни было обобщеніе. Складъ ума у меня далеко не философскій. Я никогда не умозаключаю по методу *a parte ad totum*, моя индукція не носитъ характера торопливой индукціи *per enumerationem simplicem*. И поэтому я прошу читателей: не сбобщайте единичныхъ примѣровъ!..

Въ глухихъ лѣсахъ, окопавшись канавами, окруживъ себя высокою оградой, вдали отъ любопытнаго глаза презрѣнной черни, разбросались по Прибалтійскому краю уединенные замки гордыхъ нѣмецкихъ дворянъ. Ничтожные латыши, эти пасынки европейской исторіи, не смѣютъ переступить границъ грозныхъ феодальныхъ владѣній. Издали, съ какого-нибудь пригорка, видятъ они зубцы грозныхъ башенъ, шпицы и флагштоки, и трепещетъ ихъ душа, и стучатъ отъ страха стиснутые зубы...

Изрѣдка по шоссейной дорогѣ, минуя кирку, проѣдетъ на почтовыхъ какой-нибудь маленькій русскій чиновникъ; и при видѣ старинныхъ воротъ съ великолѣпнымъ гербомъ, онъ невольно выпрямляется на сидѣннѣ почтовой коляски, и въ глазахъ его видна неодолимая робость, и губы шепчутъ подобіе молитвы, и по спинѣ проходитъ холодная дрожь...

Стараясь не нарушить окружающей священной тишины кощунственнымъ шумомъ, тихо слѣзаетъ онъ, чтобы дать отдыхъ лошадямъ, со своей коляски около уютнаго зданія, находящагося въ предѣлахъ владѣнія могущественнаго феодала. И беззвучно идетъ внутрь согрѣться виномъ... И невольно рука его подобострастно тянется къ фуражкѣ, когда надъ входной дверью онъ видитъ вывѣску:

«Корчма барона Энгельгардта».

Иногда пустынная дорога, идущая отъ одного имѣнія къ другому, вдругъ оглашается шумомъ... Ъдутъ на охоту владѣтельные бароны съ гостями и многочисленной челядью. Грозно сверкаютъ на плечахъ лакеевъ, егерей, лѣсниковъ и управляющихъ ружья, выглядываютъ изъ-подъ поясовъ браунинги, дрожатъ за спинами короткіе маузеры... И гулко дрожитъ земля подъ копытами лошадей, испуганно бѣгутъ вокругъ лучи солнца, отраженные холодною сталью... И затѣмъ все стихаетъ. Снова хмуро стоятъ у границъ имѣнія густыя сосны, шумятъ въ берегахъ ручьи и рѣки, и только иногда мелькнетъ среди лѣса фигура вооруженнаго лѣсника, да пролетитъ, взрѣзавъ синеву неба, черный голубь породы «Таубе».

Нѣтъ возможности привести въ газетной статьѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыми буквально засыпали меня русскіе и латыши во время поѣздки моей въ глубь губерній... Конечно, много встрѣчаешь тутъ фантастическаго; много вѣроятнаго, но, къ сожалѣнію, почти непровѣреннаго; но много, однако, и переданнаго со словъ очевидцевъ, фамиліи которыхъ въ случаѣ надобности я могъ бы даже привести. Но вотъ, что ужасно. Вотъ, что удивительно для Россіи: вездѣ мнѣ говорятъ шепотомъ:

— Ради Бога, не называйте моей фамиліи! Не называйте вообще именъ! Вы не знаете, что съ нами сдѣлаютъ!

А въ Ригѣ многіе изъ русскихъ чиновниковъ, не только мелкихъ, но и достаточно крупныхъ, боялись даже зайти ко мнѣ въ гостиницу, чтобы «наверху» не стало извѣстнымъ объ ихъ визитѣ къ сотруднику «Новаго Времени».

Я не буду останавливаться на мелкихъ фактахъ, вродѣ ракетъ, которыя видѣли у Шлока или Маіоренгофа, на рижскомъ взморьѣ. Такихъ указаній не оберешься, и кое-что изъ подобнаго матеріала я приводилъ раньше. Но вотъ, напри- мѣръ, случай, который могутъ подтвердить извѣстныя мнѣ и заслуживающія довѣрія лица.

9 сентября на станцію Валкъ прибылъ военный поѣздъ. Начальникъ поѣзда заявилъ мѣстной полиціи, что отъ станціи Загниць поѣздъ «сопровождалъ» аэропланъ; который, долетѣвъ почти до самаго Валка, повернулъ обратно къ Загницу. Заявленіе начальника поѣзда было подтверждено нижними чинами. Тогда одинъ изъ офицеровъ, взявъ съ собою двухъ солдатъ и переодѣвшись вмѣстѣ съ ними въ крестьянское платье, отправился на развѣдки къ имѣнію Загниць, принадлежащему графу Бергу. По дорогѣ офицеръ велъ бесѣды съ встрѣчными крестьянами, и многіе изъ нихъ увѣряли, что видятъ аэропланъ довольно часто. Нѣкоторые добавляли даже, что имъ приходилось наблюдать, какъ на сосѣднее озеро спускалась «машина» и черезъ нѣкоторое время снова подымалась наверхъ. Офицеръ рѣшилъ продолжать розыски. Онъ об-

ратилъ вниманіе на огромный заборъ, выкрашенный въ яркую краску и хорошо видимый за много верстъ. Но, къ сожалѣнію, въ костюмѣ крестьянина ему удалось пробыть недолго. Одинъ изъ чиновъ мѣстной полиціи задержалъ переломанныхъ развѣдчиковъ, и офицеру въ концѣ концовъ пришлось раскрыть свое инкогнито.

Конечно, графъ Бергъ тутъ не причемъ. Но въ настоящее время владѣльцы прибалтійскихъ имѣній должны быть такъ бдительны!

А вотъ тоже провѣренный фактъ относительно Вицемскаго лѣсничества Валкскаго уѣзда. Лѣсничество это принадлежитъ лифляндскому дворянству, и лѣсникомъ въ немъ состоитъ германскій подданный Бергеръ. У этого Бергера, кстати сказать, въ самомъ началѣ войны былъ задержанъ заподозрѣнный въ шпионствѣ германскій подданный Фаберъ. И вотъ, послѣднее время мѣстные крестьяне наблюдаютъ по ночамъ усиленное движеніе автомобилей между близъ находящейся усадьбой Дреймонитъ и охотничьимъ замкомъ, гдѣ живетъ Бергеръ. Тутъ же рядомъ въ Трикатенской волости находится кирка и, по увѣренію крестьянъ, на ней по ночамъ многіе видятъ огни... Что это за огни? Что за автомобильное сообщеніе съ германскимъ подданнымъ? Тайна эта тщетно ждетъ радикальнаго снятія своей завѣсы...

А вотъ сообщенія изъ Курляндіи. Крестьяне имѣнія Эллей, принадлежащаго графу Медему,

не такъ давно видѣли германскихъ топографовъ въ русскихъ форменныхъ фуражкахъ, снимавшихъ планы волостей Грюнгофъ, Якобсгофъ и Шлаттонъ. Топографы особенно интересовались крутыми берегами рѣкъ Шведъ и Тервета... И мнѣ ужасно обидно, почему такого ротозя управляющаго держалъ у себя графъ Медемъ? Графу безусловно нужно быть осторожнымъ въ выборѣ окружающихъ лицъ, такъ какъ мнѣ извѣстно, на примѣръ, что у него подъ бокомъ въ имѣніи нѣкоторыя лица очень не одобряютъ войну съ «единовѣрцами-пруссакими»... Да и понятно, конечно: вѣдь въ имѣніи «Эллей» у графа находилось на службѣ три германскихъ подданныхъ, занимавшихъ должности лѣсническихъ! Кромѣ того управляющій, допустившій топографовъ дѣлать съемки, былъ, вѣдь, не кѣмъ инымъ, какъ германскимъ офицеромъ, скрывшимся передъ самой войной!

Нѣчто аналогичное мы встрѣчаемъ въ имѣніи «Кауцмюнде» графа Палена. Управляющимъ этого имѣнія состоялъ германскій подданный, офицеръ графъ Спретти, о которомъ уже писали газеты. Спретти былъ страстный любитель фотографіи. Не только красивые ландшафты привлекали его вниманіе; даже такія мало художественныя вещи, какъ каналы, заборы, сараи, каменоломни, пригорки, лишенные растительности, — все это съ восторгомъ запечатлѣвалъ онъ на чувствительной пластинкѣ своего аппарата. И вдругъ — стран-

ность: недѣли за двѣ до начала войны Спретти почему-то внезапно скрылся!..

Въ Нигранденѣ Курляндской губерніи, гдѣ послѣ 1906 г. поселилось значительное число нѣмецкихъ колонистовъ, крестьяне не разъ видѣли за послѣднее время поднимавшіяся къ небу ракеты. Это увеселеніе въ послѣднее время приняло такія обычныя формы, что латыши перестали придавать ему особенное значеніе. Увидятъ взвившійся къ небу огонь и добродушно посмѣиваются:

— Колонисты швермера пускаютъ.

Около Маріенбурга въ Лубанѣ крестьяне много толкуютъ о пролетающихъ мимо «воздушныхъ машинахъ». Говорятъ, будто однажды къ мѣстному помѣщику направлялся въ имѣніе аэропланъ, и крестьяне хотѣли даже стрѣлять. Но урядникъ воспротивился этому опасному для государства рѣшенію и заявилъ:

— А можетъ это къ барону гости летятъ?

Впрочемъ, окрестности Маріенбурга давно славятся многими странностями. Нынѣшнимъ лѣтомъ, на примѣръ, здѣсь жили двое молодыхъ людей, носившихъ форму учащихся и прилежно занимавшихся практическими занятіями по вымѣркѣ мостовъ для автомобильныхъ пробѣговъ... Такихъ прилежныхъ молодыхъ практикантовъ, вообще, въ Прибалтійскомъ краѣ наблюдалось не мало. Около Митавы въ имѣніи одного крупнаго помѣщика работала лѣтомъ, по сообщенію одной

изъ газетъ, цѣлая группа прилежныхъ молодыхъ людей въ качествѣ техниковъ при устройствѣ земляныхъ работъ по сооруженію подваловъ... латыши и русскіе въ подвалы не допускались. Зато доступъ туда навѣрное имѣлъ лѣсникъ имѣнія, германскій подданный офицеръ, который незадолго передъ войной исчезъ...

Въ имѣніи «Паульсгнаде», недалеко отъ Митавы, какъ сообщаютъ тѣ же газеты, въ предѣлахъ замка, обнесеннаго каменной стѣной, работали въ продолженіе минувшаго лѣта германскіе подданные, воздвигавшіе какія-то строенія для ожидавшейся нѣмецкой выставки... Мѣстные русскіе и латыши туда въ качествѣ рабочихъ тоже не принимались. А тутъ же, недалеко отъ Альтъ-Ауца, уже въ послѣднее время крестьяне видятъ на высокихъ шестахъ какіе-то флаги, бѣлые и синіе, которые то поднимаются, то опускаются по неизвѣстнымъ законамъ чередованія.

А вотъ факты и слухи, представленные членомъ Гос. Думы кн. Мансыревымъ въ видѣ докладной записки на усмотрѣніе начальника главнаго штаба; извлеченіе изъ записки было напечатано въ «Петроградскомъ Курьерѣ» отъ 11 ноября 1914 года, и кое-что оттуда не лишнимъ будетъ привести и здѣсь въ добавленіе ко всему предыдущему. «Вопросы, касающіеся внутренняго строя прибалтійскихъ губерній,—говоритъ князь Мансыревъ въ своей запискѣ, — несомнѣнно, имѣютъ въ настоящее время особливо важное

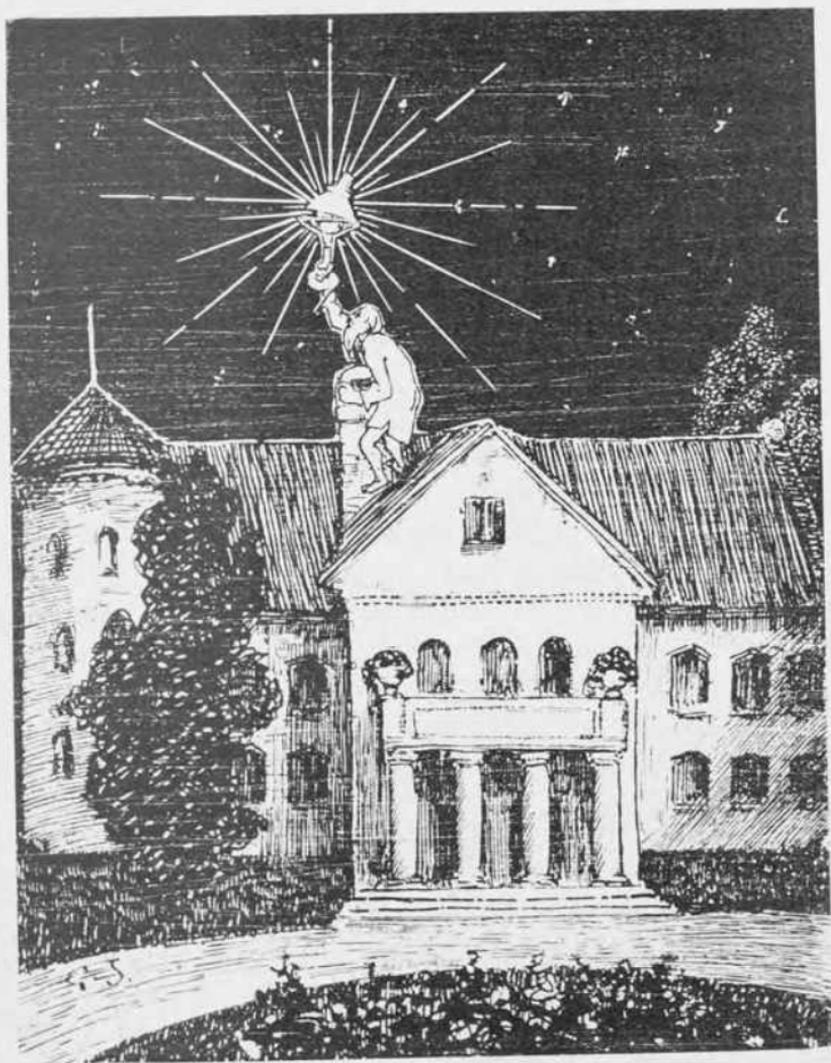
значеніе, и я, какъ представитель населенія Прибалтійскаго края, живущій въ немъ уже 26 лѣтъ и знающій его хорошо, считаю необходимымъ, въ видахъ государственной пользы, довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства нижеслѣдующіе факты, повидимому, мало обращающіе на себя вниманіе мѣстной и центральной правительственной власти...

У владѣльца имѣнія Грѣфенталь, барона Клопмана, состояло на службѣ много германскихъ подданныхъ, а управляющимъ былъ офицеръ запаса германской арміи. Наканунѣ объявленія мобилизаціи къ барону Клопману съѣхалось около 60 владѣльцевъ сосѣднихъ имѣній, ихъ управляющихъ и иныхъ служащихъ изъ германско-подданныхъ. Въ ту же ночь управляющій имѣніемъ исчезъ.

Владѣлецъ имѣнія Нурмисъ, Рижскаго уѣзда, графъ Дунтенъ, постоянно проживалъ въ Германіи; управляющимъ имѣніемъ былъ офицеръ запаса германской арміи, совершенно не занимавшійся хозяйствомъ и исчезнувшій передъ объявленіемъ войны, такъ же какъ и прочіе служащіе въ имѣнии, германскіе подданные.

Владѣлецъ имѣнія Виршпаленъ, Гробинскаго уѣзда, баронъ Гродгустъ, уже въ концѣ августа благополучно доставилъ изъ города Гольдингена черезъ германскую границу двухъ иностранцевъ, о чемъ самъ разсказывалъ оставленному на жительствѣ въ городѣ Либавѣ германскому же

Изъ газ. „Невазь Вильни“.

Латышская карриатура на тему „У каждаго барона своя фантазія“.

подданному, директору электрической станции г. Матту.

Въ первое время войны, какъ въ районѣ Газенпотскаго, такъ и Гробинскаго уѣзда, появлялись германскіе аэропланы, по ночамъ производилась своеобразная сигнализациа при помощи медленно сгорающихъ ракетъ. Эта сигнализациа производилась изъ обширнаго отгороженнаго высокою каменною стѣною, находящагося въ паркѣ принадлежащаго барону Мантейфелю имѣнія, такъ называемаго «кладбища», на которое никто изъ мѣстныхъ жителей ни подъ какимъ видомъ не допускался.

Въ имѣніи Кауцемюнде былъ замѣченъ спускъ какого-то аэроплана. Мѣстный полицейскій урядникъ Яцилевичъ приступилъ къ производству дознанія по этому поводу, но младшій помощникъ митаво-баусскаго уѣзднаго начальника фонъ Браше распорядился производство дознанія прекратить.

Въ окрестностяхъ имѣнія Лестенъ, принадлежащаго барону Фирксу, мѣстные жители часто видѣли непріятельскіе аэропланы, они утверждали, что для аэроплановъ имѣется и база на болотѣ, находящемся среди лѣса. Слухи эти дошли до командира расположеннаго въ городѣ Туккумъ полка, и полковому адъютанту было поручено произвести дознаніе. При дознаніи спрошенные мѣстные жители вполнѣ подтвердили слухи, нашедшіе подкрѣпленіе и въ произведен-

номъ осмотрѣ мѣстности. А кромѣ того выяснены были нѣкоторыя подробности о прикосновенности къ дѣлу самого владѣльца имѣнія. Обо всемъ обнаруженномъ полковой адъютантъ донесъ рапортомъ отъ 19 августа за № 3. По удостовѣренію начальника Туккумскаго уѣзда Левингга, личность барона Фиркса является внѣ всякихъ подозрѣній. Доказательствомъ чему, между прочимъ, является и близкое его знакомство съ губернаторомъ Набоковымъ, зачастую бесѣдующимъ съ нимъ по телефону.

Такъ былъ замолчанъ случай въ имѣніи Плененъ, Гробинскаго уѣзда, близъ города Либавы, гдѣ въ концѣ августа мѣстные жители видѣли спустившійся аэропланъ съ 3 лицами, изъ которыхъ одинъ сошелъ съ аппарата и скрылся въ лѣсу, а двое поднялись и улетѣли.

Полеты аэроплановъ замѣчались въ Лифляндской губерніи. Такъ, мѣстные жители заявляли, что въ августѣ они неоднократно видѣли ихъ по направленію подъѣзднаго желѣзнодорожнаго пути отъ станціи Штокмансгофъ до имѣнія Альтъ Шваненбургъ, принадлежащаго баронессѣ Вольфъ, выпедшей замужъ за графа Цеппелинъ. Около того же времени на станцію Штокмансгофъ были изъ Риги получены два вагона бензина неизвѣстно для какой цѣли, такъ какъ въ этой мѣстности какихъ-либо промышленныхъ предпріятій, потребляющихъ бензинъ, нѣтъ. Спустя приблизительно недѣлю, мѣстные жители нашли

аэропланъ на землѣ имѣнія Хинценбергъ, принадлежащаго барону Вольфу, къ которому перешло и имѣніе Альтшванебургъ. Летчиковъ на аэропланѣ ни живыхъ, ни мертвыхъ не оказалось, и аппаратъ былъ жителями доставленъ въ г. Ригу. Другой аэропланъ, приблизительно въ то же время, былъ замѣченъ въ предѣлахъ имѣнія Царникау, рижскаго уѣзда, и подстрѣленъ мѣстными жителями, которые захватили летчика, по ихъ словамъ, германскаго инженера, и доставили его съ аппаратомъ также въ Ригу.

Вотъ факты и слухи. И я представляю себя на мѣстѣ помѣщиковъ, имѣнія которыхъ попали въ газеты въ качествѣ «неблагополучныхъ» въ смыслѣ лояльности. Господи! Какъ бы горячо сталъ я требовать правительственной ревизіи! Въдѣ никто изъ бароновъ и графовъ, обладая иногда десятками тысячъ десятинъ, не можетъ, понятно, ручаться за все, что дѣлается въ его обширныхъ владѣніяхъ. И, какъ люди, искренно преданные Россіи и считающіе для себя оскорбительнымъ одно только существованіе темныхъ слуховъ объ ихъ имѣніяхъ, помѣщики должны были бы уже давно обратиться къ военной и гражданской власти съ требованіемъ, чтобы принадлежащіе имъ лѣса и зданія подверглись тщательному осмотру и обыску. Лояльнаго, преданнаго родинѣ человѣка подобный обыскъ не только не оскорбилъ бы, но доставилъ бы ему только одно удовлетвореніе. Крестьянскіе наговоры

сплетни досужихъ бабъ, выдумки лживыхъ газетъ и корреспондентовъ-шелкоперовъ, галлюцинаціи русскихъ чиновниковъ и офицеровъ—все было бы сразу опровергнуто. Все было бы разбито. И репутація помѣстій поднялась бы на недостижимую высоту...

А при нынѣшнемъ положеніи вещей слухи, конечно, не прекратятся. Въ самомъ дѣлѣ: сколько германскихъ подданныхъ, даже военныхъ, разбросано было до сихъ поръ въ качествѣ лѣсниковъ и управляющихъ въ этихъ помѣстьяхъ! Развѣ за нихъ можно ручаться? Кромѣ приведенныхъ примѣровъ я могъ бы указать еще хотя бы на имѣнія: Платтернъ—барона Тизенгаузена, Ремерсгофъ—графа Сиверса, Садзень—Керковиуса... Вѣдь и здѣсь управляющими были офицеры германской службы. А гости... Гости, родственники и свойственники изъ Германіи! Сколько ихъ перебывало здѣсь, сколько ихъ ѣздило взадъ и впередъ черезъ прусскую границу! Въ Мариенбургѣ въ имѣніи Фитингофа проживалъ офицеръ Раутенбергъ, обучавшійся земледѣлію; въ имѣніи Лайценъ служилъ австрійскій офицеръ лѣсничій, то же самое наблюдалось въ имѣніяхъ Кальнемоисе и Кюльсдорфъ Валкского уѣзда... Въ курляндскомъ помѣстьѣ князя Ливена «Фокенгофъ» гостилъ близкій родственникъ, германскій офицеръ. И въ день объявленія войны принужденъ былъ сѣсть въ автомобиль и спѣшно отправиться въ дѣйствующую противъ Россіи прусскую армію.

При такой богатой наличности германскихъ подданныхъ въ дворянскихъ имѣніяхъ подозрительность всякаго посторонняго зрителя не можетъ исчезнуть отъ одного только негодованія бароновъ. То, что въ Рязани или въ Орлѣ покажется пустякомъ, то тутъ, среди многочисленныхъ подданныхъ враждебнаго государства, можетъ вызвать серьезное подозрѣніе. Возьмемъ такой примѣръ. Въ Ригу пріѣзжаютъ печники изъ расположеннаго недалеко «Катла Кальна» и разсказываютъ, что теперь у нихъ много работы, такъ какъ нѣмцы перекрашиваютъ печныя трубы на своихъ домахъ въ ярко-бѣлый цвѣтъ. Подозрительныхъ латышей перекраска уже смущаетъ. И, полагая, что цвѣтъ трубъ можетъ служить непріятелю для ориентировки, они начали тоже усердно окрашивать свои трубы бѣлой краской...

Подобный фактъ, судите сами, совершенный пустякъ. Какое значеніе придали бы перекраскѣ трубъ въ Вязьмѣ, въ Тулѣ, въ Воронежѣ? А тутъ, на границѣ, благодаря германскимъ подданнымъ, все заставляетъ быть на чеку. Во время поѣздки въ Огеръ, гдѣ мнѣ пришлось осматривать лѣсную вышку, я замѣтилъ, напримѣръ, на противоположномъ высокомъ южномъ берегу Двины правильно срѣзанную землю, съ площадкой наверху, выступавшей въ рѣку крутыми откосами. Въ центрѣ Россіи я бы просто рѣшилъ, что это каменоломня. А тутъ глаза мои задумчиво обрапались нѣ-

сколько разъ въ сторону таинственнаго укрѣпленія, и въ головѣ неотвязно сидѣла мысль:

— А вѣдь управляетъ-то этой мѣстностью германскій подданный Лефлеръ!

Благодаря служащимъ, германскимъ подданнымъ, о дѣятельности которыхъ въ южныхъ городахъ края я уже писалъ, — многія помѣщичьи земли заслуживаютъ очень серьезнаго къ себѣ отношенія. Мнѣ рассказываютъ, что весной этого года почти во всемъ краѣ отъ крестьянъ требовали экстренной починки дорогъ, причемъ размѣръ починки превосходилъ всѣ предыдущіе годы чуть не въ десять разъ. Въ Туккумскомъ и Баусскомъ уѣздахъ крестьяне изнемогали въ этомъ году отъ возложенной на нихъ чрезмѣрной дорожной повинности. Дорога изъ Митавы въ Либаву спѣшно исправлялась этимъ лѣтомъ, и цѣлыхъ семнадцать крестьянскихъ дворовъ были описаны на 18 тысячъ рублей за то, что не могли исполнить требованія комиссаровъ... А ко всему этому присоединяется еще одно маленькое, но интересное обстоятельство: за истекшій годъ почти въ половинѣ имѣній Курляндіи и южной Лифляндіи инженерами-нѣмцами почему-то поставлены новые пограничные столбы...

Существованіе германскихъ подданныхъ въ помѣщичьихъ замкахъ внушаетъ тревогу вотъ еще въ какомъ отношеніи. Весь Прибалтійскій край прекрасно соединенъ своими частями густою телефонною сѣтью. Всѣ имѣнія могутъ сно-

Церковь, построенная в 1906 году для немецких колонистов
в имении Никкурнъ барона К. Ф. Мантейфеля.

Прусскій орелъ надъ входомъ въ церковь.

ситься не только съ городами, но другъ съ другомъ и даже... съ Мемелемъ. И вотъ въ связи съ этимъ обстоятельствомъ нерѣдки такіе случаи: въ Россіи официально ничего не извѣстно еще о нашихъ дѣлахъ въ Восточной Пруссіи, а въ Прибалтійскомъ краѣ уже многое становится достояніемъ публики. Не говорю уже о городахъ, вродѣ Риги, гдѣ недавно былъ даже задержанъ владѣлецъ одного книжнаго магазина за то, что на вывѣшенной въ витринѣ картѣ вполнѣ правильно передвигалъ флаги за два дня до того, какъ ихъ можно было передвинуть по официальнымъ телеграммамъ... Въ Ригѣ былъ и другой случай, когда одинъ присяжный повѣренный В., у котораго сестра замужемъ за германскимъ офицеромъ, за цѣлыхъ три дня до полученія телеграммъ рассказывалъ знакомымъ о гибели трехъ англійскихъ крейсеровъ въ Сѣверномъ морѣ... И въ смыслѣ подобной освѣдомленности, нѣкоторые помѣщики выказываютъ также удивительную способность ясновидѣнія. Узнаютъ ли они о передвиженіи нашихъ и германскихъ силъ только во снѣ и черезъ гадалокъ, или же имъ просто-на-просто сообщаютъ кое-что всезнающіе управляющіе-германцы, кто знаетъ? Но, если говорить откровенно, то, очевидно, не въ однихъ только управляющихъ зарыта собака. Посмотримъ дѣйствительности прямо въ глаза. Вотъ у меня книга, изданная въ 1907 году въ Дармштадтѣ и называющаяся:

«Adressbuch für die ausserhalb ihrer Heimat lebenden Balten. Herausgegeben vom Verbands deutscher Balten in Darmstadt».

Въ этой адресной книгѣ перечислены, какъ показываетъ уже само заглавіе, тѣ балтійскіе нѣмцы, которые живутъ за границей, осѣли тамъ, но поддерживаютъ непосредственную связь съ оставшимися въ Россіи родственниками. Одинъ любезный латышъ подсчиталъ для меня въ книгѣ число всѣхъ живущихъ въ Германіи и въ Австріи. Въ Германіи, по этому подсчету, родственниковъ прибалтійскихъ нѣмцевъ въ 1907 году находилось 1,746 человекъ, а въ Австріи 51. Изъ наиболѣе извѣстныхъ фамилій жили тамъ:

Фонъ-Беръ	9	человекъ.
Фонъ-Энгельгардтъ	10	»
Фонъ-Фирксъ	12	»
Фонъ-Гротусъ	13	»
Фонъ-Грюневальдъ	11	»
Фонъ-Гойнингенъ-Гюне	4	»
Фонъ-Каппаерлингъ	9	»
Фонъ-Ливенъ	10	»
Фонъ-Майдель	15	»
Фонъ-деръ-Коппъ	21	»
Фонъ-Самсонъ-Гиммельстерна	6	»
Фонъ-Зассъ	13	»
Фонъ-Штакельбергъ	10	»
Фонъ-Тизенгаузенъ	10	»
Фонъ-Унгернъ-Штернбергъ	12	»

Фонъ-Фитингофъ	11	человѣкъ.
Фонъ-Вольфъ	15	»
Фонъ-Врангель	9	»
Цеге-фонъ-Мантейфель	6	»

II, наконецъ, бароновъ Остенъ-Сакеновъ цѣ-
лыхъ 34!

А сколько находится нашихъ нѣмцевъ на
постоянномъ жительствѣ въ Германіи и Австріи
въ настоящее время, къ сожалѣнію, сказать не
могу, такъ какъ новаго адресъ-календаря теперь
невозможно почему-то достать. Во всякомъ слу-
чаѣ приведенныя числа нужно было бы значи-
тельно увеличить для 1914 г. Я сужу объ этомъ
уже по тому, что въ 1907 году въ германской
арміи служило только около тридцати лицъ изъ
нашихъ прибалтійскихъ фамилій. Теперь, какъ
говорятъ, число дошло до семидесяти. Въ при-
веденномъ Adressbuch'ѣ 1907 года я нашелъ на
германской службѣ:

Адольфи Вильгельмъ, лейтенантъ.

Баронъ фонъ-Ашенбергъ, лейтенантъ.

Бергенгрюнъ, Максъ, лейтенантъ.

Бейзе, Пауль, лейтенантъ.

Бурси, Отто, лейтенантъ и адъютантъ 32 нѣ-
хотнаго полка.

Брутцеръ, Фридрихъ, оберъ-лейтенантъ.

Брутцеръ, Густавъ, лейтенантъ.

Фонъ-деръ-Декенъ, Куртъ, лейтенантъ.

Баронъ Дершау, лейтенантъ.

Баронъ фонъ-Фирксъ, лейтенантъ.
 Гетгенсъ, Артуръ, лейтенантъ.
 Баронъ Фрейтагъ, лейтенантъ.
 Баронъ Фрейтагъ, оберъ-лейтенантъ.
 Баронъ фонъ-Вигандъ, лейтенантъ.
 Фонъ-Голандеръ, лейтенантъ.
 Баронъ Гойнингенъ-Гюне, лейтенантъ.
 Фонъ-Крузенштернъ, оберъ-лейтенантъ.
 Графъ Ламсдорфъ, флигель-адъютантъ.
 Баронъ Мершайдъ, личный адъютантъ принца
 Фридриха-Вильгельма.

Пантенніусъ, лейтенантъ.

Фонъ-Петтерсонъ, лейтенантъ.

Шитманнъ, лейтенантъ.

Серафимъ, Викторъ, лейтенантъ.

Графъ Стенбокъ, лейтенантъ.

Баронъ Тизенгаузенъ, лейтенантъ.

Фонъ-Тилинъ, оберъ-лейтенантъ.

Баронъ Врангель, Ф., лейтенантъ.

И кромѣ этихъ многочисленныхъ лейтенантовъ еще множество женъ германскихъ офицеровъ, вродѣ госпожъ: Батчъ, Боденштейнъ, Бонинъ, Бинненштамъ, Бюссе, Брутцеръ, Девицъ Габеленцъ, Грегоди, Горнъ, Кнобельсдорфъ, Крузенштернъ, Ламсдорфъ, Матиссенъ, Мюльбаумъ, Засъ, Шиманкъ, Тизенгаузенъ, Пексюль фонъ-Гильдебрандъ, Врангель, баронессы Вольфъ, нынѣ графини Цеппелинъ...

Какіе комментаріи нужны къ приведенному списку? Въместо всякихъ разсужденій общаго ха-

рактера, вмѣсто подавленныхъ вздоховъ, удивленныхъ глазъ, пожатій плечами и восклицаній—присоедините просто приведенныя фамилии къ фактамъ, о которыхъ я говорилъ въ самомъ началѣ. И передъ вами встанетъ великолѣпная картина, равной которой нельзя подыскать даже въ рижскомъ нѣмецкомъ художественномъ музее!..

XIII.

Что такое лояльность.

Предыдущую главу я закончилъ спискомъ германскихъ офицеровъ, которые происходятъ изъ прибалтійскихъ дворянъ и естественно поддерживаютъ или во всякомъ случаѣ поддерживали до сихъ поръ близкую связь съ Прибалтійскимъ краемъ. Теперь я хотѣлъ бы поднять слѣдующій довольно своевременный вопросъ: какъ должно отнестись русское правительство къ тѣмъ прибалтійскимъ имѣнιάмъ, въ которыхъ указанные офицеры германской арміи являются или наследниками, или владѣльцами, или совладѣльцами? Въ Германіи подобный вопросъ, конечно, не могъ бы возникнуть; тамъ задолго до всякихъ газетныхъ статей правительство просто и ясно рѣшило бы дѣло о конфискаціи имѣній. А еслибы какой-нибудь наивный публицистъ захотѣлъ написать въ «Berliner Tageblatt» статью о томъ,

что недвижимость, находящаяся въ Германіи и принадлежащая русскому офицеру, должна быть конфискована по такимъ-то и такимъ принципиальнымъ соображеніямъ,—то, я увѣренъ, редакторъ пощупалъ бы у подобнаго публициста пульсъ, а публика, въ случаѣ, еслибы статья появилась, хохотала бы до слезъ и восклицала: «Принципіальныя соображенія! Шутникъ!»

У насъ дѣло обстоитъ иначе. Намъ нужно доказывать, что лошади ѣдятъ овесъ и сѣно, а германскіе офицеры не должны получать доходовъ отъ Россіи. Возьмите, на примѣръ, такіе случаи, когда прибалтійская дворянка состоитъ въ бракѣ съ представителемъ германской арміи. Можетъ она пользоваться своими правами въ Россіи въ настоящее время, или не можетъ? Германцы рѣшили бы вопросъ очень просто... А какъ рѣшатъ этотъ вопросъ у насъ?

Всѣмъ извѣстно, на примѣръ, что Цеппелинъ построилъ первый воздушный корабль на средства своей жены, прибалтійской помѣщицы баронессы Вольфъ, которая для доставленія графу необходимыхъ денегъ заложила свое имѣніе Альтъ-Шваненбургъ. И сейчасъ неизвѣстно, какъ будетъ поступлено съ Альтъ-Шваненбургомъ: конфискують его, или же оставляютъ въ покоѣ, давъ возможность почтенной баронессѣ какъ-нибудь перезаложить имѣніе и на вырученныя деньги построить новый видъ германскихъ воздушныхъ дреднотовъ...

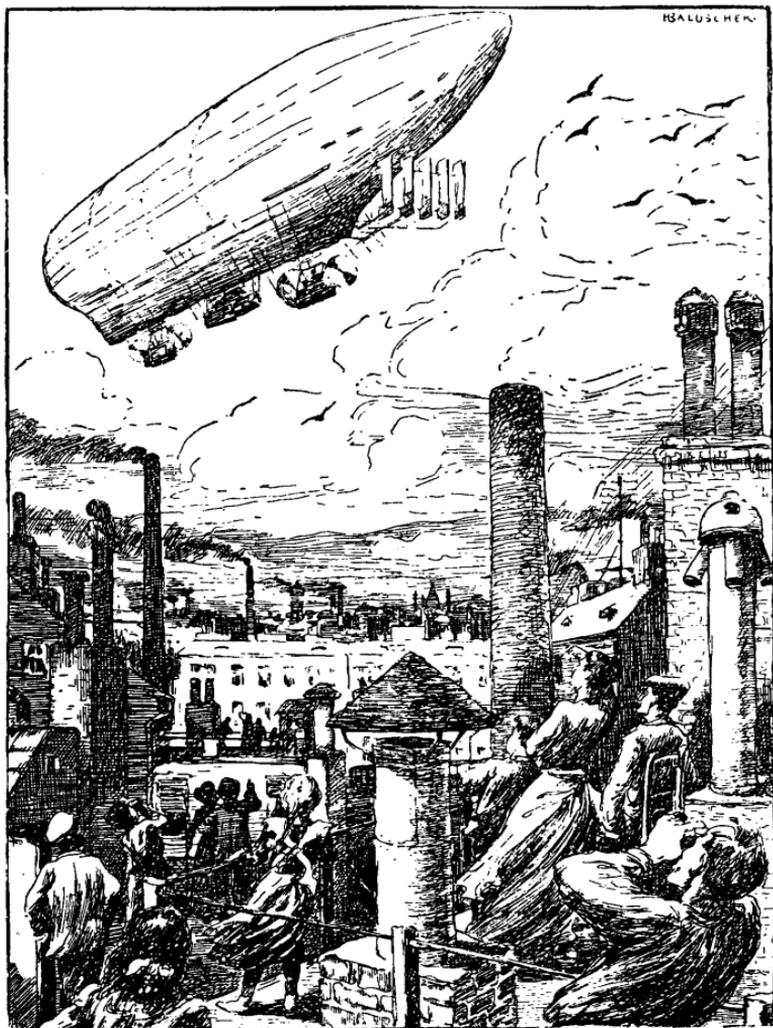
Это одинъ только примѣръ. Но нсвѣроятно, чтобы приведенные мною въ списокъ офицеры изъ богатыхъ фамилій Ламсдорфъ, Гойнингенъ-Гюне, Тизенгаузенъ, Вольфъ, Остенъ-Сакенъ, Фирксъ, Энгельгардтъ—не являлись хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ совладѣльцами общеродовыхъ прибалтійскихъ помѣстій. Этотъ вопросъ должна была бы выяснитъ ревизія. Выяснитъ вмѣстѣ съ вопросомъ о германскихъ подданныхъ управляющихъ и лѣсничихъ, а также съ вопросомъ о гостяхъ, прѣзжавшихъ изъ Пруссіи съ визитными карточками, на которыхъ откровенно стояло:

«Гетгенсъ Артуръ. Лейтенантъ * стрѣлковаго полка... Серафимъ Викторъ. Лейтенантъ 43 пѣхотнаго полка»...

Какъ вы видѣли изъ предыдущаго изложенія, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ лояльности большинства прибалтійскихъ помѣщиковъ. Но сомнѣнія насчетъ лояльности меньшинства существуютъ. Какъ, на примѣръ, объяснить тѣ нерѣдкіе случаи, когда какой-нибудь изъ родителей-нѣмцевъ, самъ состоящій въ русскомъ подданствѣ, вдругъ переводитъ ни съ того, ни съ сего своего сына въ германское подданство?

Вотъ баронъ фонъ-деръ Б*, живущій въ Альтраденѣ... Сынъ барона переведенъ въ германское подданство, а отецъ, у котораго въ Россіи не мало дѣлъ, требующихъ полныхъ правъ русскаго подданства, остался вѣрнымъ своему до-

Из календаря Deutscher Verein'a за 1914 годъ.

Дорогой гость.

рогому отечеству. Въ Феллинѣ находится баронъ Э*. Сынъ его передъ самой войной былъ переведенъ въ германское подданство. И теперь баронъ не знаетъ, что дѣлать... Въ Ригѣ есть третій дворянинъ С*, имѣющій большое отношеніе къ нѣмецкой печати. Онъ русскій подданный, но одинъ сынъ его германскій...

До чего доходитъ эта «лояльная» мода на переводъ дѣтей въ германское подданство, указываетъ любопытный случай съ бывшимъ уѣзднымъ врачомъ Валкскаго уѣзда докторомъ У*. Слѣдуя хорошему тону мѣстной аристократіи, докторъ перевелъ сына въ германское подданство, хотя самъ не только русскій подданный, но получаетъ отъ русскаго правительства недурную пенсію за вѣрность. Когда началась война, и сына доктора власти должны были арестовать на общихъ началахъ, остроумный докторъ обратился къ лифляндскому губернатору съ просьбой не арестовывать сына. И главнымъ аргументомъ выставилъ то обстоятельство, что «сынъ до принятія германскаго подданства отбывалъ воинскую повинность въ Россіи, а потому можетъ считаться совсѣмъ лояльнымъ!»

Послѣдній случай не анекдотъ, а фактъ, за достовѣрность котораго ручается мнѣ одно заслуживающее довѣрія лицо. Какъ вы видите, съ «германскимъ подданствомъ» итти дальше некуда. Это уже не результаты германскаго закона о двойномъ подданствѣ. Это нѣсколько крупныхъ

откровенныхъ шаговъ впередъ. Двѣсти лѣтъ прибалтійскіе нѣмцы находятся подъ властью Россіи; и до сихъ поръ для нѣкоторыхъ изъ нихъ «unser Kaiser»—императоръ Германіи, а прибалтійскія губерніи — «Остзейская провинція», провинція будущей славной великой Германіи—Alldeutschland'a!

Да вдумайтесь только въ самое выраженіе: «Остзейскій край». Въдъ Ostsee—«Восточное море», восточное не для Россіи, у которой оно находится на западѣ, а именно для родной, любимой матери Германіи. Небось, у эстонцевъ, у которыхъ на западѣ нѣтъ Mutterland'a, Балтійское море называется «Западнымъ»... Почему же не такъ у нѣмцевъ? Не достаточно ли знаменательно это упрямое желаніе нѣмцевъ именовать себя остзейцами?

Не обобщая фактовъ на все прибалтійское дворянство, среди котораго, несомнѣнно, есть не мало вѣрныхъ сыновъ русскаго государства, нужно сознаться, что много грустнаго слышишь о равнодушіи нѣкоторыхъ изъ помѣщиковъ къ интересамъ русскаго оружія... Это печальное явленіе наблюдается и среди бюргеровъ, и среди дворянъ. Въ Ригѣ, какъ я говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, въ день флажковъ немало встрѣчалось лицъ, не желавшихъ украшать себя русскимъ флагомъ и требовавшихъ у продавщицъ флаги германскіе. На рижской эспланадѣ дѣло иногда доходило до драки. А арендаторъ погреба

подъ одной изъ первоклассныхъ гостиницъ даже вывелъ продавщицу флаговъ за дверь, безъ стѣсненія взявъ ее за плечо, какъ это привыкъ дѣлать съ попрошайками.

Предводитель дворянства одного изъ восточныхъ уѣздовъ Курляндіи говорилъ въ началѣ войны на почтѣ въ присутствіи свидѣтелей, что «нѣмцы придутъ сюда въ три дня» и что «русскіе, навѣрно, будутъ разбиты 8 августа, такъ какъ суетѣрны и испугаются затменія солнца».

Въ началѣ августа мѣсяца, по сообщенію кн. Мансырева, на станціи Ремерсгофъ, рижскаго уѣзда, младшій помощникъ начальника Фридрихштадскаго уѣзда баронъ Фиттингофъ-Шель, въ присутствіи многочисленной публики громко разговаривалъ со знакомыми по-нѣмецки, восхваляя доблести германской арміи; многіе изъ присутствовавшихъ возмущались, а учитель Маршангъ позволилъ себѣ громко замѣтить полицейскому-барону, что въ такое время онъ могъ бы воздержаться отъ подобныхъ разговоровъ. Въ результатѣ Маршангъ лифляндскимъ губернаторомъ былъ подвергнутъ аресту на 3 мѣсяца «за оскорбленіе полицейскаго чина при исполненіи служебныхъ обязанностей», хотя этотъ чинъ находился не въ районѣ своего участка и даже внѣ предѣловъ губерніи, въ которой онъ служитъ.

Въ лифляндской контрольной палатѣ, какъ сообщаетъ одна рижская газета, помощникъ ре-

визора дворянинъ фонъ-Франкъ заявилъ старшему ревизору, что нѣмецкими войсками «русскіе разбойники будутъ прогнаны въ Сибирь». А въ либавской публичной библіотекѣ какой-то наглець рѣшилъ поносить въ присутствіи публики Высочайшій манифестъ о войнѣ, за что былъ арестованъ только на три недѣли, хотя въ Курляндіи нѣмецкія власти очень строги и покарали передъ этимъ редактора русской газеты гораздо сильнѣе только за то, что въ газетѣ упоминалось про равнодушіе нѣмцевъ къ патріотическимъ манифестаціямъ.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всего сказаннаго? Неужели тотъ, который дѣлаетъ въ своей книгѣ «Die baltische Frage» баронъ Врангель, а именно, что «вѣрность и преданность отечеству есть основная черта германской націи»? И бы воздержался пока отъ этого вывода. Да и кто изъ русскихъ не воздержался бы?

XIV.

Интересное географическое положеніе помѣщиковъ. — Колонизація Курляндіи. — Кому разрѣшается храненіе оружія. — Завѣтъ Бисмарка.

Поговоривъ о лояльности и любви къ Россіи многихъ южныхъ прибалтійскихъ помѣщиковъ, я хочу теперь указать на одно незначительное обстоятельство: на распредѣленіе помѣщичьихъ земель Курляндіи.

Я не дѣлаю никакихъ выводовъ. Боже меня сохрани. Но все-таки фактъ остается фактомъ: имѣнія курляндскихъ дворянъ расположены главнымъ образомъ въ пограничныхъ уѣздахъ. У меня въ рукахъ работа губернскаго статистика Лудмера: «Экономическій очеркъ Курл. губерніи 1897 г.». Работа эта—одна изъ рѣдкихъ во всемъ краѣ, такъ какъ прибалтійскіе нѣмцы вообще почему-то не любятъ статистики и не хотятъ о себѣ давать никакихъ числовыхъ свѣдѣній. И въ книгѣ Лудмера я нахожу такую картину: если уѣздъ—приморскій, или ближе къ Германіи, то помѣщичьей земли въ немъ больше, чѣмъ латышской или казенной; если уѣздъ—внутренній, не пограничный, нѣмецкой земли въ процентномъ отношеніи сразу значительно меньше. Возьмемъ уѣздъ Баусскій, внутренний, откуда срав-

нительно трудно посылать своихъ дѣтей въ Германію, или неудобно принимать германскихъ гостей. Здѣсь, какъ и въ Митавскомъ уѣздѣ, цифры указываютъ на значительное преобладаніе крестьянъ. Въ Митавскомъ уѣздѣ въ 1897 году было:

- 48 % земель крестьянскихъ.
- 20 % земель помѣщичьихъ.
- 30 % земель казенныхъ.
- 2 % земель церковныхъ и пр.

Въ Баусскомъ уѣздѣ:

- 46 % земель крестьянскихъ.
- 31 % земель помѣщичьихъ.
- 22 % земель казенныхъ.
- 1 % земель церковныхъ и пр.

Между тѣмъ совсѣмъ иное представляется нашимъ глазамъ въ приморскихъ уѣздахъ: Тальсенскомъ, Виндавскомъ, Газенпотскомъ и Туккумскомъ. Цифры здѣсь таковы:

Тальсенскій уѣздъ:

- 31 % земель крестьянскихъ.
- 56 % земель помѣщичьихъ.
- 12 % земель казенныхъ.
- 1 % прочихъ.

Туккумскій уѣздъ:

- 42 % земель крестьянскихъ.
- 45 % земель помѣщичьихъ.
- 11 % земель казенныхъ.
- 1 % земель прочихъ.

Виндавскій уѣздъ:

- 22 % земель крестьянскихъ.
 66 % земель помѣщичьихъ.
 11 % земель казенныхъ.
 1 % земель прочихъ.

Газенпотскій уѣздъ:

- 34 % земель крестьянскихъ.
 59 % земель помѣщичьихъ.
 9 % земель казенныхъ.
 1 % земель прочихъ.

Вглядитесь въ эту великолѣпную картину, помня все то, что было мною приведено въ предыдущихъ главахъ.

Въ чьихъ рукахъ нашъ пограничный районъ Балтійскаго моря? Въ рукахъ нѣмецкихъ дворянъ, живущихъ замкнутой жизнью, не допускающихъ никого изъ русскихъ не только въ свои уединенные замки, но даже вообще въ предѣлы латифундій... Въ Виндавскомъ уѣздѣ, на самомъ сѣверѣ Курляндіи, гдѣ море омываетъ берега русскихъ владѣній съ двухъ сторонъ, расположено цѣлое герцогство Остенъ-Сакеновъ, въ шестьдесятъ тысячъ десятинъ, тѣхъ самыхъ Остенъ-Сакеновъ, тридцать четыре однофамильца которыхъ, какъ я указывалъ раньше, живутъ въ Германіи, а одинъ даже оказался недавно у насъ дезертиромъ!..

Впрочемъ, не только для подобныхъ соображеній привелъ я статистическія свѣдѣнія о рас-

предѣленіи помѣщичьихъ земель на границѣ съ Германіей. Безусловно, существованіе баснословнаго земельного превосходства нѣмцевъ въ пограничномъ районѣ безъ всякаго контроля правительства очень и очень нежелательно тѣмъ русскимъ, которые, не въ примѣръ курляндскому губернатору, вышли изъ возраста наивныхъ глазъ и дѣтски-беззаботнаго образа мышленія. Но въ связи съ землями курляндскихъ помѣщиковъ стоитъ другой еще болѣе грозный вопросъ,—вопросъ о нѣмецкой колонизаціи Прибалтійскаго края. Конечно, такіе авторитеты, какъ Милюковъ, не признаютъ даже существованія подобной колонизаціи. Насколько помнится, между этимъ профессоромъ международной безтактности и прибалтійскимъ депутатомъ Мансыревымъ, въ кадетской партіи вышла даже крупная размолвка, такъ какъ Мансыревъ, не спроси разрѣшенія хозяина партіи, прочелъ о прибалтійской нѣмецкой колонизаціи цѣлый докладъ... Но несмотря на запрещеніе лидера кадетовъ, вопросъ о быстрой колонизаціи края считается въ настоящее время безспорнымъ. И дѣло только въ томъ, какихъ послѣдствій можно ожидать для Россіи отъ подобнаго усиленія нѣмецкаго элемента въ пограничномъ районѣ.

Въ «Вѣстникѣ Либавы» отъ 1908 года въ № 35 мы находимъ напечатанной копію со слѣдующаго знаменательнаго документа, открывающаго новую эру въ интересующемъ насъ вопросѣ: «8 сен-

тября 1907 года.—говорится въ документѣ,—баронъ К. К. Мантейфель (Кацдангенъ), баронъ Ф. Фирксъ (Рудбаренъ) и Ф. Г. Кауль (Нигранденъ) основали «общество для скупки земли» со слѣдующимъ уставомъ:

Между гг. Гуго Леонардовичемъ Каулемъ, барономъ Карломъ Мантейфелемъ и барономъ Фридрихомъ Фридриховичемъ Фирксомъ заключенъ договоръ.

1) Цѣлью договора является: скупать недвижимое имущество для перепродажи и т. д...

3) Основатели «общества» внесли слѣдующія суммы: г. Кауль—1,000 руб., баронъ Мантейфель—2,500 руб. и баронъ Фирксъ—1,000 руб.

4) Взносъ въ оборотный капиталъ «общества» составляетъ пока для каждаго члена 100 руб., но лишь 500 руб. даютъ право голоса.

Приведенная выписка изъ договора поражаетъ скромностью средствъ... 4,500 руб. основного капитала для скупки земли! Какъ мелко должно быть задачи инициаторовъ! Купятъ они, навѣрное, 20 десятинъ земли на эти четыре тысячи пятьсотъ рублей и посадятъ тамъ картофель или свеклу для кормленія коровъ...

Такъ думалъ, очевидно, официальный представитель нашей власти, г. Князевъ, когда разрѣшалъ «обществу» его безобидный уставъ. Но вскорѣ послѣ учрежденія «общества» постороннія лица изъ русскихъ и латышей стали наблюдать явленія одно страннѣе другого.

Баронъ Шредерсъ... Очень скромный по средствамъ баронъ, не имѣвшій ни особенныхъ денегъ, ни американскаго дядюшки, ни тетки, успѣшно играющей въ рулетку въ Монте-Карло... И вдругъ этотъ самый баронъ Шредерсъ покупаетъ имѣніе, стоимостью въ 310.000 тысячъ рублей, и бодро даетъ задатокъ настоящими пр... русскими деньгами!

Вотъ другой, не менѣе счастливый человѣкъ, которому ворожить не то бабушка, не то Deutscher Bank: полицейскій чиновникъ въ Курляндской губерніи г. Сильвіо Бредерихъ. Г. Сильвіо до 1907 г., какъ разъ до учрежденія «общества для скупки земли», былъ извѣстенъ только какъ помощникъ гольдингенскаго уѣзднаго начальника съ жалованьемъ въ 180 руб. въ мѣс. и 15 руб. квартирныхъ. И вдругъ этотъ скромный чиновникъ безъ казеннаго отопленія и освѣщенія, вдругъ этотъ Сильвіо покупаетъ имѣнія:

Гроссъ-Зантенъ. Клейнъ-Зантенъ.

Оба—въ Тальсенскомъ уѣздѣ. Дѣлитъ имѣнія на 44 части и отдаетъ ихъ какимъ-то, неизвѣстно откуда появившимся, нѣмцамъ, очевидно сразу родившимся взрослыми у какого-нибудь сосѣдняго оригинала-барона. И будучи всегда добрымъ человѣкомъ, какъ большинство уѣздныхъ начальниковъ-нѣмцевъ, Сильвіо Бредерихъ рѣшается на крупный актъ самоотреченія. Въ то время, какъ окружающіе крестьяне-сосѣди даютъ за десятину 250, а то и 300 руб., онъ продаетъ свои

44 хозяйства въ расцѣнкѣ по 60 и 72 рубля за десятину.

Но, о, удивленіе! Послѣ этого самоотреченія Сильвіо не только не умираетъ съ голоду и не подпоясывается бечевою, но, наоборотъ, становится веселѣе, округляется, приобретаетъ румянецъ и одѣвается настоящимъ фрейгерромъ. Очевидно, добрый геній, который въ послѣднее время сопровождаетъ императора Вильгельма, появился Бредериху какъ-нибудь ночью въ 1907 г. и сказалъ, протягивая ему слитокъ золота:

— Сильвіо! Ты роздалъ земли Гроссъ-Зантена и Клейнъ-Зантена за безцѣнокъ нѣмецкимъ колонистамъ. Твой поступокъ, Сильвіо, оцѣненъ небомъ. Вотъ тебѣ награда за безкорыстіе. На эти деньги купи имѣніе Оксельнъ въ Гольдингенскомъ уѣздѣ и живи тамъ беззаботно и радостно.

Растроганный Сильвіо, какъ говорятъ, принялъ даръ отъ ангела-хранителя Вильгельма II, но поступилъ опять по-своему. вмѣсто того, чтобы отдаться радостямъ жизни въ имѣніи Оксельнъ, онъ разбиваетъ имѣніе на участки и продаетъ за безцѣнокъ новымъ колонистамъ, давъ фермамъ ихъ такія названія: Шиллерсгофъ, Баровслигофъ, Велькенсгофъ, Лемкегофъ, Гинцгофъ, Пдлергофъ, Екгаусгофъ, Зигельгофъ, Крюгерсгофъ, Клапштейнгофъ и много, много другихъ...

Раздѣливъ Оксельнъ, Бредерихъ ждетъ, какъ будетъ реагировать на его поступокъ благо-

склонное небо. И не ошибается въ расчетахъ. Съ запада опять летитъ ангелъ съ новымъ слиткомъ золота, завернутымъ въ бланкъ Deutscher Bank'a со слиткомъ значительно крупнѣе прежняго. И въ результатъ Бредерихъ опять приобрѣтаетъ и дѣлитъ имѣнія: Озельсгофъ, Фельдгофъ, Курмаленъ, Декстенъ, Лимбуженъ, Недренъ... И ни въ одномъ изъ этихъ имѣній онъ не живетъ самъ, предоставляя всѣ земли нѣмецкимъ колонистамъ.

Вмѣстѣ съ Бредерихомъ на колонизаторскомъ поприщѣ работали, впрочемъ, и другіе подвижники. За безцѣнокъ продавали колонистамъ земли и баронъ Мантейфель, и Фирксъ, и прочіе члены «общества для скупки земель». И хотя на каждой десятинѣ «общество» теряло по крайней мѣрѣ 150 рублей, тѣмъ не менѣе продажа шла не уменьшаясь до 1912 года, а дѣла общества не только не ухудшались, а, наоборотъ, процвѣтали... Въ Ригѣ была открыта контора по привлеченію въ край колонистовъ. Появились сберегательныя кассы для нихъ же. Deutscher Verein въ честь колонистовъ началъ открывать новыя школы, въ которыхъ процвѣталъ настоящій непровѣтренный «Deutscher Geist». И изъ Германіи, съ Волыни, съ Волги потянулись сюда чудесные, полныя силъ и энергіи племенные нѣмцы, для которыхъ былъ приуготованъ земной рай въ Курляндіи и южной Лифляндіи.

Ихъ перебралось сюда до послѣдняго времени около 10 тысячъ, какъ я слышалъ отъ одного

заслуживающаго полного довѣрія офіціального лица. Латыши увѣряютъ, что колонистовъ въ ихъ краѣ даже около 18 тысячъ. Они считаютъ не только тѣхъ колонистовъ, которые получили надѣлы земли, но и тѣхъ безземельныхъ нѣмцевъ, которые послѣ 1906 года были выписаны помѣщиками для охраны отъ кровожадныхъ латышей. Колонисты появляются послѣ раздутой баронами латышской «революціи» цѣлыми сотнями въ каждое изъ имѣній, устраиваются здѣсь домашней прислугой, батраками, лѣсниками и даже управляющими. Они обзаводятся семьями и оставляютъ далеко сзади западную «Zweikindersystem», доводя численность семьи нерѣдко до 10 человекъ... Обиліе нѣмцевъ-колонистовъ наблюдается въ краѣ повсюду; но особенно густо заселяются ими уѣзды Гольдингенскій, Газенпотскій и Гробинскій. Слѣдующія имѣнія обращаются прямо въ германскіе микрокосмы: Бронценъ, Гроссъ-Эзернъ, Ней-Зауленъ, Дубенъ, Сесиленъ, Брузиленъ, Стрикенъ, Канседенъ, Медзентъ, Альтенбургъ, Ланенъ, Лигутенъ, Виргенъ, Кротенъ, Виргиналенъ, Стакельдангенъ, Пербаненъ, Анрикенъ, Кацдангенъ, Дзервенъ, Нигранденъ, Бакузенъ, Меженекенъ, Рудбаренъ, Аситенъ, Гроссъ - Дзельденъ, Гроссъ - Вормсатъ, Дрогенъ, Гроссъ-Даменъ, Паддернъ, Вайноденъ, Нодагенъ, Нормсатенъ и т. д.

Вотъ какое крупное дѣло, въ концѣ концовъ, вышло изъ Мантейфелевскаго «общества для

скупки земель» съ капиталомъ въ 4,500 рублей! 10 тысячъ колонистовъ, каждый съ семьєю по крайней мѣрѣ въ пять человекъ... Это народъ съ горизонтомъ въ будущее, это люди, которые будутъ во всѣхъ поколѣнiяхъ твердо стоять на своей священной *Wacht im Ost!*

Что администрація Курляндiи и Лифляндiи очень просто относится къ внутренней колонизаціи края, въ этомъ никто не сомнѣвается. Колонисты даже пользуются особенной симпатiей уѣздныхъ начальниковъ-нѣмцевъ. Имъ, по распоряженію губернской власти, охотно выдаются разрѣшенія на винтовки, маузеры, револьверы. Стоитъ только какому-нибудь барону захотѣть — и, безъ запроса о благонадежности, имѣнію, кишашему колонистами, выдается сразу свидѣтельство на двадцать ружей, на тридцать револьверовъ. Это не то, что латыши или русскіе. Попробуйте, напримѣръ, будучи русскимъ рижаниномъ, получить разрѣшеніе на браунингъ! Къ вамъ будутъ сначала ходить сыщики, затѣмъ околоточные, послѣ заглянетъ приставъ, потомъ будутъ наводить справки о томъ, не принадлежали ли вы когда-нибудь къ партіи кадетовъ... И, наконецъ, въ канцелярiи вамъ заявятъ мѣсяца черезъ три:

— Herr Gubernator erlaubt nicht.

А помѣщикъ, у котораго управляющіе германскіе подданные, лѣсники тоже, а батраки и сосѣди — нѣмцы-колонисты съ «отечествомъ Рос-

сией и матерью Германіей» — помѣщикъ встрѣчаетъ у губернской власти самое дружеское расположеніе и имѣетъ возможность снабдить кого угодно изъ нѣмцевъ оружіемъ, чтобы сдѣлать ихъ готовыми на случай всякой... неожиданности. Латыши увѣряютъ меня, что колонисты главнымъ образомъ учатся при помощи разрѣшенныхъ губернаторами винтовокъ стрѣлять въ дикихъ утокъ. Для этой цѣли они образуютъ группы человекъ въ тридцать, пятьдесятъ и стройными рядами идутъ на охоту. Когда утка близко, охотничій оберъ-лейтенантъ командуетъ по-нѣмецки:

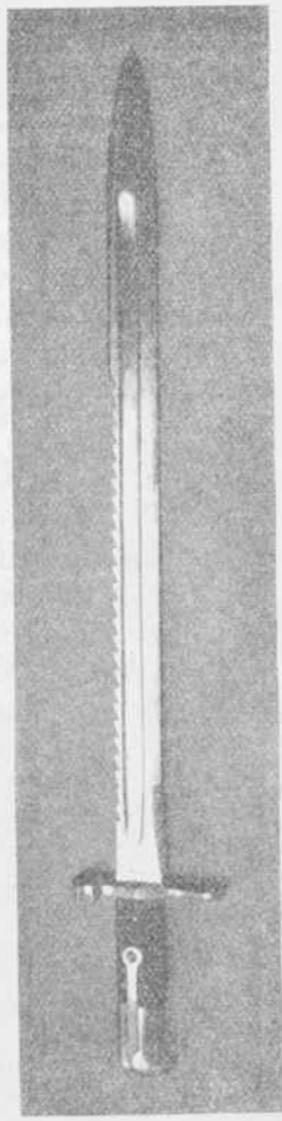
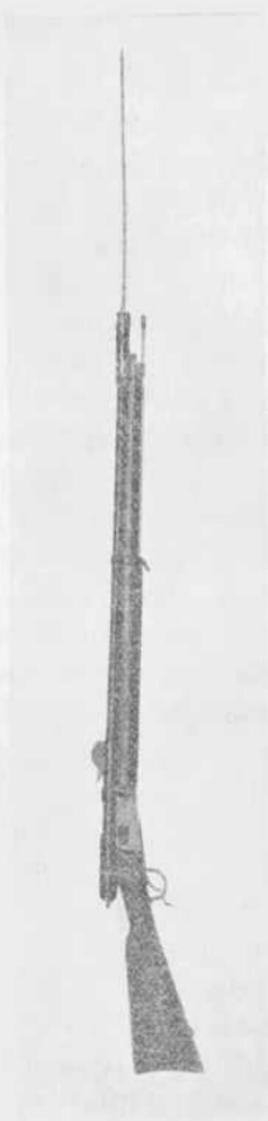
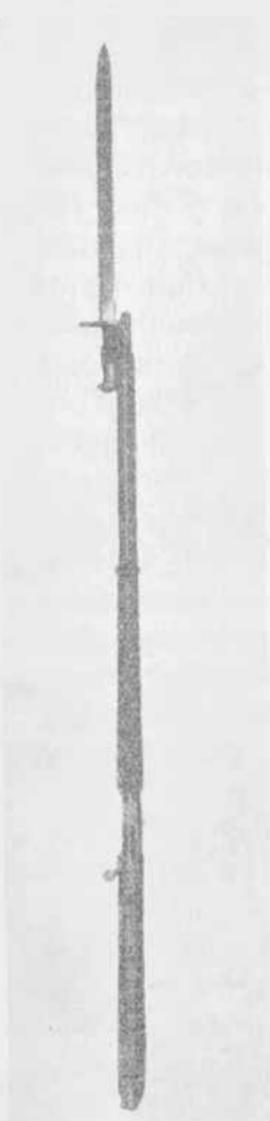
— Готовьсь!

И когда ружья взяты на прицѣлъ, ряды вдвоены и строй выравненъ, а утка, видя, что ей пора подниматься, улетаетъ, — оберъ-лейтенантъ отдаетъ нѣмецкую команду:

— Пли!

Конечно, если семьи у колонистовъ многочисленны, и сыновья ихъ становятся бодрыми, полными силъ юношами, то ружей нужно для утокъ все больше и больше. И ружья находятся.

Въ связи съ колонизаціей края можно упомянуть и о параллельномъ явленіи—объ открытіи приспособленныхъ для нѣмцевъ лѣсныхъ и общихъ школъ, въ которыхъ дѣти колонистовъ находятъ духовную пищу согласно рецепту бароновъ. Такъ, въ Оксельнѣ устроена школа, которой завѣдуетъ г-жа Леокадія Бредерихъ. Не-

Ружья со штыкомъ германскаго образца, розданныя въ 1905 г. многочисленнымъ членамъ рижской нѣмецкой милици «Selbstschutz». Арсеналь находился въ подвалѣ рижскаго дворянскаго собранія — Ritterhaus. Интересно знать — гдѣ теперь находится все это оружіе?

далеко отъ Митавы у одного барона есть спеціальная лѣсная школа, гдѣ дѣти колонистовъ учатся слѣдить съ вышекъ за пожарами, сообщать по телефону объ искрахъ, показывающихся на лѣсномъ горизонтѣ, и устраивать просѣки, рвы, канавы и все, что полагается знать хорошему германскому лѣснику... А въ самой Митавѣ открыта даже нѣмецкая учительская семинарія, предназначенная, конечно, не для латышей, которые туда не пойдутъ, и тѣмъ болѣе не для русскихъ...

Вы видите, какъ стройно и планомѣрно идетъ на Востокъ великій германскій Drang. Помѣщичьихъ земель до колонизаціи 1907 и послѣдующихъ годовъ на границѣ съ Германіей было гораздо больше половины... Что дѣлалось въ замкахъ этихъ имѣній—неизвѣстно. Теперь къ латифундіямъ присоединяется новый нѣмецкій элементъ съ разрѣшеннымъ оружіемъ и мѣткимъ попаданіемъ въ утокъ... Латыши, которые изъ одной только неприязни къ нѣмцамъ, могли бы служить намъ великолѣпнымъ оплотомъ противъ германизма, переселяются въ Америку—въ Канаду, въ Соединенные Штаты, въ Аргентину, и даже въ Африку—въ Капштадтъ. Черезъ Либаву, какъ я уже говорилъ, выселяются ежегодно въ чужіе далекіе края десятки тысячъ любящихъ Россію людей, а взамѣнъ нихъ появляются новые нѣмцы, которые всегда относились къ Россіи съ презрѣніемъ, любить ея не могутъ и въ лучшемъ случаѣ, по словамъ Врангеля, относятся къ ней

хорошо «на основаніи разума». Вотъ что допустили администраторы края своими невинными душами, своей любовью или къ охотѣ, или къ собиранію рѣдкихъ монетъ. До послѣдняго времени нѣмцевъ было здѣсь, у Балтійскаго моря не болѣе 6%. И они не увеличивались численно, а наоборотъ, вымирали. Когда въ давнее время представители Прибалтійскаго края просили Бисмарка присоединить ихъ родину къ Пруссіи, Бисмаркъ разумно отвѣтилъ:

— *Zeuget Kinder...* Производите дѣтей!

Но помѣщики сами не въ силахъ удовлетворительно рѣшить эту задачу. И поэтому колонисты явились сюда какъ нельзя болѣе кстати.

XV.

Нѣмцы и латыши.

Переселяя къ себѣ колонистовъ изъ Германіи съ Волыни и съ Волги, прибалтійскіе нѣмцы въ то же время зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ихъ земли ни въ коемъ случаѣ не переходили въ чужія, не нѣмецкія руки. Для того, чтобы удержать за собою земельную собственность и не допустить русскихъ и латышей къ скупкѣ нмѣцкій разорившихся бароновъ, они прибѣгаютъ ко всякимъ мѣрамъ, начиная со строгаго толкованія законовъ и кончая самыми опереточными способами воздѣйствія... Тѣ нѣмцы, которые про-

даютъ латышамъ или русскимъ свои земли, подвергаются бойкоту. Самый бѣдный нѣмецкій помѣщикъ, у котораго все заложено-перезаложено, а въ амбарахъ разгуливаютъ крысы, ни за что не продастъ имѣнія латышу, хотя бы тотъ предлагалъ и гораздо болѣе выгодныя условія, чѣмъ свой братъ нѣмецъ. Для того, чтобы избѣгнуть соблазновъ и спасти малодушныхъ, національно малосознательныхъ сосѣдей отъ измѣны нѣмецкому дѣлу, дворяне учредили даже общество подъ названіемъ «Verein zur Erhaltung des deutschen Grossgrundbesitzes», въ которомъ откуда-то имѣютъ и деньги, и вспомогательные капиталы и все прочее, кромѣ одного: отчетности. Пошли ли сюда тѣ десять милліоновъ, которые дворяне получили за введеніе монополіи, или тѣ пять милліоновъ, которые они же выпросили за «революцію»,—но капиталы у общества есть, и запутавшіеся помѣщики всегда имѣютъ возможность черезъ «Verein» обернуться, а въ крайнемъ случаѣ и продать имѣніе въ братскія руки.

Впрочемъ «Verein» простираетъ свою дѣятельность дальше. Онъ не только ограждаетъ дворянскую собственность отъ сокращенія и перехода въ «чужія» руки, но иногда и самъ не прочь увеличить нѣмецкое землевладѣніе. Любопытенъ, на примѣръ, случай съ покупкой Verein'омъ имѣнія Кроппенгофъ въ Валкскомъ уѣздѣ. Это имѣніе принадлежало русской помѣщицѣ, женѣ латыша; присланный Verein'омъ подставной нѣ-

мецъ долго торговался съ помѣщицей относительно условій и, наконецъ, далъ контръ-условіе, по которому всякій нѣмецъ, продавшій помѣщицѣ въ будущемъ свое имѣніе, не будетъ подвергнутъ бойкоту со стороны компатріотовъ. Безъ этого контръ-условія ни русская помѣщица, ни тѣмъ болѣе ея мужъ-латышъ не могли бы пріобрѣсти во всемъ краѣ ни одного клочка земли изъ нѣмецкихъ рукъ. Такъ сильна солидарность помѣщиковъ, такъ могучъ «Verein zur Erhaltung des deutschen Grossgrundbesitzes»!

Конечно, латышамъ, среди которыхъ большинство—безземельныхъ батраковъ, приходится всѣми способами бороться съ организаціей Verein'a. Черезъ третьи, иногда черезъ четвертыя руки начинаютъ они подступать къ продающемуся нѣмецкому имѣнію. И если, наконецъ, найдется такой «предатель» нѣмецъ, который согласится взять на себя роль подставного покупателя, то онъ щедро бываетъ вознагражденъ: пять, десять тысячъ—это обычная сумма гонорара за подобную національную измѣну. И она не очень велика сравнительно съ тѣмъ позоромъ, которому подвергается измѣнникъ. Нѣмцы не подаютъ ему руки. Старые знакомые отворачиваются. И вслѣдъ ему слышатся возгласы:

— Verflucht! Verräter!

Отношеніе къ русскимъ, желающимъ пріобрѣсти недвижимость въ краѣ, у прибалтійскихъ дворянъ не лучше. Мнѣ передавали, что одинъ

русскій князь К* не такъ давно хотѣлъ купить имѣніе лифляндскаго барона, о чемъ даже столковался съ самимъ владѣльцемъ. Но когда уполномоченный князя отправился въ Ригу для совершенія купчей, баронъ заявилъ, что продать имѣніе русскому князю онъ не можетъ, такъ какъ не получилъ на это разрѣшенія лифляндскихъ бароновъ. Много, напримѣръ, неприятностей приходится имѣть съ нѣмцами и нашему Государственному крестьянскому банку. Нѣмцы видятъ въ этомъ банкѣ одного изъ своихъ главныхъ враговъ и стараются противодѣйствовать ему такъ же, какъ латышамъ или вообще частнымъ лицамъ не нѣмецкаго происхожденія. Крестьянскому банку нѣмцы земли не продаютъ подъ разными предлогами; если же случится, что банкъ все-таки купилъ какую-нибудь дворянскую вотчину, то со стороны официальныхъ лицъ нѣмецкаго происхожденія противъ банка начинается кампанія... Вотъ недалеко ходитъ за примѣромъ: курляндскій предводитель дворянства графъ Рейтернъ баронъ Нолькенъ... Какое ему, въ сущности, дѣло до того, что крестьянскій банкъ, купивъ дворянскую вотчину, раздробилъ ее на нѣсколько частей для поселенія тамъ русскихъ крестьянъ? А между тѣмъ, какъ мнѣ передавали изъ вполне достовѣрнаго источника, графъ Рейтернъ-Нолькенъ сталъ жаловаться на митавское отдѣленіе крестьянскаго банка въ министерство финансовъ, ссылаясь на прибалтійскія ува-

коненія, въ которыхъ будто бы сказано, что размѣры дворянскихъ вотчинъ не могутъ сокращаться меньше опредѣленнаго минимума въ 300 десятинъ. Это въ губерніи, гдѣ около тридцати вотчинъ давнымъ давно спустилось далеко за минимумъ, иногда доходя всего до 50 или 70 десятинъ! Да и почему графъ Рейтернъ-Нолькенъ сталъ вдругъ такимъ законникомъ, когда дѣло дошло до крестьянскаго банка? Почему онъ не протестовалъ всѣми фибрами своей души, когда въ Газенпотскомъ, Гробинскомъ и Тальсенскомъ уѣздахъ господами Мантейфелемъ, Бредерихомъ, Фирксомъ и Шредерсомъ раздроблялись десятки имѣній и раздавались безъ всякой справки въ сводѣ прибалтійскихъ узаконеній нѣмецкимъ колонистамъ?

Борьба, которую нѣмецкіе дворяне ведутъ съ русскими и латышами за свою гегемонію въ краѣ, объясняетъ очень много темныхъ явленій, для которыхъ русская власть въ Петроградѣ не находила ясныхъ методовъ истолкованія. Всѣмъ извѣстна пресловутая латышская революція 1905 года, послѣ которой тысячи латышей были сурово наказаны и уничтожены по указанію «лояльныхъ» бароновъ. Тогда русское общество мало было освѣдомлено о взаимоотношеніяхъ прибалтійскихъ крестьянъ и помѣщиковъ. Петроградскіе истолкователи революціи изъ нѣмецкихъ дворянъ, со свойственнымъ имъ умѣніемъ, ходили тогда по высшимъ бюрократическимъ инстанціямъ и рисовали тамъ ужасы и страхи за судьбу Рос-

си отъ вѣроломства латышей и эстонцевъ. И канцеляріи вѣрили, ослѣпленные золочеными гербами на дверцахъ каретъ, въ которыхъ подкачивали къ нимъ сіятельные нѣмцы...

Между тѣмъ теперь выясняется очень и очень многое, подчасъ сѣрое, подчасъ даже черезчуръ темное. Какъ оказывается, всѣ «тукумскія» республики, «латышскіе комитеты» или эстонскіе «революціонеры» были организованы кучкой мѣстныхъ социаль-демократовъ, этими странными загадочными людьми, не сѣявшими, не жавшими и несмотря на это въ изобиліи получавшими откуда-то деньги. Даже въ книгѣ «Die lettische Revolution», изданной въ Берлинѣ съ предисловіемъ «знаменитаго» профессора Шиманна, относительно средствъ, на которыя существовала латышская социаль-демократія, сказано: «въ этомъ отношеніи мы освѣдомлены очень мало, гораздо меньше, чѣмъ въ организаціи и числѣ активныхъ членовъ партіи». Авторъ книги, изданной несомнѣнно съ провокаторской цѣлью, замѣчаетъ далѣе: «сборы денегъ, какъ это бываетъ обыкновенно во всѣхъ бюджетахъ, распадаются у социаль-демократовъ на обычные и случайные. Къ обычнымъ принадлежатъ членскіе взносы, около 20 копеекъ въ мѣсяцъ съ каждаго члена, затѣмъ взносы изъ партійной прессы, партійной литературы и партійной книготорговли. Случайныя же полочки составляются изъ добровольныхъ пожертвованій (freiwillige Gaben) и поддержекъ,

которыя оказываютъ заграничныя товарищи, особенно германскіе, на революціонныя цѣли»...

Прочитавъ эти полныя наивной простоты строки, вы невольно остановитесь на послѣднихъ словахъ: «поддержки германскихъ товарищей на революціонныя цѣли»... Не они ли, эти германскіе «товарищи», составляли своими взносами центръ кассы латышской и эстонской социаль-демократіи? Вѣдь не изъ двадцатикопеечнаго членскаго взноса, въ самомъ дѣлѣ, составлялся бюджетъ социаль-демократовъ, издававшихъ и издающихъ въ краѣ цѣлыхъ четыре газеты, которыя кромѣ расходовъ ничѣмъ не проявляютъ себя съ финансовой стороны! Или, быть можетъ, партійная литература поддерживается? Или книготорговля? Неужели найдется чудакъ, который приметъ эту безнадежную статью расхода за настоящій доходъ?

Самъ профессоръ Шиманнъ, редакторъ книги «Lettische Revölution», расписывается, такимъ образомъ, въ допущеніи, что «случайныя получки» отъ добродетельныхъ пожертвованій и отъ германскихъ друзей — должны главнымъ образомъ питать прибалтійскую революціонную пропаганду. Мнѣ рассказываютъ сами латыши, какъ уныло влачатъ свое существованіе ихъ социаль-демократическіе органы въ Либавѣ, въ Виндавѣ и въ Ригѣ. Сотрудники ходятъ съ подтянутыми животами, если они только работаютъ «ради идеи». Гонорары не выдаются. Тиражъ газетъ доходитъ

только до пятисотъ, шестисотъ экземпляровъ, которые главнымъ образомъ идутъ не на чтеніе, а на всевозможныя домашнія надобности. Объявленія въ газетахъ встрѣчаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда сотрудникъ, помимо писанія статей, ищетъ какого-нибудь мѣста, прося не стѣсняться предложеніями. А между тѣмъ машины типографіи кѣмъ-то оплачиваются, бумага тоже, «издатель» ходитъ въ цѣлыхъ брюкахъ и даже съ золотой цѣпочкой на животъ... Не германскіе ли товарищи дарятъ ему эти цѣпочки? Не берлинская ли фирма готоваго платья красуется на внутренней сторонѣ воротника его новаго пиджака? Во всякомъ случаѣ издатели социаль-демократическихъ органовъ здѣсь вызываютъ искренній смѣхъ. Когда ихъ видятъ латыши, улыбка невольно раздвигаетъ ихъ широкія лица, и они не могутъ удержаться отъ того, чтобы не съязвить: — «Капиталистъ»!

По подсчетамъ латышей, социаль-демократы на содержаніе своихъ изданій должны тратить по крайней мѣрѣ 100 тысячъ въ годъ. Вы сами видите, что собирая по 20 копеекъ въ мѣсяцъ членскаго взноса для полученія 100 тысячъ рублей, нужно имѣть членовъ тоже около ста тысячъ! И потомъ, очевидно, деньги социалистовъ крѣпкія, вѣрныя. Иначе ихъ подпольную газету не печатала бы типографія нѣмецкой газеты «Rigische Zeitung», гдѣ случайно была обнаружена «товарищеская» организація...

Что прибалтійскіе соціалъ-демократы въ хорошихъ отношеніяхъ съ нѣмцами, это, я надѣюсь, послѣ предыдущихъ фактовъ, васъ не можетъ особенно удивить. Вотъ, у меня номеръ эстонскаго революціоннаго листка «Edu», присылавшагося изъ Германіи въ закрытыхъ пакетахъ тѣмъ эстонцамъ, которыхъ важно скомпрометтировать передъ русскимъ правительствомъ. Подъ заголовкомъ газетки можно прочесть: «Deutschland, Berlin, Friedrichstrasse, 16». Откровенно, просто, и въ то же время въ высшей степени понятно... А дружба нѣмцевъ и соціалистовъ иногда бываетъ въ высшей степени трогательной. Вспомните либавскую городскую думу, состоящую изъ нѣмцевъ и латышскихъ соціалъ-демократовъ. Вспомните митавскаго цензора фонъ-Блезе, который изъ расположенія къ нѣмцамъ не позволяетъ консервативнымъ латышскимъ газетамъ дѣлать выпады противъ соціалистовъ. Всѣ эти мелочи соединяются въ очень стройную и интересную систему. Нѣмцы культивируютъ въ краѣ соціалъ-демократію, идутъ съ нею въ блокъ на всякаго рода выборахъ, и когда наступаетъ какой-нибудь критическій моментъ, и соціалисты рѣшаютъ, наконецъ, «выступить», петроградскіе бароны идутъ въ министерства или въ салоны и шепчутъ:

— Латыши опять готовятъ республику! Эстонцы читаютъ газету «Edu»... Дайте разрѣшеніе колонистамъ на храненіе оружія!

Революція 1905 года при свѣтѣ подобныхъ взаимоотношеній нѣмцевъ и социаль-демократовъ получаетъ совсѣмъ новое и значительно иное истолкованіе, чѣмъ раньше. Я не буду вспоминать рассказовъ русскихъ, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать о 1905 годѣ... Многихъ невинныхъ крестьянъ, только потому, что они имѣли какія-нибудь дѣла съ помѣщиками по суду или по денежнымъ обязательствамъ, руководившіе розыскомъ дворяне вносили въ свои проскрипціонные списки... Многихъ спасъ отъ нелѣпныхъ обвиненій рижскій епископъ Агаѳангель. Многихъ спасали русскіе священники, встрѣчавшіеся съ вопіющими фактами ложныхъ доносовъ. Но теперь, когда наши глаза понемногу раскрываются при взглядѣ на западъ, многое неясное дѣлается яснымъ, многое тайное становится явнымъ. Въ началѣ войны, какъ извѣстно, два барона Менгденъ были арестованы за разбрасываніе прокламацій съ автомобиля. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ на деревьяхъ находили революціонные флаги въ то время, когда латыши, какъ одинъ человѣкъ, были охвачены общимъ чувствомъ патріотизма и желаніемъ итти сражаться съ Германіей... Не ясно ли отсюда кое-что? Не объясняется ли великолѣпно всѣмъ этимъ тотъ наивный вопросъ, который задалъ въ Ригѣ малолѣтній сынъ одного нѣмца латышу рабочему:

— Отчего же вы, господа, не бастуете? Папа давно ждетъ!

XVI.

**Латыши.—Патріотизмъ.—Отношеніе къ Рос-
сіи.—Ихъ культура.—Общіе пути.**

Послѣдняя глава о латышскомъ краѣ, конечно, должна быть посвящена латышамъ. Много пришло мнѣ понаблюдать ихъ самому, много удалось услышать объ нихъ и отъ русскихъ въ Ригѣ, Митавѣ, Либавѣ. И могу смѣло сказать, что съ латышами мы можемъ быть совершенно спокойными въ смыслѣ государственной безопасности. Если въ 1905 году среди нѣкоторой части латышскаго населенія, въ особенности среди молодежи, и наблюдались эксцессы, то гдѣ ихъ не было въ самомъ дѣлѣ? А если отбросить незначительную группу латышскихъ социаль-демократовъ, субсидируемыхъ Германіей и презираемыхъ всей массой народа, то что останется отъ той «опасности», которой боятся петроградскія правящія сферы? Мнѣ описывали русскіе рижане тотъ энтузіазмъ, съ которымъ откликнулись латыши на призывъ Русскаго Царя къ борьбѣ съ ненавистной Германіей. Съ пѣніемъ гимна, украшенные русскими національными флажками, возбужденные, радостные, они шли рядомъ съ русскими въ манифестаціяхъ, и потомъ, во время явки на призывные участки никто не видѣлъ среди нихъ печально-настроен-

ныхъ, никто не слышалъ отъ ихъ женъ и невѣстъ ни слова упрека судьбѣ... Въ Венденскомъ уѣздѣ, по разсказу очевидца, толпа латышей чуть не до смерти избила одного провокатора, который началъ было произносить рѣчь о необходимости использовать удобный случай въ революціонномъ движеніи. А въ самой Ригѣ, на одной изъ фабрикъ, рабочіе латыши сами потребовали отъ администраціи поимки провокаторовъ, разбросавшихъ на лѣстницѣ прокламаціи съ воззваніемъ уклоняться отъ призыва въ войска...

Въ Петроградѣ до послѣдняго времени среди многихъ общественныхъ круговъ царило мнѣніе, будто латыши склонны къ сепаратизму. Это мнѣніе искусно культивировавшееся въ столицѣ нѣмцами, сразу показало свою полную несостоятельность въ первые дни войны. Война явилась какъ бы тѣмъ алмазомъ, которымъ отличаютъ драгоценные камни отъ фальшивыхъ. Она сразу опредѣлила вѣрность и благородство однихъ, и фальшь и поддѣльную лояльность другихъ. Наряду съ благородствомъ родной намъ Польши, съ рыцарствомъ кавказскихъ народовъ, латыши, какъ и эстонцы, проявили искреннюю любовь къ тому Царю, отъ котораго они только и могутъ ждать счастливаго будущаго и радостнаго осуществленія своихъ историческихъ чаяній. Латышамъ некуда больше итти. Не въ германскомъ морѣ ихъ будущее историческое плаваніе: корабли

для германскихъ пристаней латыши сожгли не сами, ихъ сожгли давнымъ-давно нѣмцы, и теперь одна Россія можетъ спасти отъ исчезновенія въ океанѣ исторіи маленькій двухмилліонный народъ. Чтобы не быть голословнымъ, я напому хотя бы юбилейныя торжества 1910 года по случаю 200-лѣтія присоединенія Прибалтійскаго края къ Россіи. Какъ говоритъ авторъ книги «Латыши» г. Новоселовъ, «всѣ латышскія газеты самыхъ различныхъ направленій пришли къ заключенію, что лучшая пора для латышскаго народа настала лишь при господствѣ русскихъ въ краѣ». И распространенная газета «Дзимтесъ Вестнесисъ», и «Латвія» и «Я. Д. Лапа», и «Ригасъ Авизе»—всѣ приблизительно въ одномъ духѣ выражались, что «для латышей настали новыя времена, поставившія народъ въ лучшія условія жизни». А «Ригасъ Авизе» совершенно правильно замѣтила, что «о латышахъ въ эпоху нѣмецкаго владычества знали лишь, что они — рабочая сила», между тѣмъ, какъ теперь, «спустя 200 лѣтъ, мы видимъ латышскій народъ, стоящимъ наравнѣ съ нѣмецкимъ и самостоятельно празднующимъ юбилей присоединенія къ великой Россіи». Газета «Я. Д. Лапа» писала: «У латышей тѣ же стремленія, какъ и у русскихъ. Эти стремленія заключаются въ томъ, чтобы содѣйствовать процвѣтанію государства и давать народу возможность свободно развивать свою дѣятельность для достиженія общаго благополучія.

Поэтому-то уже издавна наблюдается культурное сближеніе латышей съ русскими, съ идеями русских мыслителей, съ русской литературой и искусствомъ». По свидѣтельству того же Ю. Новоселова, когда въ «Русскомъ обществѣ просвѣщенія Курляндской губерніи» возникла мысль «о взаимной поддержкѣ и совмѣстной работѣ русскихъ и латышскихъ просвѣтительныхъ учреждений», то латышская печать очень сочувственно встрѣтила это начинаніе... «Латышамъ рускіе ближе, чѣмъ нѣмцы», — писала газета «Латвія». «Мѣстное православное духовенство, — писала газета по поводу ухода изъ Риги преосвященнаго Агаангела, — стоитъ къ населенію ближе, чѣмъ нѣмецкіе лютеранскіе пасторы...»

Такъ было въ 1910 г. Что же касается нынѣшнихъ настроеній, то о нихъ, конечно, и говорить не приходится. Въ настоящее время, безъ сомнѣнія, латыши съ любовью относятся ко всему русскому. Въ Ригѣ мнѣ случайно пришлось побывать въ латышскомъ театрѣ. И на программѣ концерта я увидѣлъ на первомъ мѣстѣ Чайковскаго, Бородина и 1-ю симфонію Калинникова...

На что былъ хорошимъ германофиломъ бывшій курляндскій губернаторъ Князевъ, при которомъ такъ благополучно прошла нѣмецкая колонизація Курляндіи. И тотъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ писалъ, что «ядро латышскаго народа здорово», и что «среди латышей нѣтъ

недостатка въ политически зрѣлыхъ и далеко-видныхъ дѣятеляхъ». И можно съ увѣренностью сказать, что при введеніи земства въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, не того, конечно, суррогата земства, о которомъ хлопчуть бароны, а настоящаго, основаннаго на разумно-справедливыхъ началахъ, при введеніи земства, при уничтоженіи дворянскихъ привилегій, освобожденіи латышскаго крестьянства отъ ярма всякихъ дорожныхъ и прочихъ повинностей, — при коренныхъ реформахъ края, мы изъ латышей сдѣлаемъ разъ навсегда вѣрныхъ сыновъ Россіи, въ ихъ лицѣ построимъ прочную нерушимую стѣну между собою и Пруссіей.

Недаромъ у латышей есть старыя пѣсни, въ которыхъ Россія представляется полной противоположностью ненавистой Германіи. «Русскому», говорится въ одной изъ такихъ пѣсенъ, «я даю свою сестрицу, а самъ себѣ беру литвинку. Хожу къ русскимъ, хожу къ литовцамъ, — вездѣ мнѣ зятя, родня». «Крестами скована Русская земля», поется въ другой пѣснѣ, «а наша обезсилена нѣмцами. Черезъ кресты восходитъ солнце, а черезъ нѣмцевъ закатывается». И насколько къ русскимъ видна симпатія въ этихъ пѣсняхъ, изъ которыхъ дѣйствительно «слова не выкинешь», настолько въ нихъ же достается нѣмцамъ. «Зачѣмъ ты, нѣмецъ, пришелъ на крестьянскую свадьбу? Кой чортъ идетъ на нѣмецкую свадьбу?» «Идите, люди, смотрите, ка-

кое диво на полѣ: пять кошекъ тянутъ плугъ, нѣмецъ съ плачемъ пашеть». Или, вотъ, пѣсня, въ которой особенно ярко сказывается отноше-
ніе къ нѣмцамъ: «Еслибы у меня были тѣ де-
нежки, что лежатъ на днѣ моря, то я купилъ
бы всю Ригу со всѣми нѣмцами. И я нѣмцу то
сдѣлалъ бы, что онъ сдѣлалъ мнѣ»...

А прибалтійскіе нѣмцы, которые выражаются про латышей, будто даже «лучшій изъ нихъ до-
стоинъ висѣлицы» и что «на латышахъ полезно
пахать дворянскую землю», эти нѣмцы убѣжда-
ютъ Петроградъ не только въ томъ, что это —
народъ, сплошь состоящій изъ революціонеровъ,
они стараются убѣдить правящія сферы и въ
низкомъ культурномъ и экономическомъ уровнѣ
латышей. Между тѣмъ, вотъ что говоритъ ста-
тистика землевладѣнія Курляндской губерніи. По
свѣдѣніямъ, находящимся въ трудѣ Лудмера, въ
1905 г. нѣмцамъ-дворянамъ и латышамъ принад-
лежитъ почти поровну—по одному миллиону де-
сятинъ земли пахотной, пастбищной, лѣсовъ и
проч. И по таксаціи митавскаго кредитнаго об-
щества, въ которомъ таксаторами являются
нѣмцы, выходитъ все-таки, что крестьянская
земля въ среднемъ стоитъ по культурѣ выше
помѣщичьей! Въ 1911 году кредитное общество
оцѣнивало одну десятину заложенныхъ дворян-
скихъ земель въ 52 р. 32 к., а десятину крестьян-
скихъ въ 81 р. 78 к. Такимъ образомъ стои-
мость всей помѣщичьей земли Курляндіи оцѣни-

вается имъ въ 52.320,000 руб., а крестьянской въ 81.780,000 руб. Конечно, дѣйствительная стоимость не совпадаетъ съ оцѣночной. Но она пропорціонально выше, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Десятина крестьянской земли круглымъ счетомъ оцѣнивается въ Курляндіи въ 300 руб., исключая стоимости построекъ, инвентаря и проч.

Латышскихъ крѣстьянъ, у которыхъ средняя усадьба колеблется около 50 десятинъ и содержитъ въ себѣ и пахотную землю, и пастбище, и огороды, никакъ нельзя причислить къ «некультурному», невѣжественному классу, какъ это изображаютъ нѣмцы, боясь опасной для ихъ привилегіи земской реформы. Мнѣ удалось про- вести день въ глубинѣ Курляндіи и осматривать усадьбы крестьянъ средняго достатка. И я только позавидовалъ латышамъ, вспомнивъ нашу деревню. Прекрасный деревянный домъ въ нѣсколько комнатъ, передняя, балконъ, небольшой фруктовый садъ передъ окнами... Въ «гостиной» сидитъ самъ хозяинъ, и передъ нимъ на столѣ три газеты, которыя онъ получаетъ ежедневно по почтѣ. Узнавъ, что меня интересуеъ его хозяйство, онъ привѣтливо соглашается показать свою «небогатую», какъ онъ говоритъ, усадьбу, и ведетъ сначала по полю, гдѣ уже вошла густая озимая рожь, потомъ показываетъ огородъ, гдѣ видна на грядкахъ великолѣпная свекла въ среднемъ около восьми фунтовъ каждая, и на-

конецъ приводитъ въ свинарникъ демонстрировать свиней, въ которыхъ я, кстати сказать, занимаясь людьми, очень мало что смыслю. Но что мнѣ бросилось въ глаза въ этомъ свинарникѣ и, затѣмъ, въ рядомъ стоящемъ коровникѣ—это цементированный полъ, которому можетъ позавидовать любая петроградская площадь!

Повторяю: я былъ не въ лучшей, а въ средней латышской усадьбѣ. И тѣмъ не менѣе встрѣтилъ три газеты, гостиную, нѣсколько коровъ замѣчательной породы и не менѣе замѣчательныхъ свиней. Чего же можно ожидать отъ крестьянина болѣе крупнаго достатка? А въ Курляндской губерніи такихъ крестьянъ, которые имѣютъ усадьбы отъ 50 до 100 десятинъ—2.142!

Недурно поставлено у латышей и дѣло сельско-хозяйственныхъ товариществъ. Два главныхъ общества работаютъ у нихъ въ большихъ размѣрахъ, устраивая сельско-хозяйственныя выставки, опытные хозяйства, открывая учебныя заведенія, нанимая инструкторовъ, издавая сельско-хозяйственные журналы, книги, брошюры. Эти общества—«Экономическое общество», и «Центральное общество», которыя соревнуютъ другъ съ другомъ въ поднятіи сельско-хозяйственнаго уровня крестьянскихъ хозяйствъ, проводятъ въ жизнь тѣ или иныя идеи экономическаго порядка и даже враждуютъ иногда одно съ другимъ, когда дѣло доходитъ до вопроса о томъ, какія коровы лучше: свои, латышскія, или голландско-нѣмецкія.

Въ послѣднемъ спорѣ о породахъ коровъ тренія между обществами доходятъ до наивысшихъ предѣловъ, такъ какъ коровы заставляютъ однихъ хозяевъ быть «западниками» и считать, что нужно брать съ запада все, что есть у него лучшаго, а другихъ итти въ лагерь «самобытныхъ», считающихъ западныхъ коровъ негодными для прибалтійскаго климата и часто больными туберкулезомъ...

Я привелъ этотъ споръ о коровахъ и «западникахъ» не для комизма, а для того, чтобы показать, насколько сознательно относятся латыши къ вопросамъ сельскаго хозяйства и улучшения его опытнымъ способомъ. Скотоводство въ Курляндіи—одно изъ образцовыхъ въ Россіи, если не самое образцовое; много усадебъ переходитъ также къ культивированію плодовыхъ деревьевъ, къ садоводству и огородничеству. Сельско-хозяйственные курсы открыты здѣсь во многихъ мѣстахъ, въ Дзирцемѣ, въ Пигранденѣ, въ Шкибѣ, въ Ауцѣ, въ Лидерѣ, въ Пуре и въ другихъ уголкахъ края; въ Якобштадтѣ есть курсы молочнаго хозяйства; курсы домоводства есть въ Арлавѣ, въ Вильце, въ Гоппенгофѣ, въ Леясцемѣ; курсы птицеводства — въ Эзерѣ. Я перечислилъ курсы только одного «Экономическаго товарищества», да и то не всѣ. А если взять еще «Центральное общество»! Вы видите, что латыши не дикари, на которыхъ можно пахать, какъ выражаются нѣмцы. По одной оцѣнкѣ крестьянской земли видно, что

культура занятыхъ ими площадей выше помѣщицъей. Я не говорю уже о городскихъ латышахъ --- интеллигентахъ, которые имѣютъ и свои банки, и кредитныя общества, и успѣшно конкурируютъ съ нѣмцами, несмотря на то, что русская мѣстная администрація почти всегда играетъ въ руку нѣмцамъ въ борьбѣ ихъ съ латышами. А если взять процентное отношеніе латышей, обучающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то оно не оставляетъ никакого сомнѣнія въ быстромъ культурномъ ростѣ народа. Въ 1908 году высшія учебныя заведенія посѣтило 2,078 лицъ, изъ которыхъ большинство --- дѣти крестьянъ. Въ латышскомъ краѣ, какъ и у эстонцевъ, вполне обычное явленіе---крестьянинъ отецъ и сынъ студентъ. Окончивъ высшее учебное заведеніе, сынъ не забываетъ земли. Часто можно видѣть такого сына помогающимъ своему отцу въ родномъ хозяйствѣ, и среди крестьянъ края вы нерѣдко встрѣтите латыша, который днемъ вмѣстѣ съ отцомъ и съ батраками занимается коровами, свеклой и свиньями, а вечеромъ читаетъ исторію философіи или «Небесную механику» Лапласа... Уже сорокъ лѣтъ, какъ въ Курляндіи введено всеобщее образованіе, и неграмотнаго латыша въ усадьбѣ встрѣтить такъ же невѣроятно, какъ грамотнаго латыша въ гостяхъ у барона...

Вотъ бѣглая характеристика народа, который оказался вѣрнымъ и преданнымъ Россіи въ труд-

ное время. Нѣтъ сомнѣнія, что съ такимъ культурнымъ народомъ русское правительство найдеть общіе пути въ будущемъ, такіе пути, по которымъ можетъ итти свободное культурное преуспѣяніе края, и могутъ соблюдаться государственные интересы Россіи въ ея основныхъ историческихъ задачахъ.

XVII.

Юрьевъ. Факты и слухи въ передачѣ эстонцевъ.

По дорогѣ въ Юрьевъ отъ нечего дѣлать я взялся за чтеніе «Лифляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Газета эта давно привлекала мое вниманіе своимъ удивительно интереснымъ содержаніемъ. Тутъ нерѣдко вы встрѣтите любопытное объявленіе о томъ, что «утеряно свидѣтельство на двадцать винтовокъ, выданное барону К.», или, что «утерянное свидѣтельство на десять револьверовъ системы «Смитъ и Вессонъ», выданное графу М., просятъ считать недѣйствительнымъ»... Номеръ же, который я взялъ съ собою въ дорогу, оказался совсѣмъ исключительнымъ. Развернувъ его, я на второй страницѣ встрѣтилъ такой художественный списокъ вновь назначенныхъ почетныхъ мировыхъ судей, что не могу не привести его цѣликомъ — на радость читателямъ:

«Почетные мировые судьи Венденъ-Валкского уѣзда:

А. фонъ-Брюммеръ, баронъ Э. Вольфъ, баронъ Э. Майдель, Р. фонъ-Панцеръ, В. фонъ-Сиверсъ, Г. фонъ-Стрикъ, В. фонъ-Транзе, баронъ А. Фитингофъ-Шель.

Судьи Рижско-Вольмарского уѣзда:

Б. Гойнингенъ-Гюне, М. фонъ-Гаффнеръ, К. Болто, фонъ-Гогенбахъ, В. фонъ-Клотъ, баронъ Э. Крюденеръ, баронъ Г. Лаудонъ, Ф. фонъ-деръ-Палень, Г. фонъ-Фегезакъ.

Перново-Феллинского округа:

Баронъ А. Пиларъ фонъ-Пильхау.

Юрьево-Верросского округа:

А. Гартманъ, Ф. фонъ-Моллеръ, Куртъ фонъ-Ратлевъ, Бруно фонъ-Самсонъ, Г. фонъ-Самсонъ-Гиммельстьерна, Александръ Эйзеншмидтъ.

Эзельского округа:

Гаральдъ фонъ-Гельмерсенъ...».

Изъ 24 человекъ 24 нѣмца!

Но вотъ я въ Юрьевъ, — въ городъ, который усиленно называется нѣмцами «Дорпатовъ», не смотря на всякіе циркуляры, распоряженія и подтвержденія.

Какъ и слѣдовало ожидать, эстонцы собрали за послѣднее время о нѣмцахъ матеріала не меньше, чѣмъ латыши. Нельзя сказать, который изъ этихъ двухъ народовъ больше любитъ своихъ прежнихъ «господъ», тотъ или другой. Когда

LIVLÄNDISCHES

LAND-

RATHS-

An

den Herrn Besitzer des Gutes

KOLLEGIUM.

—*—

RIGA, RITTERHAUS,

den 17. Mai 1903

Nr. 3126.

Da an das Livländische Landrathskollegium in letzter Zeit verschiedene Anfragen betr. die Concessionirung von Krügen ergangen sind, so beehrt sich dasselbe den Herren Krügerbesitzern Nachstehendes über die vorliegende Frage mitzutheilen:

1. Die Frist für welche der Getränkhandel in den zur Zeit bestehenden Krügen concessionirt ist, läuft am 1. Januar 1904 ab. Zur Erlangung der neuen Concession pro 1904—1907 müssen dementsprechende Gesuche eingereicht werden. Diese Gesuche sind zu richten an Seine Excellenz den Herrn Dirigirenden der Accise des Livländischen Gouvernements und einzureichen bei der örtlichen Bezirksverwaltung. Jedem Gesuche sind 1 Marke à 60 Kop. und 1 Marke à 1 Rbl. beizufügen.

Снимокъ съ официального бланка Лифляндской Landrathской Коллегіи.

я спрашивалъ латышей объ эстонцахъ, латыши говорили:

— Ну, эстонцамъ не такъ доставалось отъ нѣмцевъ, какъ намъ.

LIVLÄNDISCHES

Beilage 2.

KOLLEGIUM.

RIGA, RITTERHAUS,

den 190

Nr. _____

Attestat.

Von dem Livländischen Landratskollegium wird hierdurch attestiert, dass der Inhaber dieses Zeugnisses,

der Privatlandmesser Herr.

..... nach bestandener Prüfung über seine Kenntnisse in den örtlichen, auf das Mess- und Agrarwesen bezüglichen Gesetzen und Verordnungen und abgelegtem Dienstede

Снимокъ съ бланка аттестата, выдаваемого Лифляндской Ландратской Коллегіей присяжнымъ землемѣрамъ.

А эстонцы въ Юрьевѣ заявили:

— Латыши счастливѣе насъ: имъ легче живется!

И воспоминанія о «проскрипціонныхъ спискахъ» 1905 года, дѣйствительно, не сходятъ съ устъ эстовъ. Вообще эстонцы, какъ видно, не такъ

подвижны, какъ латыши. Условія природы, менѣе благосклонной къ нимъ, чѣмъ къ населенію черномоземной Курляндіи, выработали въ нихъ сосредоточенность, медлительность, нѣкоторую апатич-

Beilage 1.

Ich Endesunterzeichneter gelobe und schwöre zu Gott dem Allmächtigen bei seinem heiligen Evangelium, dass ich in dem mir anvertrauten Amte eines livländischen vereidigten Ritterschaftslandmessers alle in mein Fach schlagenden Amtsarbeiten nach bestem Wissen und Gewissen ausführen werde, unter genauer Beobachtung der hierüber bestehenden Gesetze und Verordnungen, auch verspreche ich, mich in Ansehung meines Dienstes als Ritterschaftslandmesser nach den mir von dem Livländischen Landratskollegium, als meiner vorgesetzten Obrigkeit, zu erteilenden Anordnungen zu richten.

Riga,

den

190

Текстъ присяги, которую землемѣры даютъ Коллегіи при вступленіи въ должность.

ность. Они не торопятся, не предпринимаютъ рѣшительныхъ мѣръ въ борьбѣ. Но поэтому грезы о счастливомъ будущемъ, когда бароны сами будутъ строить свои мосты и дороги, и когда, проходя черезъ дворъ барона, можно будетъ не

снимать шапки передъ пустымъ замкомъ, — грезы о свободной и справедливой жизни навѣщаютъ ихъ чаще, чѣмъ латышей. Они вѣрятъ, что настанетъ наконецъ желанный часъ исчезновенія остзейскихъ привилегій, — и эта вѣра подкрѣпляется вѣрою въ то, что во всякомъ случаѣ, если въ земной жизни имъ не удастся совершенно освободиться отъ засилія нѣмцевъ, то, по крайней мѣрѣ, въ недалекой загробной жизни имъ не придется сталкиваться съ помѣщикомъ-недругомъ...

Латыши осадили меня въ Ригѣ въ самый день пріѣзда, благодаря своему пылкому темпераменту. Эстонцы оказались болѣе медлительными. Только на слѣдующій день, въ шесть часовъ утра, въ дверь моего номера просунулась первая голова посятителя, и твердый голосъ произнесъ:

— Пожалуйста, выслушайте мои свѣдѣнія объ аэропланахъ!

И на меня, какъ и въ первые дни въ Ригѣ, посыпались слухи и факты. Приведу изъ нихъ тѣ, которые подтверждаются хотя бы какимъ-нибудь свидѣтельскими показаніями. Многое изъ сообщеній, конечно, нужно было отбросить, какъ несущественное, въ особенности въ разсказахъ объ аэропланахъ, которые могли быть не только нѣмецкими, но и нашими, русскими. Но, если отбросить все это, все-таки для сѣверной половины Лифляндіи остается много кое-чего наводящаго на грустные размышленія.

Вотъ въ Перновѣ целлулоидная фабрика Вальдгофа. Однимъ изъ директоровъ этой фабрики состоитъ не кто иной, какъ самъ перновскій городской голова. И вдругъ на фабрику обнаруживается докъ для починки судовъ, — докъ, который къ целлулонду имѣетъ такое же отношеніе, какъ саксонскій король къ Польшѣ. Одно высокоавторитетное лицо на сѣверѣ края даже сообщало нѣкому общественному дѣятелю, будто на фабрику Вальдгофа нашли не только докъ, но и безпроводочный телеграфъ. И что же? Городской голова-нѣмецъ до послѣдняго времени остается на своемъ посту, точно его участіе въ администраціи фабрики ничуть не компрометируетъ его въ глазахъ русской власти и общества!

Говорятъ, что въ Перновѣ была также замѣчена официальными лицами существующая въ городѣ сигнализациа. Чтобы провѣрить этотъ слухъ, начальникъ порта или представитель жандармской власти, точно не знаю, выѣхалъ ночью въ море на катерѣ и сталъ производить сигналы прожекторомъ. И изъ двухъ мѣстъ на берегу этой сигнализациа кто-то отвѣчалъ вспышками свѣта!..

Въ 35 верстахъ отъ Юрьева есть церковь прихода Вендау. Приказчикъ имѣнія видѣлъ, какъ пролетавшій аппаратъ освѣщалъ церковь прожекторомъ. Нужно думать, что летательный аппаратъ принадлежалъ русскимъ.

Въ имѣніяхъ Техельферъ, Форбурггофъ и

Рацгофъ въ прошломъ году были устроены площадки для лаунъ-тенниса, причемъ основаніе площадокъ было сдѣлано на крупномъ камнѣ и чрезвычайно прочно, по свидѣтельству каменщиковъ. Площадки для тенниса великолѣпная вещь, самъ теннисъ очень полезенъ. Но плохо то, что въ имѣніи Рацгофъ, гдѣ имѣется площадка, управляющій былъ германскій подданный!

Около мѣсяца назадъ, однажды, въ 9 часовъ вечера, на мосту черезъ рѣку Эмбахъ въ Юрьевѣ собралась цѣлая толпа, которая слѣдила за полетомъ аэроплана. Навѣрно, аэропланъ былъ русскій.

Эстонская писательница г-жа К. видѣла мѣсяца два назадъ въ 3 часа дня на юго-востокѣ сигарообразный аппаратъ, напоминающій цепелинъ. Аппаратъ какъ-то быстро исчезъ, очевидно, опустившись. Навѣрно, цепелинъ былъ русскій...

Эстонецъ-студентъ сообщаетъ, что въ Перновскомъ уѣздѣ онъ видѣлъ плацъ, окруженный бѣлыми столбиками. Кромѣ того, по бокамъ были разставлены для чего-то приготовленныя кучи хвороста. Хворостъ, конечно, былъ русскій...

На границѣ Лифляндской губерніи, со стороны Пскова, на желѣзной дорогѣ было конфисковано 20 вагоновъ зернового хлѣба, отправленнаго на юго-западъ подъ видомъ отрубей. Хлѣбъ, навѣрно, тоже былъ русскій...

Отличается съверъ Лифляндіи и своими мно-

гочисленными вышками, на которыя всѣ обращаютъ вниманіе... На островѣ Эзелѣ есть въ лѣсу огромная вышка въ приходѣ Килькондѣ. Около Валка въ имѣніи барона Врангеля вышка, находящаяся въ лѣсу, достигаетъ высоты 12 сажень... Въ Юрьевскомъ уѣздѣ есть нѣсколько такихъ вышекъ. И въ связи съ общимъ явленіемъ—германскими подданными родственниками, управляющими и лѣсниками, эти вышки, понятно, наводятъ на грустныя мысли. Прямо хочется влѣзть на нихъ и броситься внизъ съ горя...

А германскихъ подданныхъ здѣсь, какъ и на югѣ, не мало. Въ одномъ имѣніи Трикатенъ находилось передъ войной свыше 50 человекъ германскихъ подданныхъ. Для нихъ была устроена Deutscher Verein'омъ особая школа, и они получали заработную плату почти вдвое больше, чѣмъ мѣстные крестьяне. Какую добавочную работу производили они за эти деньги? Вотъ вопросъ. А германскіе подданные—родственники и гости—встрѣчались здѣсь до войны и въ имѣніи Маріенбургъ у барона Фитингофа, и въ имѣніи «Луния» барона Нолькена... Словомъ, все ничуть не лучше, чѣмъ на югѣ, въ Курляндіи!

Въ заключеніе упомяну о двухъ интересныхъ фактахъ. Въ прошломъ году въ Феллинскомъ уѣздѣ по усадьбамъ и по помѣщичьимъ землямъ ходило много нѣмцевъ—музыкантовъ. Видъ у нихъ былъ вполне приличный, и, хотя эстонцы бродячей музыки нѣмцевъ не любятъ и не даютъ

на это удовольствіе ни копейки, музыканты, однако, никогда не были голодны. И вдругъ передъ войной они исчезли! Въ уѣздѣ не осталось ни одного музыканта. Гдѣ они играютъ? Чей слухъ услаждаютъ? Не приходитъ ли вамъ въ голову, что ихъ музыкальное образованіе сейчасъ тѣшитъ слухъ императора Вильгельма и начальника германскаго генеральнаго штаба?

Второй фактъ еще знаменательнѣе. На-дняхъ, за день до внезапнаго нападенія Турціи на наши черноморскіе порты, проживавшіе въ Юрьевѣ булочники-турки исчезли. Не день спустя, а за день! Кто ихъ извѣстилъ о событіяхъ?

Нѣтъ, что ни говорите, а спиритизмъ и оккультныя науки имѣютъ сильное распространеніе въ Прибалтійскомъ краѣ.

XVIII.

Фортели юрьевскихъ нѣмцевъ. „Воля къ власти“. О податныхъ управленіяхъ.

Юрьевское городское самоуправленіе дало мнѣ возможность расширить свои свѣдѣнія о способахъ борьбы нѣмцевъ за власть въ городахъ Прибалтійскаго края. Какъ оказывается, Юрьевъ одинъ изъ первыхъ городовъ, который придумалъ способъ пользованія «искусствен-

нымъ» цензомъ. Вы помните, какъ митавскіе нѣмцы раздѣлили лугъ на такое количество самостоятельныхъ ценовыхъ участковъ, что коровы должны были прекратить всякія прогулки по лугу, чтобы не попасть въ чужія владѣнія? Или помните рижскіе дома, которые для ценза строить сразу группа въ нѣсколько нѣмцевъ?.. Въ Юрьевѣ цензъ для городскихъ выборовъ получается гораздо проще. Приходитъ, напримѣръ, къ какому-нибудь собственнику-нѣмцу товарищъ и говоритъ:

— Фридрихъ Фридриховичъ! Дайте мнѣ взаимно десять рублей. Я за это обязуюсь быть вашимъ пожизненнымъ совладѣльцемъ, даю честное слово!

Потомъ является другой нуждающійся нѣмецъ. Третій. И не проходитъ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ у Фридриха Фридриховича на одинъ домъ имѣется двадцать пять совладѣльцевъ. Одинъ числится обладателемъ чернаго двора, другой— собственникомъ черной лѣстницы, третьему принадлежитъ слуховое окно, четвертый довольствуется пожизненнымъ правомъ на сорную яму... Городскіе оцѣнщики-нѣмцы, понятно, и слуховое окно, и черную лѣстницу оцѣниваютъ достаточно высоко, и Фридрихъ Фридриховичъ, окруженный штатомъ совладѣльцевъ, спокойно ожидаетъ городскихъ выборовъ.

Конечно, я немного уклонился въ сторону шаржа. Слуховое окно не можетъ создать ценза.

Но выдѣленіе недвижимости въ самостоятельную имущественную единицу — можетъ.

За послѣдніи десять лѣтъ новыхъ цензовиковъ по городу Юрьеву появилось около 400. Между тѣмъ, городъ за это время нисколько не возрасталъ, а возрастали только его пригороды, которые къ спискамъ не имѣютъ никакого отношенія. Откуда же эти 400 человѣкъ? Приводимая ниже выписка изъ списка 1906 года, можетъ быть, отвѣтитъ намъ на этотъ вопросъ.

Тамъ по недвижимости № 26 имѣется, напримеръ, изъ рода Самсонъ фонъ-Гиммельстерна одна только собственница — Эмилиа. Къ списку 1914 года Эмилиа Самсонъ исчезаетъ; но зато вмѣсто нея появляется восемнадцать Самсоновъ-фонъ-Гиммельстерна; одна «небесная звѣзда» смѣняется цѣлымъ созвѣздіемъ:

Аксель Николаевичъ, Амалія Вольдемаровна, Бруно Густавовичъ, Вальтеръ Гвидовичъ, Гаральдъ Густавовичъ и другіе, кончая Эммой Артуровной и Эрихомъ Оттокаровичемъ. Для того, чтобы дать возможность этой плеядѣ Гиммельстерна въ ярко свѣтитъ на юрьевскомъ небѣ, даже онѣмеченный русскій купецъ Черновъ уступилъ два голоса, принадлежащихъ ему по Гостинному двору. И нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ отношеніи къ дѣлу нѣкоторыхъ русскихъ купцовъ, къ счастью, немногихъ, — городское самоуправленіе Юрьева находится всецѣло въ рукахъ нѣмцевъ. Не баронъ Энгель-

гардтъ долженъ насъ удивлять, увеличившій число голосовъ своей семьи съ 2 до 11, а именно Черновъ. Русскій!

Еще пикантнѣе въ юрьевскихъ дѣлахъ участіе въ выборахъ германскихъ подданныхъ — Отто Шредерса и Роберта Польшмана. И Шредерсъ, и Польшманъ создали изъ своихъ недвижимостей около десяти цензовиковъ, которые, нужно ожидать, не совсѣмъ по-русски будутъ смотрѣть на городское дѣло Юрьева... И имъ не уступаютъ также нѣкоторыя нѣмецкія общества, въ родѣ «Ифляндскаго сельско-хозяйственнаго», которыя уступаютъ свои голоса постороннимъ лицамъ нѣмецкаго происхожденія.

Всѣми правдами и неправдами, такимъ образомъ, держатъ власть въ своихъ рукахъ юрьевскіе нѣмцы. Изъ числа гласныхъ въ 60 человѣкъ, 41 — нѣмецъ, 5 русскихъ и 15 эстонцевъ... Въ городѣ, гдѣ эстонцевъ 70 процентовъ, а русскихъ не меньше, чѣмъ половина нѣмцевъ!

Чтобы не утратить власти на будущія времена, нѣмцы стойко противятся присоединенію къ Юрьеву пригородовъ, населенныхъ почти исключительно эстонцами и русскими. Пригородъ Карлова сейчасъ составляетъ неразрывную часть города и ничуть не хуже самого Юрьева; но, ссылаясь на лишніе расходы, нѣмцы отказываются отъ присоединенія пригородовъ съ населеніемъ въ 13 тысячъ человѣкъ, наивно умалчивая о томъ, что городскіе налоги присоединенныхъ частей

дадутъ компенсирующіе доходы. Между тѣмъ, учебный, больничныи, пожарныи и прочіе вопросы, не говоря уже о благоустройствѣ улицъ, не могутъ быть разрѣшены какъ слѣдуетъ въ пригородахъ безъ присоединенія къ городу. Не желая выпускать власть изъ своихъ рукъ, нѣмцы противятся желательному для эстонцевъ и русскихъ присоединенію пригородовъ всѣми силами и, очевидно, сумѣли подѣйствовать на какую-то слабую сторону губернатора Звегинцева, который сказалъ анти-нѣмецкой депутаціи юрьевцевъ:

— Пока я здѣсь, пригороды присоединены не будутъ!

И утвердилъ нѣмецкій избирательный комитетъ, а эстонско-русскому отказалъ въ легализаціи.

Борются нѣмцы за власть жестоко. Напримеръ, послѣ выборовъ 1914 года, когда они побѣдили, имъ оказалось мало побѣды. Мстя за то, что эстонцы и русскіе не голосовали по нѣмецкому списку, они рѣшили подвергнуть бойкоту тѣхъ избирателей, которые являются въ городѣ представителями торговыхъ или промышленныхъ заведеній. Нѣмецкій избирательный комитетъ во главѣ съ предсѣдателемъ Арнольдомъ фонъ-Тидебелемъ, состоящимъ, кажется, предсѣдателемъ юрьевскаго отдѣленія *Deutscher Verein's*, напечаталъ въ № 40 своего органа «*Berichte und Mitteilungen*», списокъ всѣхъ эстонцевъ и русскихъ, выступавшихъ на выборахъ

противъ нѣмцевъ. Здѣсь упомянуто 79 фамилій, среди которыхъ встрѣчаются и русскіе, вродѣ Арбузова и Новикова. И характерная для нѣмцевъ хитрость: они не предпослали этому списку введенія съ требованіемъ бойкота, но противъ каждой фамиліи напечатаны адресъ торговаго заведенія и родъ дѣятельности, хотя для избирательнаго списка, какъ избирательнаго, этого вовсе не требуется.

Впрочемъ, способы борьбы за власть у нѣмцевъ заключаются не только въ созданіи искусственныхъ цензовъ, давленіи на администрацію и бойкотъ. Тамъ, гдѣ можно дѣйствовать проще, они дѣйствуютъ... Мнѣ рассказываютъ, напримеръ, что на островѣ Эзелѣ, въ Аренсбургѣ, они обѣщали на городскихъ выборахъ, что изъ 32 гласныхъ половину проведутъ эстонцевъ. И провели... но въ другомъ смыслѣ. Повѣривъ нѣмцамъ, эстонцы уже не предпринимали больше никакихъ шаговъ и поплатились. Въмѣсто половины, нѣмцы взяли себѣ изъ 32 мѣстъ 25, головой выбрали Регекампа, а членами управы онѣмеченнаго эста Бергмана и простаго нѣмца фонъ-Фрейтага...

Въ Юрьевѣ мнѣ пришлось познакомиться также съ чрезвычайно любопытнымъ институтомъ... не ветеринарнымъ, о немъ скажу послѣ, а съ институтомъ, оставшимся въ краѣ съ гороховыхъ временъ и до сихъ поръ процвѣтающимъ, благодаря вліянію нѣмцевъ. Я имѣю въ виду, такъ называемыя «податныя управленія».

Эти податныя управленія аналогичны мѣщанскимъ управамъ центральныхъ губерній, но только аналогичны: я говорю—аналогичны, чтобы мѣщанскіе старосты центральныхъ городовъ не могли привлечь меня за оскорбленіе въ такомъ обидномъ сравненіи.

Обыкновенно въ Россіи мѣщане имѣютъ возможность выбирать своихъ представителей и получать изъ числа представителей мѣщанскаго старосту. Не то дѣлается въ Прибалтійскомъ краѣ. Замѣняющее тутъ мѣщанскую управу податное управленіе не имѣетъ права на выборнаго старшину. Начальника мѣщанскому сословію выбираетъ городская дума по своему усмотрѣнію изъ числа членовъ большой гильдіи, въ которой членами состоятъ почти исключительно нѣмецкіе купцы и промышленники. Помощника же старшины дума выбираетъ изъ числа членовъ малой гильдіи. И такимъ образомъ, если въ податномъ мѣщанскомъ классѣ нѣтъ ни одного нѣмца, главою сословія все-таки долженъ быть нѣмецъ. Такъ фактически получается при архаическихъ порядкахъ правовой жизни края.

А что въ большой и малой гильдіяхъ сидятъ почти только нѣмцы, это не преувеличеніе. Я не говорю уже о тѣхъ порядкахъ, которые царятъ въ этихъ бронированныхъ отъ общественнаго контроля учрежденіяхъ. О гильдіяхъ можно поговорить особо. Но вотъ документъ, копію съ котораго мнѣ удалось получить. Онъ написанъ

на древне-нѣмецкомъ языкѣ и представляетъ выдержку изъ общаго устава большой гильдии Юрьева,—устава, составленнаго еще въ 1647 году и дѣйствующаго до сихъ поръ. Не угодно ли:

«Der grosse Gildeschragen 1647.

Ferner wird hiernit verordnet, dass man hinfort Einigkeit halber keine Undeutschen in der Compagnie aufnehmen soll»...

И сбоку написано въ видѣ конспекта на поляхъ:

«Keine Undeutschen einzunehmen».

Ясно, что этотъ пунктъ устава о «непринятіи не-нѣмцевъ», хотя и отмѣненный съ момента изданія второй части свода мѣстныхъ узаконеній прибалтійскихъ губерній въ 1845 году, тѣмъ не менѣе фактически свято соблюдается до сихъ поръ въ гильдіяхъ. И вотъ изъ этихъ нѣмецкихъ учрежденій, безотчетныхъ и безотвѣтственныхъ, неизвѣстно почему допускаемыхъ въ государствѣ,—изъ этихъ гильдій городскія думы назначаютъ латышамъ и эстонцамъ представителей податнаго городского класса! А когда въ Юрьевѣ мѣщане ходатайствовали передъ городскимъ самоуправленіемъ о томъ, чтобы имъ разрѣшили хотя бы указать своего кандидата, то это ходатайство не только не было уважено, но городской голова фонъ-Гревингъ запретилъ гласнымъ-эстонцамъ даже поднимать рѣчь о ходатайствѣ на засѣданіи думы.

XIX.

**О Юрьевскомъ университетѣ. Высота
нѣмецкой науки. Jch verstehe nicht.**

Перейдемъ теперь къ Юрьевскому университету. Конечно, въ бѣгломъ очеркѣ невозможно объять все значеніе этого главнаго очага германизациі края. Нѣтъ возможности также коснуться болѣе или менѣе подробно его любопытной исторіи. Но я попытаюсь здѣсь только намѣтить тѣ пункты, на которые русской власти давно слѣдовало обратить серьезное вниманіе. Что Юрьевскій университетъ, по представленію нѣмцевъ, долженъ служить германскимъ аванпостомъ въ Россіи, въ этомъ никто сомнѣваться не можетъ. Это открыто признавали студенты въ своихъ корпораціяхъ, это подтверждали и профессора-нѣмцы, посвящавшіе себя трудамъ по составленію исторіи университета. Вотъ, возьмите хотя бы книгу «Die deutsche Universität Dorpat im Lichte der Geschichte und der Gegenwart», написанную анонимно, но, какъ говорятъ, принадлежащую перу Неандера. Начавъ съ того, что «ни одна германская колонія никогда не была связана такими глубокими корнями съ материнской землей (Mutterland) съ Германіей, какъ Лифляндія», авторъ открыто признаетъ, что «Дерптскій» университетъ долженъ всегда со-

хранять свою германскую физиономию. «Если сдѣлать нѣмцевъ русскими, то отъ этого можно потерять очень много,—говоритъ авторъ,—всякій честный русскій человѣкъ не будетъ спорить съ тѣмъ, что нѣмецкая культура выше русской, и что обязанность государства не опускать лучшихъ своихъ членовъ до низшихъ, а поднимать низшіе—къ высшимъ».

И потому—переходъ университета въ русскія руки авторомъ никакъ не можетъ быть одобренъ. Съ большимъ удовлетвореніемъ онъ подсчитываетъ число профессоровъ, которые читали въ университетѣ въ «нѣмецкій» періодъ. Отъ 1802 года до 1881 русскихъ профессоровъ насчитывалось здѣсь не болѣе 4 проц., и въ 1881 году на 43 профессора нѣмца приходилось всего на всего два человѣка русскихъ! Резюмируя дѣятельность университета до 1882 года, когда началась ненавистная «руссификація» съ опусканіемъ «высшаго элемента къ низшему»,—авторъ говоритъ въ главѣ «Summa Summarum»:

«Если мы бросимъ взглядъ назадъ на развитіе университета и на то, что было достигнуто, то придемъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Университету пришлось преодолевать большія затрудненія и вести борьбу подъ угрозой исключительной опасности.

2) Несмотря на это, университетъ крѣпъ.

3) Подавляющее большинство студентовъ—были нѣмцы.

4) Профессора, исключая нѣкоторыхъ доцентовъ, почти всѣ—нѣмцы.

5) Значительная часть ординарныхъ профессоровъ прибывала изъ Германіи.

6) Всѣ безъ исключенія пасторы края являются питомцами «*almae matris Dorpatensis...*»

7) Университетъ далъ Россіи большой научный вѣсъ и принялъ большое участіе въ поднятій русской науки и цивилизаціи».

Но вотъ появились русскіе профессора; нѣмцы очистили каѳедры, исключая богословскаго и отчасти медицинскаго факультета,—и бѣдный университетъ «опустился до низовъ» науки. А какъ высоко стояла наука въ «нѣмецкій» періодъ, объ этомъ я уже могу сообщить не изъ книги Неандера, а хотя бы, на примѣръ, изъ напечатанной проф. Невзоровымъ статьи объ исторіи «Юридическаго факультета»...

Вотъ знаменитый профессоръ Кехи, Христіанъ Гейнрихъ Готлибъ, бывшій деканомъ факультета около 1816 года. «Въ его послѣднее деканство,—говоритъ проф. Невзоровъ,—произошла прискорбная исторія съ «дѣланіемъ» докторовъ... Двое портныхъ Вальтеръ и Веберъ за 15,000 рублей, уплаченныхъ банкнотами на Маіера, Кехи, Штельцера (редактора) и Лампе получили степень доктора права. А нѣкій посредникъ Петерсенъ за свое посредничество долженъ былъ получить также докторскую степень».

Проф. Кехи, очевидно, питалъ слабость къ портнымъ. Въ той же исторіи юридическаго факультета немного далѣе читаемъ: «Вслѣдъ за портными Вальтеромъ и Веберомъ искалъ докторской степени Петръ Лафонтанъ, портной французъ, какъ гласила рукописная надпись на тезисахъ его диссертациі». А диссертацией этого портного былъ всего-на-всего одинъ листокъ съ 6-ю тезисами, относившимися къ уголовному праву!

Въ исторіи русской науки, насколько мнѣ извѣстно, такихъ случаевъ съ портными не было. Русская наука до такой высоты не могла, очевидно, добраться. Но научное наслѣдіе нѣмцевъ оказалось въ университетѣ на оригинальныхъ высотахъ и въ другихъ областяхъ. Напримѣръ, первый русскій профессоръ-медикъ Васильевъ, принимая отъ знаменитаго изслѣдователя крови Шмидта, прозваннаго «Blut-Schmidt», клинику, нашелъ, что хирургическіе инструменты находились въ ужасающемъ состояніи. Нѣкоторые были заржавлены, у другихъ—отломаны концы; всѣ оказались нечувствительными. Ботаникъ Кузнецовъ получилъ отъ нѣмцевъ запущенный, заросшій лопухомъ и крапивою ботанической садъ; профессоръ фармаціи Кондаковъ принужденъ былъ мѣнять горѣлки для нагрѣванія и эфирное масло, которое давно измѣнило свои необходимыя качества... Астрономъ Левицкій, провѣряя главный рефракторъ въ обсерваторіи, чуть-чуть

не открылъ новой туманности, такъ какъ въ окулярномъ концѣ телескопа завелась паутина и давала эффектныя, но излишнія пятна въ полѣ зрѣнія. А замѣненный русскимъ ученымъ профессоръ Кохъ, производившій операциі въ клиникѣ, какъ оказалось, растерялъ почти всѣ ланцеты и пинцеты, зашивъ ихъ внутрь различныхъ больныхъ во время своей обширной университетской практики.

Вотъ какъ работали здѣсь хваленые нѣмецкіе профессора, которые «дали Россіи большой научный вѣсъ» и «способствовали поднятію русской науки и цивилизаціи»! Ясно, что не въ наукѣ тутъ было дѣло, когда докторскія степени выдавались за 15 тысячъ рублей портнымъ, а дѣло было въ томъ, чтобы имѣть въ университетѣ исключительно своихъ людей, прочно объединявшихъ Прибалтійскій край съ любимымъ, незабвеннымъ Mutterland'омъ.

Когда первые русскіе профессора стали переводиться сюда, въ Юрьевъ, нѣмцы-коллеги встрѣтили ихъ въ высшей степени недружелюбно. Астрономъ Шварцъ съ удивленіемъ спросилъ одного явившагося къ нему съ визитомъ русскаго доцента:

— Зачѣмъ вы пріѣхали? Что вамъ тутъ дѣлать, вѣдь вы—русскій!

И какъ нѣмецкіе профессора Юрьевскаго университета любили Россію, помня, все-таки о Германіи, можетъ служить иллюстраціей нашумѣв-

шая здѣсь исторія со «статуей Рейна». Въ 1880 году нѣкая фрау Гроте, желая увѣковѣчить память своей матери, рѣшила посвятить (widmen) университету статую работы Вильбоа «для украшенія Домберга» — горы, находящейся рядомъ съ университетомъ. Въ эти времена дѣлами университета заправляли три брата Эттингена: одинъ былъ ректоромъ, другой — деканомъ богословскаго факультета, третій просто профессоромъ. Всѣ три брата, совмѣстно съ остальными членами совѣта университета, рѣшили принять даръ Гроте, и кто-то изъ нихъ даже выработалъ проектъ статуи. Она должна была изображать старика Рейна съ его тремя главными притоками. Рѣшено—сдѣлано. Вильбоа выполнилъ заказъ — и статую поволокли на гору.

Но тутъ начались недоразумѣнія. Внимательно присматриваясь къ статуѣ и осматрѣвъ символизирующія притоки Рейна фигуры, эстонскіе, латышскіе и русскіе студенты догадались, что старикъ Рейнъ вовсе не Рейнъ, а просто-на-просто старуха Германія. И три фигуры по бокамъ не притоки, а какъ разъ три прибалтійскія губерніи: Курляндія, Лифляндія и Эстляндія. Поднялись скандалы. Ночью студенты взбирались на гору къ старику «Рейну» и выражали ему свои чувства... Часто утромъ университетскіе сторожа находили Рейна выпачканнымъ въ грязь, часто у него бывало заплевано лицо, а у притоковъ фizioноміи выражали полный конфузъ.

Однажды ночью старику «Рейну» нацѣпили на шею веревку и прикрѣпили записку съ угрозою германизаторамъ. И, наконецъ, возмущеніе студентовъ достигло предѣла: подъ статую какъ-то былъ подложенъ зарядъ пороха, и «Рейнъ» получилъ маленькую пробоину въ области живота...

На возбуждающую страсти студентовъ статую обратилъ вниманіе уже самъ губернаторъ. Видя, что Рейнъ нарушаетъ въ Юрьевѣ тишину и спокойствіе, губернаторъ распорядился свалить старика и убраться съ глазъ населенія куда-нибудь подальше. Подъ радостные крики студентовъ Рейна стащили въ университетскій сарай. Тамъ лежитъ онъ до сихъ поръ, съ незажившей раной въ боку, и память о немъ до сихъ поръ держится среди бывшихъ студентовъ эстонцевъ и латышей, которымъ удалось все-таки побороть беззащитность Эттингеновъ и прочихъ нѣмцевъ-профессоровъ, членовъ совѣта.

Итакъ, «Рейнъ» свергнутъ. Курляндія, Лифляндія и Эстляндія не допущены администраціей до слиянія съ нимъ въ качествѣ остзейскихъ притоковъ. Но эта побѣда не полная. Если физико-математическій факультетъ, юридическій и историко-филологическій и освобождены почти отъ притягательнаго вліянія Рейна, то нельзя того же сказать о факультетѣ медицинскомъ, а тѣмъ болѣе богословскомъ. У юристовъ сейчасъ замѣтнымъ нѣмцемъ можно считать только декана, барона Фрейтагъ-Лорин-

говена, имѣющаго кое-какія родственно-научныя связи съ Берлиномъ; на историко-филологическомъ ласкаютъ слухъ фамиліи Шлютеръ, Фельсбергъ; на физико-математическомъ есть фонъ-Кеннель, Ландезенъ, Шенбергъ... Но это все ничего, сравнительно съ тѣмъ, что дѣлается сейчасъ на медицинскомъ факультетѣ, гдѣ профессора Цеге-фонъ-Мантейфель, Адольфи, Цедельманъ, Коппель, Мейеръ, Ротбергъ, Шиндельмейзеръ, Геренсонъ... звучатъ не вполне по-русски.

Впрочемъ, не въ звукахъ дѣло. Въ хирургической клиникѣ недавно произошло крупное недоразумѣніе на почвѣ русскаго языка между студентами и ассистентомъ Мантейфеля Цедельманомъ. Дѣло въ томъ, что въ хирургической клиникѣ при благосклонномъ покровительствѣ Мантейфеля господствующимъ языкомъ всегда считался нѣмецкій. Надписи вездѣ нѣмецкія. И когда одинъ изъ русскихъ студентовъ обратился по-русски за справкой къ одной изъ служащихъ «сестеръ», то та твердо отвѣтила.

— Ich verstehe nicht.

Среди студентовъ поднялось возбужденіе. Они справедливо задали вопросъ Цедельману: гдѣ, собственно, находится университетъ, въ Россіи или Германіи? Но Цедельманъ сталъ на сторону сидѣлки, которая «versteht nicht», а профессоръ Мантейфель прислалъ телеграмму:

«Пріѣду — разберу самъ. Прошу студентовъ глупостей не дѣлать».

На факультетѣ поднялись скандалы. Студенты рѣшили бойкотировать Цедельмана. Когда онъ приходилъ на занятія, студенты демонстративно уходили. И возбужденіе нѣсколько улеглось только послѣ того, какъ вмѣсто Цедельмана факультетъ временно предоставилъ занятія со студентами профессору Михнову. Но до сихъ поръ телеграмма Мантейфеля служить среди студентовъ предметомъ усиленныхъ толковъ. Какъ понять выраженіе «глупостей не дѣлать?» Или требованіе русскаго языка въ русскомъ университетѣ — глупость? Или подъ глупостями нужно понимать патріотическое настроеніе, при которомъ все, напоминающее вражескую Германію,— можетъ быть непріятнымъ и противнымъ?

Но одного нельзя понять, даже соглашаясь съ Мантейфелемъ въ его пониманіи «глупостей»: почему лазаретъ для раненыхъ русскихъ вояковъ, который устроенъ въ университетской клиникѣ и попалъ въ высоко-культурныя нѣмецкія руки сестеръ, почему этотъ лазаретъ вызываетъ нареканія со всѣхъ сторонъ въ томъ, что лежащіе въ немъ раненые голодны, что хлѣба имъ даютъ мало, что обстановка лазарета для представителей русской арміи непріятна?

Только послѣ статей мѣстной эстонской газеты «Постимесь» и послѣ того, какъ деканъ медицинскаго факультета самъ рѣшилъ вмѣшаться въ дѣла клиники, только послѣ этого господинъ Цедельманъ, завѣдующій лазаретомъ,

рѣшилъ прибавить ежедневную выдачу хлѣба раненымъ и приказалъ постричь ихъ, чтобы освободить отъ насѣкомыхъ. Русская глупость побѣдила въ концѣ концовъ высокую нѣмецкую культуру. Но надолго ли?

XX.

Знаніе русскаго языка. Богословскій факультетъ въ Юрьевѣ.

Насколько полезнымъ оказался переходъ Юрьевскаго университета въ русскія руки, можно судить уже по той разницѣ, которая существуетъ между прежнимъ знаніемъ русскаго языка у прибалтійскихъ нѣмцевъ и нынѣшнимъ. До реформы университета всякій молодой баронъ могъ получить въ Россіи высшее образованіе, не умѣя совершенно говорить по-русски. До сихъ поръ встрѣчаются въ краѣ нѣмцы стараго поколѣнія, получившіе въ Россіи дипломъ и лопочущіе по-русски что-то невѣроятное. Кончивъ всякія свои Domschule, или сословныя заведенія, вродѣ прелестной гимназіи Birkenruhe, они не знаютъ ни русской исторіи, ни русской географіи, игнорируютъ русскую литературу, русскую поэзію, русское творчество. Переходя въ Юрьевскій университетъ, они не слышали ничего о существованіи русской науки, русской философіи, русскихъ

историковъ,—и съ первыхъ дней жизни до послѣдняго часа представляли себѣ Россію, какъ дикую страну, находящуюся отъ нихъ на востокъ и ничѣмъ не отличающуюся отъ глубокой Азіи. Русскій языкъ до эпохи реформъ императора Александра III не только игнорировался въ «Остзейскомъ» краѣ, но даже преслѣдовался. Одинъ видный петроградскій музыкальный дѣятель, кончившій рижскую духовную семинарію въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ, передаетъ мнѣ, что въ его время на улицахъ Риги семинаристы не могли говорить по-русски, рискуя быть избитыми нѣмецкой молодежью. Только когда они собирались большой группой, и при этомъ среди нихъ находился «силачъ», только тогда они рисковали пользоваться на улицахъ роднымъ государственнымъ языкомъ. Да вспомнимъ хотя бы впечатлѣнія Ю. Самарина, разсказанныя въ VII томѣ его сочиненій. «Одинъ изъ здѣшнихъ помѣщиковъ, — говоритъ Самаринъ, — очень почтенный человѣкъ, объявилъ наотрѣзъ своему сыну, что онъ лишитъ его наслѣдства, если тотъ выучится говорить по-русски. А не такъ давно въ присутственномъ мѣстѣ одинъ изъ засѣдателей, увидѣвъ бумагу, написанную по-русски, скомкалъ ее и бросилъ въ сторону, восклицая: «das verfluchte Russisch!»

«Языкъ не пустая вещь, — добавляетъ отъ себя Самаринъ, — онъ не дѣло личнаго вкуса.

Кто ненавидитъ языкъ, тотъ не можетъ любить самого народа».

Правда, сейчасъ вы рѣдко встрѣтите прибалтійскаго нѣмца, не умѣющаго объясняться по-русски. Но зато многіе старики лишены этой способности. Ревельская эстонская газета привела на-дняхъ зафиксированную бесѣду мѣстнаго почетнаго мирового судьи-нѣмца съ однимъ изъ судей:

— Есть ли такой статья, — спрашиваетъ почетный мировой судья, — по которому барона сидѣть нельзя положить?

Не такъ давно въ Ревелѣ былъ нѣмецъ-лекторъ, который въ присутствіи многочисленной нѣмецкой аудиторіи читалъ что-то о прибалтійской исторіи. И — можетъ быть это и анекдотъ, — но ревельцы клянутся, что, коснувшись прошлаго мѣстнаго католическаго монастыря, разрушеннаго Іоанномъ Грознымъ, лекторъ сказалъ по-нѣмецки:

— Эта прекрасная культурная цѣнность была разрушена русскимъ царемъ Іоанномъ der Vierte, который за свою жестокость былъ прозванъ «Васильевичъ».

Даже многіе профессора, получившіе образование въ Юрьевскомъ университетѣ, когда тотъ еще былъ «Деритскимъ», не умѣютъ совершенно объясняться по-русски. Одинъ говоритъ, что онъ «ждалъ студентовъ цѣлыхъ два полчаса».

другой съ гордостью заявляетъ, что на своемъ предметѣ онъ «скушалъ собаку». Въ Одессѣ былъ профессоромъ исторіи юрьевскій питомецъ фонъ-Штернъ, который такъ переводилъ одного римскаго поэта: «бѣгай, мой сынъ, къ этой столбѣ, на которой написанъ едательный (edax) надпись». Въ Юрьевскомъ ветеринарномъ институтѣ до сентября этого года состоялъ директоромъ онѣмеченный латышъ профессоръ Кундзинъ, который на лекціяхъ употреблялъ такія выраженія: простоводныя рыбы—вмѣсто прѣсноводныя, сухоходныя рѣчки—вмѣсто судоводныя. И, наконецъ, говорилъ вмѣсто «грызуны»—грузини. А когда нуждающійся студентъ просилъ у него впередъ стипендію, онъ отдавалъ такое устное распоряженіе:

— Дайте ему авансомъ... У него моментально нѣтъ денегъ!

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что бывшіе питомцы «дерптскаго» университета не только не знаютъ русскаго языка, но и въ отношеніи всего русскаго проявляютъ иногда удивительное невѣжество. Возьмите хотя бы календарь «Deutscher Verein'a» за 1914 годъ и прочтите тамъ статью «Welche Bedeutung hat die Sprache in Schule und Leben», написанную Г. Адольфи, однофамильцемъ профессора Юрьевскаго университета. Вотъ выдержки изъ этой статьи, буквально похожей на анекдотъ:

«Неизвѣстныя славянскія русскія народности

управляются скандинавами по ихъ правамъ, подчиняются монгольскому игу и затѣмъ призываются ихъ государями къ западно-европейской культурѣ. У нихъ не развивается собственной жизни, въ культурномъ смыслѣ, и языкъ не имѣетъ формъ выраженія для прошедшаго времени. Тогда какъ въ нѣмецкомъ языкѣ имѣются четыре формы для обозначенія прошедшаго времени, на примѣръ, отъ глагола *denken*: *ich dachte*, *ich habe gedacht*, *ich hatte gedacht*, *ich werde gedacht haben*—русская грамматика знаетъ только одинъ видъ, который образуется, повидимому, изъ остатка какого-то причастія и спрягается: «я думалъ, я думала, они думали». Замѣнить чѣмъ-либо недостающія формы невозможно, такъ какъ русскій языкъ слишкомъ мало изслѣдованъ. Обозначеніе всего условнаго частицей «бы» также доказываетъ недостаточную выразительность этого языка... Достоинство языка оцѣнивается по его выразительности; чѣмъ такая выразительность больше, тѣмъ больше образуется мыслей, тѣмъ легче передавать эти мысли. Больше всего удовлетворяютъ этой цѣли языки, происшедшіе отъ индогерманскаго источника, а изъ живыхъ языковъ этой категоріи — языкъ нѣмецкій... Поэтому... совершенно невозможно, чтобы говорящій на нѣмецкомъ языкѣ мальчикъ получалъ образованіе въ классической гимназіи на русскомъ языкѣ... Наше юношество должно сохранить нѣмечество и плоды реформаціи. Мы не

должны забывать, что... нѣмецкій духъ сталъ учителемъ всего міра!»

Вотъ вамъ образецъ нахальства и невѣжества, которое проявляютъ нѣкоторые сидящіе у насъ подъ бокомъ нѣмцы, обладавшіе до послѣдняго времени возможностью не только не учиться по-русски, но даже не имѣть элементарныхъ свѣдѣній о томъ, къ какому племени принадлежатъ дающій имъ чрезмѣрную свободу народъ! Писать о томъ, что русскій языкъ не относится къ семьѣ индоевропейскихъ языковъ, и что онъ мало изслѣдованъ, — для этого нужно быть или мужикомъ въ наукѣ, или умышленнымъ лжецомъ для достиженія опредѣленныхъ цѣлей политической пропаганды... И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы пожинаемъ то, что посѣяли: посадили въ Юрьевѣ нѣмцевъ за столъ, не думая о томъ, что они будутъ дѣлать со своими ногами...

Послѣ этого введенія я позволю себѣ перейти къ вопросу о богословскомъ факультетѣ Юрьевского университета. Если на другихъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, и не очень сильно нѣмецкое вліяніе, то богословскій факультетъ до сихъ поръ является настоящей цитаделью германизма въ Россіи. Преподаваніе ведется здѣсь на нѣмецкомъ языкѣ. Профессора Гиргенсонъ, фонъ-Бульмерингъ, Ганъ, Грассъ, Зеземанъ, Унгернъ-Штернбергъ—надежные проводники нѣмецкаго духа въ университетѣ. Даже такіе предметы, какъ практическое богословіе, читаются не на

эстонскомъ и латышскомъ языкахъ, какъ это слѣдовало бы ожидать, а на нѣмецкомъ. Число преподавателей нѣмцы стараются увеличить своими ставленниками елико возможно. И часто бываетъ, что какой-нибудь изъ профессоровъ нѣмцевъ требуетъ созданія новой доцентуры или профессуры для молодого нѣмца, хотя безъ этой доцентуры онъ обязанъ самъ читать тотъ же самый предметъ... Если взять «обозрѣнiе лекцiй» на богословскомъ факультетѣ, то легко можно замѣтить искусственность созданiя нѣкоторыхъ курсовъ. Для чего, напримѣръ, по исторiи еврейскаго народа два профессора—Бульмерингъ и Зеземанъ? Развѣ ужъ еврей такъ важны Юрьеву, что одинъ профессоръ съ ихъ исторiей справиться не можетъ?

Съ подобнымъ искусственнымъ созданiемъ профессуръ для «своихъ» людей, въ факультетѣ энергично борется одинъ только симпатизирующiй русской государственности профессоръ словакъ I. I. Квачала. Въ прошломъ году на засѣданiи совѣта отъ 20 сентября, при баллотировкѣ, пятью голосами богослововъ-нѣмцевъ прошло предложенiе о повышенiи доцентовъ Фрея и Зеземана въ экстраординарные профессора. Пятнадцать голосовъ русскихъ профессоровъ было противъ новыхъ нѣмцевъ; но нѣмецкая партiя въ двадцать человекъ побѣдила, предоставивъ оппозицию оставаться при своемъ особомъ мнѣнiи. Только во второй баллотировкѣ Зеземанъ провалился,

но безъ особаго риска для своей карьеры, такъ какъ сталъ профессоромъ по назначенію.

Вотъ что, напимѣръ, говоритъ въ своемъ «особомъ мнѣніи» по поводу этой нѣмецкой побѣды проф. Квачала: «нашему факультету нужны новыя профессуры, но именно тѣ, необходимость которыхъ уже признана всѣми инстанціями, даже генеральной консисторіей: нужны профессуры практическаго богословія на эстонскомъ и латышскомъ языкахъ. Законопроектъ объ этомъ уже давно внесенъ въ Думу, но... гдѣ-то затормозился. Никакой надобности въ тѣхъ профессорахъ, о которыхъ ходатайствуетъ факультетъ въ настоящемъ случаѣ, нѣтъ. Второго кандидата въ профессора на новую кафедру семитскихъ языковъ я считаю не только не нужнымъ, но даже опаснымъ, такъ какъ увеличеніе числа часовъ преподаванія по этому предмету въ практикѣ пастора очень мало полезно. Университеты: эрлангенскій, іенскій, кильскій, кенигсбергскій, марбургскій, ростокскій, тюбингенскій не имѣютъ больше одного профессора по этой спеціальности».

Таково мнѣніе профессора, всю жизнь свою, кажется, посвятившаго борьбѣ съ нѣмецкимъ засиліемъ въ университетѣ. Фактъ проведенія Фрея въ профессора, быть можетъ, самъ по себѣ и заурядный, но въ связи съ разоблаченіями г. Квачалы очень характерный. А что богословы-нѣмцы крѣпко держатся за предоставленную имъ свободу онѣмечиванія аудиторіи, объ этомъ двухъ

мнѣній быть не можетъ. Я побывалъ въ университетѣ въ тѣхъ аудиторіяхъ, въ которыхъ студенты-богословы слушаютъ лекціи. Совсѣмъ Германія! На доскѣ—масса объявленій на нѣмецкомъ языкѣ, да еще готическимъ шрифтомъ, нѣмецкія надписи, руководства, лекціи... И главное — аудиторія факультета въ большинствѣ состоитъ вовсе не изъ нѣмцевъ, а изъ латышей и эстонцевъ, которыхъ русское правительство позволяетъ онѣмечивать при помощи профессоровъ, не признающихъ русскихъ индоевропейцами и считающихъ, что у насъ кромѣ «думалъ, думала и думали» никакихъ другихъ формъ прошедшаго времени нѣтъ!

И не нападаю на профессоровъ-богослововъ только потому, что они нѣмцы. Происшедшій наканунѣ инцидентъ при защитѣ диссертации профессоромъ Грассомъ можетъ служить характеристикой того, какъ отдѣляютъ себя отъ Россіи и всего русскаго нѣкоторые богословы-профессора. Во время диспута профессоръ фонъ-Бульмерингъ, между прочимъ, заявилъ:

— Да, въ Россіи это дѣлается такъ. Но у насъ иначе...

И находившійся на диспутѣ проф. Б. Никольскій долженъ былъ выступить съ протестомъ противъ такого обособленія Бульмеринга отъ остальной Россіи. А выраженіе «въ Россіи, и у насъ» для прибалтійскаго правовѣрнаго нѣмца обычно. Объ этомъ упоминаетъ и Ю. Самаринъ

въ своихъ «Окраинахъ», говоря: «не могу пропустить безъ вниманія этихъ выраженій, ежеминутно поражающихъ слухъ: «ja, in Russland ist es so, aber bei uns...»

Преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ на богословскомъ факультетѣ не оправдывается ничѣмъ. Покойный Побѣдоносцевъ совершенно ошибочно считалъ, что нѣмецкій языкъ факультета спасаетъ православіе отъ вреднаго вліянія пасторовъ и отъ соблазна перехода православной паствы въ протестантизмъ. На дѣлѣ получается нѣчто обратное. Та паства, которая недовольна нѣмцами-пасторами и могла бы служить подходящимъ элементомъ для перехода въ православіе, какъ это наблюдалось, напримѣръ въ 1905 году, благодаря отсутствію языковой связи съ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, навсегда утеряна для нашей церкви. На дѣлѣ получается, что въ связи съ религіознымъ воспитаніемъ въ нѣмецкомъ духѣ, пасторы, окончившіе факультетъ, несутъ съ собою въ паству и сѣмена германизма. Массу пасторовъ-нѣмцевъ выпускаетъ «Дерптская» *alma mater* въ латышскій и эстонскій народы, и эти пасторы, конечно, далеки отъ того, чтобы воспитывать своими проповѣдями паству въ любви къ Россіи.

XXI.

Пасторы-германизаторы. -- Нѣмецкія корпораціи въ Юрьевѣ. Нѣжность Вильгельма.

И въ латышской, и въ эстонской частяхъ края мнѣ приходилось слышать безконечное число жалобъ на пасторовъ, которые не только не призывали и не призываютъ запасныхъ къ борьбѣ съ Германіей, но, наоборотъ, стараются представить Россію виновницей всего происходящаго, а Германію—невинной страдальцей. Приведу хотя бы небольшую часть примѣровъ, чтобы не быть голословнымъ. Такъ, въ приходѣ Маріи-Магдалины, недалеко отъ Юрьева, пасторъ говорилъ въ своей рѣчи, что если уже нужно воевать, то «необходимо держать сторону единовѣрцевъ». Пасторъ изъ Авинорма заявлялъ въ проповѣди, что «если нѣмцы завоюютъ край, то будетъ лучше, такъ какъ Германія культурнѣе Россіи». Приблизительно такія же мысли высказывалъ пастръ ампельскій пасторъ около Тапса. Въ Вейссенштейнѣ пасторъ Ралль даже не счелъ нужнымъ благословить уходившихъ на войну запасныхъ и довелъ паству до сильнаго возбужденія своимъ антипатріотическимъ настроеніемъ. Въ Трикатенскомъ приходѣ пасторъ, по словамъ латышскихъ газетъ, несочувственно отнесся къ просьбѣ латышей помолиться за на-

шихъ воиновъ, сражающихся съ Германіей. Женамъ запасныхъ онъ заявилъ: «Незачѣмъ молиться, когда пять волковъ раздираютъ одного ягненка». Въ Ревельскомъ уѣздѣ пасторъ высказался такъ: «Господу Богу трудно рѣшить, кому даровать побѣду въ настоящей войнѣ, такъ какъ обѣ стороны молятся. Богъ даетъ побѣду тому, кто воюетъ за правду. Дай, Господи, чтобы каждый воинъ зналъ, за что онъ сражается и жертвуетъ свою душу!»

Въ Балтійскомъ портѣ, какъ я узналъ изъ достовѣрнаго источника, есть пасторъ Гершельманъ, который былъ сначала русскимъ подданнымъ, потомъ германскимъ, а затѣмъ снова принялъ подданство русское. Настроение у него — холодное. Безучастность къ Россіи — полная... Три дочери его — германскія подданныя, почему — неизвѣстно.

Въ 40 верстахъ отъ Юрьева есть мѣстечко Рэнту, въ церкви котораго пасторомъ состоитъ нѣкій Ганзенъ, окончившій Юрьевскій университетъ. Не разъ г. Ганзенъ, по свидѣтельству крестьянъ, открыто заявлялъ свое негодованіе по адресу державъ, возставшихъ противъ всемогущей Германіи, и называлъ высшей несправедливостью нападеніе всей Европы на высококультурную страну. Въ помѣщеніи волостного суда г. Ганзенъ критиковалъ отвѣтъ Россіи на объявленіе войны Германіей, говоря, что Германія не хотѣла войны, но была вынуждена къ

тому, такъ какъ русскія войска перешли границу. Нейтралитетъ Бельгiи былъ нарушенъ не Германiей, а Францiей; Ангiя всегда была и будетъ корыстною, набивая себѣ карманъ. Въ Россiи въ скоромъ времени вспыхнетъ революцiя. Германскимъ военноплѣннымъ незаконно не выдають на пропитанiе. Все, что пишутъ русскiя газеты по поводу германскихъ звѣрствъ,—ложь и травля противъ Германiи... И съ объявленiя войны до послѣдняго времени г. Ганзенъ ни разу не отслужилъ въ церкви ни благодарственнаго молебна, ни молебна о ниспосланiи побѣдъ. Десять крестьянъ готовы подтвердить все это своими свидѣтельскими показанiями.

А вотъ тоже недурной штришекъ изъ жизни пасторовъ Эстляндской губернии. Въ 1910 году въ административномъ порядкѣ были запрошены двадцать пасторовъ: почему въ табельные дни они не служатъ полагающiеся для всѣхъ церквей молебны; пасторы эти—Керингъ, Ней, Брунсъ, Браше, Шмидтъ, Вильямъ, Маттей, Михельсонъ, Галлеръ, Массъ, Цецольдъ, Фельдманъ, Ринне, Нерлингъ, Галлеръ, Браше, Бушъ, Фрезе, Галлеръ и др. И каковъ же былъ отвѣтъ? «Мы не служимъ молебновъ,—заявили они администраци, —потому что народъ все равно не будетъ ходить».

Я бы могъ привести еще не мало аналогичныхъ примѣровъ. Но достаточно. Настроенiе нѣмецкихъ питомцевъ юрьевскаго богословскаго факультета почти у всѣхъ одинаково. Германская закваска

дѣлаетъ отлично свое дѣло. Молитвы «за братьевъ», о которыхъ я уже упоминалъ, моленія о дарованіи побѣды «оружію», неизвѣстно какому, — все это не единичные случаи, а общая, за рѣдкимъ исключеніемъ, система. Уже въ нѣмецкихъ корпораціяхъ Юрьевскаго университета, во всѣхъ этихъ «Тевтонія», «Куронія», «Fraternitas Rigensis», «Neo-Baltica», «Ливонія», «Эстонія», «Fraternitas academica» — уже начиная съ молодыхъ, находящихся на испытаніи фуксовъ, воспитывается презрительное отношеніе къ Россіи, къ русскимъ, и особая нѣжность, преклоненіе передъ Германіей. Нѣмецкій корпорантъ ниже собственного достоинства считаетъ дружбу или близкое знакомство съ русскими. Въ газетахъ уже появлялись извѣстія, какъ какіе-то корпоранты приходили въ университетъ съ бантиками германскихъ національныхъ цвѣтовъ, вызвавъ среди не-нѣмцевъ бурю негодованія. Строгая корпоративная замкнутость настраиваетъ корпорантовъ въ унисонъ, дѣлаетъ ихъ солидарными не въ пользу Россіи, и тутъ обыкновенно начинаютъ крѣпить связи между бѣдными и титулованными нѣмцами, тутъ графы пьютъ на брудершафтъ съ будущими пасторами своихъ приходовъ, куда, конечно, не попадетъ въ управленіе церковью ни эстонецъ, ни латышь. А насколько корпоративная связь считается нѣмцами священной, можно видѣть хотя бы изъ любопытной статьи нѣкоего анонима Е. М. въ нѣмецкомъ сборникѣ «Wir Bal-

ten», въ статьѣ «Die Dorptschen Korporationen und ihre Bedeutung für die Baltischen Provinzen». Въ статьѣ мы находимъ признанія, что «при современномъ развитіи университетскихъ взаимоотношеній, при прибывающемъ числѣ студентовъ, въ особенности въ то время, когда чуждый, нѣмецкій элементъ получилъ доступъ въ университетъ, — потребность въ корпораціяхъ почувствовалась въ высшей степени». «Трудная задача для корпорацій возникла во время руссифицированія края... Имъ предписано было служить носителями и поборниками нѣмечества въ балтійской провинціи. Въ старомъ нѣмецкомъ Дорпатѣ корпораціямъ легко было играть руководящую роль; тогда и все общество и вся страна стояли на ихъ сторонѣ. Гораздо труднѣе сдѣлалось ихъ положеніе, когда сонмъ русскихъ должностныхъ лицъ надвинулся на страну, лицъ, не понимающихъ совершенно ни самихъ корпорацій, ни ихъ традицій, ни ихъ стремленій. Очень скоро русскіе чиновники должны были увидѣть, что корпораціи являлись главнымъ подспорьемъ и носителями нѣмечества въ балтійской провинціи, и что поэтому руссифицированіе страны имъ до тѣхъ поръ не удастся, пока существуютъ корпораціи»...

«Печальное, тяжелое время наступило для корпорацій... Старый Universität Dorpat, слава о которомъ въ прежніи времена проникала далеко за границы русскаго государства, былъ за исклю-

ченіемъ теологическаго факультета руссифицированъ и названъ: «Императорскій Юрьевскій университетъ»—Kaiserlich Jurjewsche Universität. Прежніе способные нѣмецкіе профессора были уволены, и ихъ мѣста заняли малоцѣнные, бюрократически настроенные преподаватели... И однако, несмотря на удары судьбы, на косые взгляды правительства, — корпорации все-таки сохранили свое существованіе».

Мнѣ кажется, приведенныхъ выдержекъ довольно, чтобы изъ устъ автора-нѣмца понять, какимъ цѣлямъ служатъ нѣмецкія корпорации въ Юрьевѣ. Корпорации вмѣстѣ съ богословскимъ факультетомъ — какъ сознается цитированный авторъ, — являются, дѣйствительно, Träger'ами и Verfechter'ами германизма. Недаромъ желающихъ сдѣлаться корпорантами послушниковъ-фуксовъ строго караютъ по корпоративнымъ обычаямъ и сажаютъ на «фершиссъ» за малѣйшую ошибку въ національныхъ нѣмецкихъ пѣсняхъ. А пѣсни эти многознаменательны. Одна изъ нихъ даже взята цитированнымъ авторомъ въ видѣ эпиграфа:

«Wir müssen jung sein,
Wenn wir siegen wollen».

И эти корпоранты, которые хотятъ быть молодыми, чтобы побѣдить... кого?.. эти корпоранты продолжаютъ и понынѣ шеголять въ своихъ красныхъ фарбенъ, вродѣ тевтоновъ изъ кор-

пораціи «тевтонія»! И никто не знаетъ, что сейчасъ творится у нихъ на засѣданіяхъ... Не дико ли видѣть все это послѣ чтенія приведенныхъ откровенныхъ признаній самого нѣмца о трегерахъ Deutschlands?

Нѣтъ, нужно быть рѣшительными, твердыми. Какъ корпораціи, такъ и гнѣздо германизма, богословскій факультетъ, требуютъ немедленнаго преобразованія. Нѣмецкія корпораціи, по крайней мѣрѣ сейчасъ, въ періодъ войны, нетерпимы. Что же касается пасторовъ, то ихъ мѣста должны занимать не нѣмцы, для которыхъ нѣтъ въ сущности своей нѣмецкой паствы, а туземцы — латыши и эстонцы. Отъ туземныхъ пасторовъ Россія не услышитъ выходокъ о пяти волкахъ, нападающихъ на одного ягненка. Нѣмецкій языкъ богословскаго факультета долженъ быть уничтоженъ разъ навсегда. Профессора должны быть русскими по духу. Въ высшей степени нелѣпо для государства своими собственными руками насаждать недруговъ, внося въ вѣрноподданное туземное населеніе раздраженіе, и, угрожая кучкѣ дворянъ, показавшихъ свое истинное лицо въ нынѣшнее критическое время.

Въ комиссіи Государственной Думы прошелъ уже, несмотря на сопротивленіе Фелькерзама, Энгельгардта и Вольфа, проектъ о реформахъ богословскаго факультета. Согласно проекту, практическое богословіе будетъ читаться на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ, за которые

ратовалъ профессоръ Квачала... Но когда пройдетъ проектъ всѣхъ законодательныхъ инстанцій? Одному Богу извѣстно.

А что пасторы-нѣмцы, выпускаемые богословскимъ факультетомъ и заручившіеся въ корпораціяхъ связями, дѣйствительно являются въ нашемъ государствѣ германизаторами, въ этомъ убѣжденъ вмѣстѣ со мною и самъ императоръ Вильгельмъ. Очевидцы вспоминаютъ эпизодъ изъ недавняго прѣзда Вильгельма II въ Балтійскій портъ. Окруженный встрѣчавшими его высокопоставленными лицами, императоръ вяло слушалъ объясненія губернатора, представившаго ему кого-то изъ русскихъ... И вдругъ лицо кайзера оживилось. Не дослушавъ губернатора, онъ бросился въ сторону, подбѣжалъ къ мѣстному пастору, и сталъ крѣпко, крѣпко пожимать ему руку. Правда, пасторъ оказался впоследствии не нѣмцемъ, а эстонцемъ, который долго послѣ этого брезгливо вытиралъ руку о платье... Но Вильгельмъ этого не зналъ. И не хотѣлъ знать. Для него былъ въ данномъ случаѣ важенъ только самый символъ: пасторъ!..

XXII.

Ветеринарный институтъ въ Юрьевѣ. — Династія Каролинговъ. — Magnificentissimus. — Система Herausloben. — Пропавшая грамота.

Въ тѣни Юрьевскаго университета, заслоненный могучей фигурой своего историческаго со-сѣда, скромно пріютился забытый Богомъ и министрствомъ народнаго просвѣщенія Юрьевскій ветеринарный институтъ. Съ 1848 года хозяйничаютъ здѣсь нѣмецкіе лошадиные профессора; съ 1848 года въ институтѣ кто-то что-то читаетъ, кто-то что-то слушаетъ, кто-то засѣдаетъ, кто-то постановляетъ рѣшенія... Но кто? Что? Въ какомъ духѣ? Съ какими цѣлями? Объ этомъ русская публика никогда ничего не знала и не знаетъ.

Въ 1873 году при переименованіи ветеринарной школы въ ветеринарный институтъ первымъ директоромъ былъ назначенъ Раупахъ, Казиміръ Карловичъ. Казиміръ Карловичъ директорствовалъ до 1905 года, когда его замѣнилъ Кундзинъ, Людвигъ, тоже по отчеству Карловичъ. Людвигъ Карловичъ директорствовалъ до 1914 года, когда его смѣнилъ Гапникъ, не только Карловичъ, но и самъ Карлъ: Карлъ Карловичъ. На этомъ Карлъ Карловичъ, пожалуй, ветеринарія института достигла своего апогея. Но смѣшно думать, что

династія «Каролинговъ» можетъ все-таки погибнуть съ уходомъ Карла Карловича. Въ совѣтъ института находится непочатый уголь другихъ бодрыхъ и смѣло ожидающихъ своей очереди Карловичей, и еще недавно совѣтъ состоялъ изъ Казимира Карловича, Людвига Карловича, Эрнеста Карловича и Карла Карловича, подкрѣпленныхъ на случай надобности резервнымъ профессоромъ-библіотекаремъ Александромъ Карловичемъ Розенбергомъ.

Естественно возникаетъ вопросъ: чѣмъ объясняется подобный наплывъ Карловичей на русскую ветеринарію? Находящійся у меня въ рукахъ списокъ филистеровъ нѣмецкой корпораціи института «Fraternitas Dorpatensis» даетъ на это, кажется, нѣкоторый отвѣтъ... Подъ заголовкомъ «Adressen der Phl Phl der Fraternitas Dorpatensis» я вижу знакомыя лица. Вотъ Гутманнъ, профессоръ, бывший корпорантъ; вотъ Кундзинъ, профессоръ, бывший корпорантъ; вотъ Мальманъ, прозекторъ, бывший корпорантъ; Ниготинъ, профессоръ, бывший корпорантъ; Паукуль, приватъ-доцентъ, бывший корпорантъ; Раупахъ, профессоръ, бывший корпорантъ; Вальдманъ, профессоръ, бывший корпорантъ; Шредеръ, магистръ, бывший корпорантъ...

Видите, какъ трогательно. Члены студенческой нѣмецкой корпораціи вырастаютъ, становятся большими и сразу попадаютъ въ составъ совѣта института! Навѣрно по сельско-хозяйственному

кооперативному методу: дѣдка за рѣпку, бабка за дѣдку, внучку за бабку, Жучка за внучку. Ничего подобнаго нельзя въ этомъ смыслѣ добиться отъ другихъ корпорацій, вродѣ польскихъ, или русской «Славіи». Изъ польскихъ и русскихъ студентовъ окончившіе попадаютъ куда-нибудь въ глушь, въ земство среднихъ губерній; изъ «Fraternitas Dorpatensis», наоборотъ, если не въ профессора, то во всякомъ случаѣ въ лифляндскіе губернскіе ветеринарные инспекторы попасть не трудно. Напримѣръ, Кальнингъ, первый ветеринаръ губерніи — бывший корпорантъ, какъ значится въ спискѣ. И замѣьте: корпорація «Fraternitas Dorpatensis» официально должна носить названіе «Fraternitas Jurivensis». Но на всѣхъ бланкахъ фигурируетъ надпись «Dorpatensis». И самъ директоръ не протестуетъ, когда ему приходится подписываться на этихъ бланкахъ.

Порядки института, въ связи съ подобнымъ подборомъ преподавательскаго персонала, предугадать легко. Есть, напримѣръ, при институтѣ фельдшерская школа. И ученикамъ школы недавно приходилось подавать директору петицію о томъ, чтобы имъ разрѣшили посѣщать по воскреснымъ днямъ православную церковь! Въ институтѣ экзамены на магистранта производятся съ глазу на глазъ... Русскую корпорацію «Славію», въ которой принимаютъ участіе великороссы, малороссы и бѣлороссы, институтское

начальство не утверждало цѣлыхъ полгода. Зато, когда нынѣшній директоръ г. Гапшихъ въ этомъ году въ началѣ іюля ѣздилъ въ Лондонъ черезъ Берлинъ, его чествовали въ Берлинѣ, какъ величайшаго нѣмецкаго мыслителя въ области сапа. Во время чествованія его называли «ректоромъ института въ Дорпатѣ», и одинъ изъ ораторовъ далъ даже ему титуль: «Magnificentissimus».

При директорствѣ этого magnificentissimus^а отъ попечителя рижскаго округа недавно былъ присланъ запросъ-опросъ: не состоитъ ли кто-либо изъ преподавателей института членомъ Deutscher Verein'a. И Гапшихъ три дня и три ночи, какъ это обыкновенно полагается въ сказкахъ, не отвѣчалъ на запросъ ничего.. И затѣмъ наконецъ, приведя, очевидно, въ порядокъ всѣ очередныя дѣла, послалъ попечителю твердый рѣшительный отвѣтъ.

— Не состою.

А профессора Карловичи отвѣтили точно также: «не состою», причемъ одинъ изъ нихъ откровенно заявилъ вслухъ своему коллегѣ:

— Я не кривлю совѣстью. Въдъ попечитель спрашиваетъ не о томъ, состоялъ ли я, а о томъ, не состою ли... А я уже вчера отказался!

Какъ читаютъ лекціи всѣ Карловичи и всѣ Гутманы, Вальдманы, Мальманы и Гроссманы — объ этомъ можно многое узнать отъ студентовъ. Вотъ, на примѣръ, прозекторъ Мальманъ, который

до послѣдняго времени былъ помощникомъ прозектора. Когда Мальманъ узналъ, что ему даютъ прозектора съ жалованіемъ только на 700 рублей въ годъ больше прежняго оклада, онъ явился къ профессорамъ и заявилъ:

— Имѣйте въ виду, что я ноги помню изъ курса, а головы—не знаю. И если не прибавите, то останусь при прежнихъ занятіяхъ. Я не такой дуракъ, чтобы за 700 рублей голову учить!

А на экзаменахъ у Мальмана система спрашиванія очень своеобразна. Онъ группируетъ студентовъ по лошадинымъ ногамъ и заранее распределяетъ: одинъ отвѣчаетъ ему ногу отъ лопатки до плеча, другой—отъ плеча до локтя, третій—отъ локтя до запястья, четвертый—отъ запястья до копыта.

О томъ, какъ читаетъ лекціи бывшій директоръ Кундзинъ, я говорилъ въ предыдущей главѣ. Въмѣсто «прѣсноводныя рыбы» онъ говоритъ «простоводныя». Въмѣсто «грызуны—грузины». А профессоръ Гутманъ до того неважно говоритъ по-русски, что разобрать его рѣчь можно только студенту съ геніальной лингвистической интуиціей. Недаромъ, когда сюда пріѣзжалъ во время оно товарищъ министра народнаго просвѣщенія Анничковъ и сѣлъ среди студентовъ послушать, какъ читаетъ Гутманъ объ «аллангоисѣ», называемомъ по-русски «колбасовидной оболочкой»,—то не задумываясь отмѣтилъ у себя въ записной книжкѣ:

«Гутманъ. Лекція акушерства. Колбасовидно».

Между тѣмъ нѣмцы, не владея языкомъ, не зная головы и ограничиваясь лошадиными ногами или въ крайнемъ случаѣ, грузинями,—энергично борются въ совѣтѣ за свои насиженные мѣста Каролинговъ. Подставить подножку русскому профессору—это у нихъ мѣра высокой гражданской доблести. Они практикуютъ даже особый способъ выживанія русскихъ по методу «Негаus-loben», пользуясь которымъ расхваливаютъ своего врага передъ начальствомъ до тѣхъ поръ, пока министерство его не уберетъ.

Въ Юрьевскомъ ветеринарномъ институтѣ до начала 80-хъ годовъ официальнымъ языкомъ преподаванія считался нѣмецкій. Первымъ директоромъ здѣсь былъ П. П. Иессенъ, уроженецъ княжества Шлезвигъ. Послѣ Иессена въ исторіи института такъ и мелькаютъ Брауэль, Клеверъ и другіе приведенные раньше «маны» и Карлы. Въ 1849 году институтъ составляетъ случайной покупкой библіотеку—всю на нѣмецкомъ языкѣ. И какъ сознался въ юбилейной рѣчи лифляндскій губернский ветеринаръ Кальнигъ, «Юрьевскій ветеринарный институтъ благодаря ревностному отношенію преподавателей его къ своему дѣлу всегда стоялъ на уровнѣ современной ветеринарной медицины и былъ готовъ служить по мѣрѣ силъ интересамъ населенія и администраціи Лифляндіи». Институтъ, какъ вы видите, вмѣсто работы для всей Россіи, обслуживалъ до

послѣдняго времени своихъ нѣмцевъ, конечно, главнымъ образомъ помѣщиковъ, вѣрными слугами которыхъ и были дореформенные юрьевскіе ветеринары. Правда, въ преподаваніи на нѣмецкомъ языкѣ и въ составленіи чисто нѣмецкой библіотеки нельзя видѣть особенныхъ германизаторскихъ плановъ, такъ какъ выходившіе изъ института онѣмеченные ветеринары имѣли дѣло больше съ животными, чѣмъ съ людьми. Но безъ сомнѣнія ихъ вліяніе нѣкоторымъ образомъ отразилось и на лошадяхъ нынѣшнихъ бароновъ и графовъ, у которыхъ и верховые, и выѣздные рысаки удивительно неохотно отправлялись въ послѣдніе дни на войну противъ Германіи.

Закончу я свое восторженное описаніе дѣятельности ветеринарнаго института слѣдующимъ вопросомъ: почему институтъ до сихъ поръ не носитъ названія института Николая I? Въ протоколѣ засѣданія совѣта отъ 14 декабря 1898 года подъ № 118 было рѣшено: «Въ виду того, что Юрьевскій ветеринарный институтъ основанъ въ Божь почившимъ государемъ императоромъ Николаемъ I, а также въ виду исполнившася 50-лѣтія основанія института, г. директоръ предлагаетъ совѣту возбудить ходатайство передъ высшимъ начальствомъ о присвоеніи институту имени августѣйшаго основателя и ношенія студентами наплечныхъ знаковъ съ изображеніемъ инициаловъ императора Николая I». Подписали это рѣшеніе члены совѣта: директоръ Раупахъ,

профессора: Земмеръ, Гаппихъ, Шредеръ, Неготинъ, Гутманъ, Кундзинъ, Александровъ, Вальдманъ...

И вотъ—прошло 15 лѣтъ, цѣлыхъ 15 лѣтъ, а о ходатайствѣ совѣта ничего не слышно. Гдѣ эта несчастная неудачница-бумага? Въ пыли какого ящика обрѣла она миръ и покой?

XXIII.

Въ чьихъ рукахъ полицейская власть Курляндіи и Лифляндіи.

Прежде чѣмъ перейти къ Ревелю и къ прогремѣвшей своей «лошадиною» славою Эстляндіи, я обязанъ по мѣрѣ силъ дать заключительный курляндско-лифляндскій аккордъ, въ которомъ разрѣшались бы всѣ диссонансы двухъ губерній, построенныхъ на генераль-басѣ Германской имперіи и на нѣмецко-вагнеровскомъ контра-пунктѣ.

Конечно, никто не разрѣшаетъ диссонансовъ такъ хорошо, какъ полиція. И никакая доминанта по нѣмецкой теоріи не закрѣпляетъ общественнаго аккорда такъ, какъ доминанта полицейской власти. Поэтому всѣ многочисленные слухи и факты, всѣ сообщенія мѣстныхъ газетъ, таинственные случаи на землѣ и на небѣ, площадки на землѣ и подъ землею, уклоняющіяся отъ набора лошади, непонятные свѣжепокрашен-

ные столбы у шоссеиныхъ дорогъ съ буквою Z, спѣшно исправленныя дороги на югѣ и случайно разрушенныя мосты на сѣверѣ, вышки и шпицы, сидѣнья на деревьяхъ для ловли птицъ и дикихъ козъ, неожиданныя огни на башняхъ и ярко-бѣлыя колокольни на побережьѣ,—все это должно концентрироваться въ зрачкѣ или въ барабанной перепонкѣ представителей мѣстной полиціи и вызывать ту или иную реакцію...

Какова же эта реакція?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на послѣдній вопросъ, я приведу для примѣра хотя бы списокъ представителей уѣздной полиціи Курляндской губерніи. Настройте свою «артикуляціонную базу», какъ говорятъ лингвисты, на нѣмецкій ладъ и произносите вслѣдъ за мною:

Митавскій уѣздъ. Уѣздный начальникъ Георгъ Зассъ. Старшій помощникъ уѣзднаго начальника Фридрихъ Гервигъ. Младшій помощникъ Нарингъ.

Гробинскій уѣздъ. Уѣздный начальникъ Мейеръ. Старшій помощникъ Гутманъ. Младшіе помощники: 2-го участка Драхенгауэръ, 3-го участка Грюнеръ, 4-го участка баронъ Фитингофъ, 5-го участка Шиллингъ.

Виндавскій уѣздъ. Старшій помощникъ баронъ Бэннингаузенъ-Будбергъ. Младшіе помощники: баронъ Роппъ, фонъ Крамеръ.

Туккумскій уѣздъ. Уѣздный начальникъ Лэвингъ. Младшій помощникъ баронъ Гейкингъ.

Тальсенскій уѣздъ. Уѣздный начальникъ баронъ фонъ-Раденъ. Старшій помощникъ Эрцдорфъ-Купферъ. Младшіе: Зеefeldъ и Отго Вибекъ.

Гольдингенскій уѣздъ. Уѣздный начальникъ Бредрихъ. Старшій помощникъ Юганъ Грундтъ. Младшіе: баронъ фонъ-Ренне, Карлъ Фовелинъ.

И на всѣ эти фамилии всего четыре не то русскихъ, не то польскихъ помощника уѣздныхъ начальниковъ. Притомъ навѣрно уже порядкомъ онѣмеченныхъ, разъ они уживаются въ такой однородной компаніи!...

Нѣкоторые нѣмцы, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться въ городахъ края, упрекали меня, будто я привожу иногда малопровѣренныя слухи, не подтвержденные официально ближайшей полицейскою властью. Но я позволилъ себѣ задавать имъ откровенный вопросъ: есть ли какая-нибудь возможность провѣрять всѣ слухи и крестьянскія показанія при содѣйствіи полицейской власти, находящейся всецѣло въ рукахъ тѣхъ бароновъ, свѣдѣнія о поведеніи которыхъ желательно провѣрить? Ни для кого не секретъ, что въ Курляндіи и въ Лифляндіи нѣмецкая полиція во всемъ солидарна съ нѣмецкими помѣщиками, покрываетъ послѣднихъ во всемъ и не дѣлетъ хода почти ни одному дѣлу, которое возникаетъ противъ бароновъ. Сплошь и рядомъ мнѣ приходилось выслушивать жалобы крестьянъ на то, что помощники уѣздныхъ начальниковъ гнали ихъ въ шею,

вающе въ общественныхъ мѣстахъ, въ театрѣ. И по ходатайству мѣстной власти Леціусъ былъ наконецъ выбитъ изъ блиндажа Domschule, и переведенъ въ Нѣжинъ для испытанія тамъ той же самой геройской участи. Но Петерсонъ... Почему Петерсонъ такъ бронированъ?

XXV.

Наслѣдіе нѣмцевъ въ Ревелѣ.—Оброкъ за рубль.—Патріотизмъ въ Нюренбергѣ и патріотизмъ здѣсь.—Красный Крестъ.—Торжество присоединенія Эстляндіи.

Изъ большихъ городовъ Прибалтійскаго края одинъ только Ревель освободился въ своемъ городскомъ самоуправленіи отъ нѣмецкаго владычества. Съ 1905 года здѣсь большинство голосовъ перешло къ русско-эстонскому блоку, выбравшему головой сначала Э. Гіацинтова, послѣ смерти послѣдняго эстонца Лендера и, наконецъ И. И. Поску. И когда дѣла города попали въ русско-эстонскія руки, обнаружилось много пикантнаго... Обнаружилось то, отъ чего нѣмцы всегда открещиваются съ благороднымъ негодованіемъ, считая подобныя явленія несвойственными германской расѣ: хищенія.

Въ чертѣ города одна изъ самыхъ красивыхъ мѣстностей, пространствомъ въ 39,373 кв. саж.,

была отдана нѣмецкимъ составомъ прежней думы въ наслѣдственный оброкъ нѣкому А. Коху за ежегодную плату 5 р. 42 к., иначе говоря—за 34 к. за десятину. При этомъ наслѣдственный оброкъ полученъ Кохомъ безъ повышенія ежегодной платы. «Такой цѣны», какъ указалъ мнѣ одинъ изъ ревельскихъ городскихъ дѣятелей, «не существуетъ и не существовало на землю болѣе столѣтія въ самыхъ глухихъ уголкахъ губерніи». А тутъ—земля въ центрѣ губернскаго города въ 120 тысячъ жителей! Другой примѣръ еще удивительнѣе. Баронъ Жираръ-де-Сукантонъ, лицо болѣе богатое и вліятельное, чѣмъ Кохъ, получилъ отъ бывшаго нѣмецкаго самоуправленія въ наслѣдственный оброкъ уже не 16 десятинъ, а цѣлыхъ 23 десятины 1,030 саженой. И за рубль ежегодной платы за все, т.-е. по 4 копейки за десятину! О такихъ цѣнахъ уже неизвѣстно ничего за все историческое существованіе Ревеля. «Въ древнихъ актахъ», какъ сообщаетъ мнѣ одинъ знатокъ эстляндскихъ земельных отношеній, «сохраняется договоръ объ уступкѣ въ 1686 году одному аптекарю болотистаго мѣста, внѣ черты тогдашняго города, величиною около 20 десятинъ, за 120 сер. талеровъ, т.-е. приблизительно за 180 руб. Это составляло ежегоднаго взноса 36 копеекъ съ десятины». И что же? Прошло 228 лѣтъ, и цѣна уже не болотистой земли, а сухой, и не внѣ черты города, а внутри, стала вдругъ дешевле почти въ десять разъ!

Третій примѣръ скромнѣе, но тоже не совсемъ лишенъ денежнаго аромата. Въ самомъ центрѣ города бывшее городское самоуправленіе отдало нѣмецкому эстляндскому «обществу садоводства» двѣ десятины земли по 1 рублю ежегоднаго оброка. Двѣ десятины, которыя теперь по средней оцѣнкѣ стоятъ около милліона рублей!

Подобно оброчной землѣ обстояло въ Ревелѣ въ недавнія времена владычества нѣмцевъ и съ другими сторонами хозяйственной жизни. Возьмемъ городской оцѣночный сборъ. Такъ какъ оцѣнка недвижимостей всецѣло была въ рукахъ нѣмцевъ, то получались парадоксы, объясненіе которыхъ можетъ дать только германскій гений, вродѣ Оствальда: одинъ ревельскій нѣмецкій заводъ, приносящій чистаго дохода 150 тысячъ рублей, уплачиваетъ оцѣночнаго сбора около 1,000 руб.; между тѣмъ обыкновенный домовладѣлецъ, русскій или эстонецъ, платитъ ту же самую тысячу рублей при доходности дома въ 15 тысячъ рублей; иначе говоря, послѣдній платитъ въ десять разъ больше, чѣмъ нѣмецкій счастливчикъ! Не удивительно послѣ всего этого, что нѣмцы руками и зубами держались за власть, пока это было хоть сколько-нибудь возможно. Передъ выборами перваго русскаго городского головы Гіацинтова мѣстная нѣмецкая печать прямо рвала и метала... Не имѣя возможности ничего привести противъ этого своего врага въ

силу полной безупречности его нравственной филономіи, — газеты стали указывать, что русскій голова совсѣмъ не подходитъ къ Ревелю, такъ какъ онъ является «чужимъ» человѣкомъ, хотя и прожилъ здѣсь около 20 лѣтъ. Ненависть къ русскимъ кандидатамъ у нѣмцевъ оказалась настолько сильной, что они готовы были даже отдать свои голоса эстонцу Пятсу, который по отношенію къ нѣмцамъ былъ всегда непримиримымъ врагомъ. И теперь, когда нынѣшній голова Поска очень недурно объединяетъ эстонцевъ и русскихъ, городское самоуправленіе совершенно ускользнуло изъ нѣмецкихъ рукъ. Со скрежетомъ зубовнымъ говорятъ теперь нѣмцы о думѣ, отплеваются, проходя мимо бывшей своей «ратуши», и только въ кредитномъ обществѣ, въ гильдіи, да въ биржевомъ комитетѣ отводятъ душу, не пуская туда ни эстонцевъ, ни русскихъ. Такъ прошли дни Аранжуэца для нѣмецкаго городского самоуправления.

О любви ревельскихъ нѣмцевъ не только къ русскимъ, какъ это было съ Гіацинтовымъ, но и вообще къ Россіи, можно тоже не мало сказать. Въ прибалтійскихъ газетахъ лѣтомъ въ 1912 году появилось, на примѣръ, описаніе всеобщаго нѣмецкаго праздника въ Нюрнбергѣ. Праздникъ этотъ хотя и считается пѣвческимъ, но по словамъ газетъ, носилъ болѣе политическую окраску, чѣмъ пѣвческую, и главной цѣлью своей, судя по рѣчамъ выступавшихъ ораторовъ,

имѣлъ—объединеніе всѣхъ внутреннихъ и заграничныхъ нѣмцевъ на идеѣ германизма. На праздникъ съѣхалось, по словамъ «Голоса Либавы», до 100 тысячъ нѣмцевъ, въ томъ числѣ около 500 лицъ изъ Россіи, преимущественно изъ Прибалтійскихъ губерній. «Наши балты», — писалъ «Голосъ Либавы», — встрѣтили въ Нюрнбергѣ особенно горячій приемъ: всюду ихъ встрѣчали съ энтузіазмомъ. Для привѣтствованія балтовъ была избрана особая депутація, которая встрѣтила своихъ «истинно-русскихъ» собратьевъ съ пѣніемъ гимна: «Deutschland, Deutschland über Alles». За это балты и со своей стороны особенно старались доказать фатерланду свой шовинизмъ; въ отвѣтныхъ рѣчахъ они не жалѣли словъ, чтобы засвидѣтельствовать свою любовь къ отечеству. Во время торжественнаго шествія балты и прочіе русскіе нѣмцы находились впереди процессіи, и всѣ украсили себя германскими національными цвѣтами, знаменами и гербами. Народъ устраивалъ имъ бурныя оваціи и всюду встрѣчалъ ихъ неистовыми криками «Heil!» Особое благоволеніе приобрѣли ревельскіе нѣмцы отъ «Revaler Liedertafel», которые выдѣлялись изъ общей довольно сѣрой массы своей эlegantной внѣшностью».

Ничего подобнаго не видимъ мы теперь, во время войны, на улицахъ Ревеля. Эlegantно одѣтые нѣмцы изъ Liedertafel'я куда-то исчезли и не ходятъ по улицамъ впереди патріотическихъ

процессій. Когда кто-нибудь изъ нихъ пройдетъ дѣловой походкой по тротуару, то на пальто у него нельзя замѣтить ни русскихъ національныхъ цвѣтовъ, ни эмблемъ, ни гербовъ. Равнодушіе ко всему русскому — ни для кого не составляетъ здѣсь тайны. Взять хотя бы отдѣленіе Краснаго Креста, въ управленіи котораго почти всѣ нѣмцы, исключая, пожалуй, одной русской дамы фонъ-Львовской. Это отдѣленіе Краснаго Креста существуетъ въ Ревелѣ съ 1876 года, имѣетъ солидный капиталъ не менѣе 36 тысячъ рублей. Но около 20 тысячъ изъ этихъ денегъ забронировано, составляя какой-то никому непонятный фондъ подъ названіемъ «капитала сестеръ милосердія». Сестеръ этого нѣмецкаго отдѣленія Краснаго Креста — нигдѣ найти нельзя. За цѣлый годъ Красный Крестъ выпускаетъ ихъ 3 или 4, не больше, но зато сестрамъ обязательно выдается изъ капитала особая пенсія, помимо той, которая имъ полагается въ общемъ казенномъ порядкѣ. Что дѣлало съ 1876 года отдѣленіе? Не только въ Россіи, не только въ Ревелѣ, но даже сосѣди по улицѣ не могутъ ничего опредѣленнаго объ этомъ сказать. Извѣстно только, что предсѣдателемъ отдѣленія состоитъ баронъ Таубе, предсѣдательницей графиня Штакельбергъ. А дальше что? До войны о дѣятельности отдѣленія ничего не было слышно; ничего не слышно о немъ и теперь, во время войны.

Къ счастью для Ревеля, въ городѣ существуетъ другое отдѣленіе Краснаго Креста, подъ названіемъ «Крестовоздвиженской общины». Организованная бывшимъ губернаторомъ Шаховскимъ, община создавалась на скромныя пожертвованія русскихъ чиновниковъ, но, поддержанная общими симпатіями русскихъ и эстонцевъ, быстро стала развивать свою дѣятельность. У общины есть въ настоящее время собственныя общежитія, больница, аптека, амбулаторія для бѣдныхъ, пріемный покой для рабочихъ. Ежегодно община выпускаетъ по 10—15 сестеръ, хотя у нея и нѣтъ того «капитала сестеръ милосердія», которымъ располагаетъ нѣмецкое отдѣленіе. И сейчасъ любопытно сравнить оба отдѣленія, чтобы выяснитъ себѣ отношеніе нѣмцевъ къ войнѣ. Въ то время, какъ «община» при участіи русскихъ и эстонскихъ дамъ подъ предсѣдательствомъ г-жи Коростовецъ развернула цѣлый госпиталь на 200 кроватей, учредила еще 25 кроватей спеціально для офицеровъ, устроила ясли, приспособила пріютъ для дѣтей запасныхъ, отправила на войну два отряда сестеръ, открыла для новыхъ сестеръ спеціальныя утренніе и вечерніе курсы, куда замѣчается сейчасъ огромный наплывъ, — въ это самое время въ «нѣмецкомъ» Красномъ Крестѣ—идиллическое спокойствіе и меланхолія. Курсовъ для сестеръ нѣтъ. На войнѣ собственныхъ отрядовъ нѣтъ. Ясель нѣтъ. Пріютовъ нѣтъ. Единственно, что

дѣлають нѣмки — это помогаютъ русско-эстонскому комитету шить бѣлье для воиновъ, но, конечно, изъ готоваго оплаченнаго матеріала. Да еще 2,000 рублей пожертвовали на военныя нужды эстляндскіе дворяне, предоставившіе раненымъ свой дворянскій клубъ. Двѣ тысячи рублей въ губерніи, гдѣ одинъ хорошій, избѣгнувшій набора рысакъ стоитъ уже около 1,000 рублей!

Нѣтъ, не любятъ насъ, варваровъ, эстляндскіе нѣмцы, не любятъ. Вотъ передо мною матеріалы, относящіеся къ исторіи недавнихъ дней, къ двухсотлѣтію присоединенія Эстляндіи и Лифляндіи къ Россіи. Казалось бы, при малѣйшей симпатіи къ государству, въ которомъ находишься 200 лѣтъ, можно было бы найти хоть два теплыхъ слова, не больше... А хотите знать, какими теплыми словами нѣмцы отпраздновали присоединеніе? Извольте.

Въ программѣ торжества, устроеннаго заправилами мѣстнаго отдѣленія Deutscher Verein'a значилось: драма, сочиненная какимъ-то мѣстнымъ барономъ, затѣмъ вступительное слово предсѣдателя барона Штакельберга, и, наконецъ, хоровое пѣніе. Программа, какъ программа. Но вступительное слово предсѣдателя оказалось неожиданнымъ.

«Намъ не нужно стыдиться своихъ предковъ, сложившихъ оружіе передъ Петромъ Великимъ», сказалъ баронъ Штакельбергъ; «намъ не нужно

прикрывать покрываломъ наше прошлое. Мы стремились и ошибались, мы были слѣпы и малодушны, упорны и близоруки. Мы колебались между парализующей заботой и строгимъ исполненіемъ долга. Мы упустили многое и многое потеряли. И тѣмъ не менѣе лучшее мы сохранили: вѣрность самимъ себѣ и надежду на нашу будущность!»

На эту блестящую рѣчь, на эту въ высшей степени лояльную рѣчь, съ упоминаніемъ о вѣрности... себѣ и о колебаніи «между заботой и исполненіемъ долга» отвѣчалъ въ проникновенныхъ словахъ кассиръ Deutscher Verein'a Штремъ. А когда Штремъ кончилъ, предсѣдатель опять вышелъ впередъ и сказалъ заключительную рѣчь, въ которой выразился такъ:

«Впечатлѣнія этого дня я желалъ бы заложить въ васъ еще глубже; но лучше пусть это сдѣлаетъ поэтъ нашего края, который скажетъ вамъ о томъ, что насъ движетъ впередъ и вверхъ!»

И поэтъ выступилъ. Сначала было прочитано одно стихотвореніе, потомъ другое. Оба произведенія оказались великолѣпными. Они показали въ прозрачныхъ символахъ то, что въ дѣйствительности «движетъ» нѣмцевъ «впередъ и вверхъ». Конечно, въ нихъ не нужно искать какихъ-нибудь дружескихъ словъ по отношенію къ Россіи. О государствѣ, двѣсти лѣтъ кормившемъ нѣмцевъ лучшими отборными кусками со своего стола, объ этомъ государствѣ, отъ котораго

нѣмцы видѣли въ тысячу разъ больше хорошаго, чѣмъ всѣ окраинные народы вмѣстѣ взятые, объ этомъ государствѣ, повторяю, на «чествованіи» двухсотлѣтія не было сказано ни слова. Не было этого и въ стихотвореніяхъ, рекомендованныхъ вниманію присутствовавшихъ барономъ Штакельбергомъ. Но зато было здѣсь нѣчто другое, кое-какіе мотивы изъ Нибелунговъ, звуки Вотана, шумъ отъ полета Валкирій... И политика, политика, политика...

Не угодно ли:

Сентябрьская ночь повисла туманно и тяжело
 Надъ болотами и каменистой землей,
 У нѣмыхъ балтійскихъ скалъ
 Тихо колыхалось прохладное море.
 Вдали блестѣлъ серпъ луны,
 Сквозь серебристо-зеленыя волны тумана.
 Одиноко было въ комнатѣ. У камина
 Сидѣлъ мужчина. Это былъ нѣмецкій Михель.
 Сегодня не вспыхнетъ въ каминѣ яркій свѣтъ...
 Умирая, тлѣютъ красные уголья.
 Чу! Кто-то стучитъ... Тихими шагами
 Приближается сюда сѣдая женщина.
 Сѣрая, въ обыкновенномъ одѣяніи монахини,
 Стоитъ *Забота* передъ дверью Михеля.
 Вся въ покрывалѣ, которымъ сестра ея «Страхъ»
 Окутала ей голову...
 И *Забота* подходитъ къ безмолвному мужчинѣ,
 Неподвижно смотритъ на него впалыми глазами,
 Которые высасываютъ кровь изъ сердца человѣческаго,
 И поднимаетъ блѣдную руку...
 «Зачѣмъ ты пришла?—вопрошаетъ онъ.—Зачѣмъ?»

Смотри, шипами усѣяна моя дорога,
 Развѣ хочешь ты сегодня возбудить во мнѣ мрачную тоску
 По кончинѣ дней моихъ?
 Да, я знаю,—я сталъ теперь другимъ,
 Чѣмъ былъ въ то время, когда въ послѣдній разъ
 Съ ясными очами, весь одѣтый въ блестящую сталь,
 Вступилъ своей ногой на этотъ берегъ.
 Устала моя рука за тяжелымъ плугомъ,
 Ибо земля вокругъ скалистой могилы Калева
 Распростирается далеко. Она сурова и скудна
 И отняла у меня силы для высокоаго взлета.
 Достаточно долго стоялъ я въ бурѣ и ужасѣ,
 Болѣе семисотъ долгихъ лѣтъ...»
 И сѣрая женщина съ сѣдыми волосами
 Не промолвила ни слова и тихо скользнула чрезъ дверь...
 Уголья тлѣютъ мутнымъ свѣтомъ,
 Опять стучатся... И теперь стоитъ *Обязанность*,
 Задумчивая женщина, въ комнатѣ Михеля.
 Кругомъ лба носить она мѣдный обручъ.
 Съ высоко поднятой головой выглядываетъ изъ темноты,
 Подаетъ Михелю свою крѣпкую руку
 И говоритъ: «Что ты смотришь такъ озабоченно?
 Многимъ бурямъ ты оказалъ уже, вѣдь, сопротивление!
 И себѣ новый и крѣпкій домъ
 Выстроилъ ты пять лѣтъ тому назадъ.
 Бросалъ ты много разъ посѣвы въ землю,
 И еще несетъ теплотой отъ твоего очага.
 Ты вѣдь любишь свою мать-землю,
 Поэтому, дорогой Михель, устой на мѣстѣ!
 Мечемъ ты ничего не достигнешь,
 А щитомъ защищай
 Свою широкую грудь и вѣрь мнѣ:
 Побѣждать ты будешь по *моему* мановенію!»
 И она уходитъ. И кругомъ тускло,
 Сѣро, все во мракѣ... Какъ долженъ онъ судьбу побѣдить?
 Можетъ ли странникъ прорваться сквозь мглу,

Если ни одна звѣзда не освѣщаетъ пути?
 И зашумѣло вдругъ, какъ отъ золотого блеска весны...
 Михель удивляется: юная дѣва
 Несется къ нему въ свѣтлыхъ одеждахъ.
 Цвѣты у нея,—красные и бѣлые,
 Глаза ея такъ ясны и свѣтлы,
 Какъ прекрасно-голубая волна моря.
 «Смотри, это я — *Надежда*,— говоритъ она тихо.
 — Приготовляйся къ новому шествію!
 Смотри, тамъ мерцаетъ свѣтъ, тамъ стремленіе
къ совершенству,
 Иди только—улыбается она,—я полечу впереди...»
 И она лобзаетъ его загорѣвшую щеку.
 Опять все темно вокругъ него.
 Но радостно смотреть онъ въ даль,
 Высоко на небѣ сіяютъ всѣ звѣзды,
 Спокойно отражаетъ ихъ сіяніе моря.
 И серебристый дискъ луны
 Льетъ свѣтъ на мускулистый станъ Михеля..
 И если ему исполнится даже много тысячъ лѣтъ,
 Все-таки молодое будетъ въ немъ биться сердце.

Таково первое стихотвореніе о «Заботѣ, обя-
 занности и надеждѣ», надеждѣ, покоящейся на
 «новомъ и крѣпкомъ домѣ», который Михель вы-
 строилъ «пять лѣтъ назадъ» — въ 1905 году,
 въ дни революціи. А вотъ другое стихотворе-
 ніе, не менѣе любопытное, чѣмъ первое, и тоже
 прочитанное на торжествѣ присоединенія лояль-
 нымъ повѣтомъ съ согласія лояльнаго Штакель-
 берга:

ПѢСНЯ О РОДИНѢ.

Соч. Христофъ Миквицъ.

О, родина! На крыльяхъ вдохновенья
 Плыветъ наша пѣсня къ чести твоей!
 Какъ шумъ бури будетъ она громко звучать,
 Какъ колоколь—чисто, полнозвучно и величественно.
 Съ курляндской лѣсистой страны,
 Черезъ лифляндскія межгорныя равнины,—
 Звонко несется она въ стройномъ трезвучіи къ бере-
 гамъ Эстляндіи...

Здравствуй, о старая родина!
 Какъ шумитъ море у твоихъ бѣлыхъ береговъ
 И поетъ пѣсню о старой мощи Ганзы!
 Какъ хвастаются твои ели, гордые и сильныя,
 Одиноко стоя стражей на высокой скалѣ!
 Если бури сокрушаютъ ихъ,
 Онѣ оказываютъ сопротивленіе и бурѣ и непогодѣ,
 Ибо корни ихъ, черезъ камень и песокъ,
 Глубоко проникли внутрь старой родины.
 И стойкая противъ всякой непогоды, держа гордые го-
 ловы въ высь,
 Стоитъ около тебя краса сыновъ твоихъ,
 Сжавъ руку въ кулакъ, способная схватить за рукоятку
 мечъ,
 Готовая протянуть руку къ крѣпкому братскому руко-
 пожатію,
 Въ борьбѣ и въ любви
 Кровью сердца желающая подписать залогъ вѣр-
 ности Тебѣ.
 Такъ ограждаютъ Тебя, обвинивъ рукою руку,
 Сыны родины, о старая родина!
 Пусть горе, пусть радость пройдутъ черезъ наши дни,
 Мы устойчивы, соединенные неразрывно;

«Въ вѣрности надежень» — должно остаться нашимъ ло-
зунгомъ,
 Какъ это было гордостью и честью нашихъ отцовъ,
 И чтобы это наслѣдіе отцовъ
 Не умирало у насъ и не погибало,
 Подтвердите своей клятвой, вы, братья, родствен-
 ные по племени,
 Старую вѣрность своей старой родинѣ!

Говорятъ, что эстляндскій губернаторъ три дня лежалъ въ постели послѣ подобнаго торжества нѣмцевъ въ честь присоединенія.

XXVI.

Нѣмцы законники. — Метаморфоза. — Лошадиные процессы. — Скверный сонъ. — Историческая нѣжность къ лошадямъ.

До войны прибалтійскіе помѣщики поражали всѣхъ своей принципиальностью. Мнѣ извѣстенъ былъ случай, когда въ Митавско-Баускомъ уѣздѣ нѣсколько лѣтъ назадъ въ имѣніи одного юридическаго графа было подано въ судъ на садовника; садовникъ подарилъ своей невѣстѣ изъ числа разводившихся въ питомникѣ графа цвѣтотъ два кустика бегоніи стоимостью въ 60 копеекъ. И дѣло о «воровствѣ» прошло двѣ инстанціи, причемъ въ первой садовникъ былъ осужденъ, а во второй оправданъ...

Въ Туккумскомъ уѣздѣ нѣкій баронъ привлекъ нѣсколько лѣтъ назадъ свою прачку за утайку двухъ кусковъ мыла, не использованныхъ при стиркѣ до самаго конца. Для веденія дѣла былъ приглашенъ присяжный повѣренный. И судъ въ первой инстанціи осудилъ прачку, а во второй оправдалъ.

Въ 1913 году эстляндскій помѣщикъ фонъ-Гарпе возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ проживающаго у него урядника Оскара Керма, 65 лѣтъ отъ роду, а также жены урядника, обвиняя ихъ въ кражѣ кружки жидкихъ отбросовъ съ винокуреннаго завода—такъ называемой «барды». Стоимость кружки барды определена была самимъ ф.-Гарпе въ одну восьмую копейки. Мировой судья оправдалъ, какъ урядника, такъ и жену его. На аппеляцію ф.-Гарпе съѣздъ отвѣтилъ также оправданіемъ обвиняемыхъ, несмотря на то, что самъ фонъ-Гарпе явился въ судъ и поддерживалъ лично обвиненіе. Товарищъ прокурора далъ заключеніе объ утвержденіи оправдательнаго приговора и со своей стороны предложилъ признать обвиненіе фонъ-Гарпе недобросовѣстнымъ. Съѣздъ утвердилъ оправдательный приговоръ и согласился во всемъ съ прокуроромъ.

Но фонъ-Гарпе настойчивъ. И дѣло перешло въ Сенатъ, гдѣ жалоба, конечно, была также безъ послѣдствій. Фонъ-Гарпе потерялъ одну восьмую копейки плюсъ судебныя издержки, но

его правовое чувство было удовлетворено: всѣ инстанціи были использованы.

Такъ вотъ какое преклоненіе передъ закономъ наблюдалось у прибалтійскихъ помѣщиковъ до начала войны... И вдругъ метаморфоза! До сихъ поръ прокуроры писали:

«... На основаніи вышеизложеннаго, крестьянинъ такой-то волости привлекается»...

Теперь тѣ же прокуроры, не вѣря глазамъ своимъ, дрожащей рукой выводятъ:

«... На основаніи вышеизложеннаго потомственный дворянинъ, почетный мировой судья, камергеръ, баронъ такой-то, привлекается...».

По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, въ одной Эстляндіи можно ожидать цѣлыхъ 47 процессовъ по недоводу лошадей. Вслѣдъ за извѣстными уже въ печати осужденными и привлеченными баронами—преданъ суду управляющій имѣніемъ графини Коцебу г. Пермансонъ. Далѣе преданы суду: фонъ-Гукъ, завѣдывавшій конскимъ участкомъ, и Бауэръ, содержатель почтовой станціи; недоводъ лошадей обнаруженъ на глазахъ у крестьянъ въ Вейсенштейнскомъ уѣздѣ у барона Вреде; въ Ревельскомъ уѣздѣ у фонъ-Валя; въ имѣніи Тойсъ у барона Врангеля; въ имѣніи Тамикъ у барона Ферзена № 2; въ имѣніи Сомпе у фонъ-Рентельна; въ имѣніи Габать у фонъ-Гунніуса...

О дѣлѣ Делингсгаузена, Гойнингенъ-Гюне и Ферзена я говорить ничего не буду, такъ какъ

когда они являлись къ нимъ съ сообщеніями о подозрительномъ случаѣ въ сосѣднемъ имѣніи. Бывало, что въ отвѣтъ на свидѣтельскія показанія, какой-нибудь младшій помощникъ грозилъ крестьянамъ арестомъ, если они не бросятъ свои глушыя выдумки и не прекратятъ толки о наблюдавшихся на помѣщичьей землѣ загадочныхъ явленіяхъ. И въ такомъ положеніи находятся не только крестьяне. Даже русскіе урядники, которые обыкновенно всецѣло зависятъ отъ помѣщиковъ, получая отъ нихъ и квартиру, и содержаніе, даже эти урядники ничего не могутъ подѣлать, когда долгъ службы подсказываетъ имъ необходимость доложить кое-что по начальству. Почти все остается погребеннымъ въ таинственныхъ дебряхъ канцеляріи помощника уѣзднаго начальника. Рѣшившійся на «донесеніе» урядникъ попадаетъ съ одной стороны на замѣчаніе начальства, съ другой стороны вызываетъ юпитерскій гнѣвъ олимпійца-помѣщика, снабжающаго неблагодарнаго чина дровами и квартирой. И попытки служить вѣрой и правдой своему отечеству быстро гаснутъ у честнаго урядника...

Вотъ условія, при которыхъ «слухи» о явленіяхъ на помѣщичьей землѣ могутъ получать распространеніе. Никто не рѣшится, я думаю, утверждать, что для подтвержденія и провѣрки этихъ слуховъ условія создались очень удобныя. Но зато можно быть увѣреннымъ въ одномъ,

что очень важно: въ томъ, что факты, во всякомъ случаѣ многочисленнѣе, чѣмъ слухи. Боясь помѣщиковъ и ближайшаго полицейскаго начальника-нѣмца, крестьяне и урядники рѣдко когда рѣшаются выступить. Иногда только, вырвавшись въ городъ по какимъ-нибудь дѣламъ, крестьянинъ зайдетъ въ редакцію мѣстной газеты и сообщить ей свои свѣдѣнія. Но провѣрить его показанія ни одной редакціи обыкновенно нѣтъ никакой возможности, такъ какъ подобная провѣрка всегда встрѣтитъ суровый отпоръ, какъ со стороны помѣщика, такъ и со стороны нѣмца—помощника уѣзднаго начальника. Показанія крестьянина, часто неточныя въ силу малой интеллигентности свидѣтеля, идутъ въ печать, и неточность ихъ только усугубляетъ безотрадность картины: точно свѣдѣнія даются изъ враждебной страны, куда настоящая государственная власть не имѣетъ свободнаго доступа!.. Да зачѣмъ далеко ходить за примѣромъ? Когда присланный въ край по «лошадинымъ» дѣламъ вице-директоръ департамента министерства внутреннихъ дѣлъ П. П. Харламовъ поѣхалъ въ Лифляндію и Курляндію, онъ попалъ въ такой заколдованный кругъ нѣмецкой полиціи, что принужденъ былъ взять къ себѣ въ помощь чиновника изъ Эстляндіи, гдѣ комендантъ Герасимовъ и губернаторъ Коростовецъ, не въ примѣръ своимъ южнымъ коллегамъ, стойко борются съ захлестывающими русскую государственность

остзейскими волнами. Въ Лифляндіи и Курляндіи, какъ видно, не нашлось чиновника, независимаго, не боящагося мести всемогущихъ бароновъ! И это тогда, когда само правительство отправляетъ своего ревизора. Что же можно сказать про безпомощность русскихъ и туземцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они хотятъ разобратся въ слухахъ по своей собственной инициативѣ безъ помощи официального Петрограда?

Итакъ, пусть нѣмцы оставятъ при себѣ упрекъ въ «непровѣренности» слуховъ и фактовъ. Они сами виноваты, если иногда въ печати бываютъ неточности. Но очевидно, эти неточности для большинства изъ нихъ пріятнѣе, чѣмъ настоящая широкая гласность. Иначе они давно сами потребовали бы добровольныхъ обысковъ на чердакахъ своихъ городскихъ домовъ и широко раскрыли бы ворота имѣній, приглашая туда жандармскую и слѣдственную власть. И съ ихъ стороны было бы очень патріотично совершить этотъ шагъ, нисколько не унижающій дѣйствительно лояльнаго гражданина, желающаго прійти на помощь государству въ борьбѣ со шпіонажемъ... Это было бы гораздо патріотичнѣе, чѣмъ ѣздить депутаціями въ столицу и по испытанному шаблону нашептывать о приближеніи мнимой латышской и эстонской революціи или запрашивать себѣ различныя льготы по случаю закрытія корчмъ и прекращенія дѣятельности винокуренныхъ заводовъ.

Безнадежность полицейскаго дѣла въ Курляндіи и Лифляндіи подтверждается хотя бы еще однимъ живымъ примѣромъ: «лошадиными» дѣлами. Въ то время, какъ у энергичныхъ Герасимова и Коростовца въ Эстляндіи сразу раскрыто 47 дѣлъ о злоупотребленіяхъ при наборѣ лошадей,—на югѣ офиціально пока все обстоитъ благополучно. Благополучно!

Въ одной изъ ближайшихъ главъ я постараюсь изобразить это благополучіе, насколько позволятъ мнѣ мои «непровѣренные» свѣдѣнія. Но и теперь можно удивляться при сопоставленіи «лошадиныхъ» дѣлъ на сѣверѣ и на югѣ. Неужели только Эстляндія хромаетъ на всѣ четыре ноги своихъ лошадей, а Лифляндія и Курляндія—совершенно здоровы? Лифляндія и Курляндія, гдѣ создавалась *Wacht im Ost*, гдѣ лѣсники и управляющіе—германскіе подданные, гдѣ всегда гостили многочисленные германскіе офицеры, гдѣ многіе сыновья, братья или кузены—воюютъ съ нами на восточно-прусскомъ фронтѣ? Не приходитъ ли на умъ, что тутъ дѣло вовсе не въ лошадяхъ, а въ кое-какихъ облеченныхъ властью людяхъ?

Для характеристики патріотизма представителей полицейской власти края я позволю себѣ привести только два факта. Одинъ изъ нихъ можетъ подтвердить членъ Государственной Думы. За достовѣрность другого отвѣчаетъ совѣтъ одной русской общественной организаціи. Вотъ эти факты.

Въ гор. Феллинѣ Лифляндской губерніи въ началѣ войны была устроена по почину мѣстныхъ жителей—русскихъ и эстонцевъ—патріотическая манифестація. Манифестанты несли портретъ Государя и съ пѣніемъ русскаго гимна направились по главной улицѣ, когда имъ навстрѣчу вышелъ исправляющій должность уѣзднаго начальника баронъ Вольфъ. Баронъ приказалъ манифестантамъ разойтись и сталъ разгонять толпу. Нѣкоторые изъ участниковъ были сбиты съ ногъ; одного пришлось увезти на извозчикъ домой. А баронъ, не ограничившись разгономъ, послалъ губернатору донесеніе, въ которомъ сообщилъ, что жители Феллина устраиваютъ безпорядки, и отъ губернатора получилъ приказъ, запрещающій впредь подобныя сборища.

Другой фактъ. 22 октября въ мѣст. Штокмансгофъ, рижскаго уѣзда, по случаю объявленія войны Турціей Россіи жителями была устроена патріотическая манифестація. Толпа несла національные флаги и пѣла «Боже, Царя храни...» И тутъ опять та же исторія. Младшій помощникъ уѣзднаго начальника фонъ - Винтеръ потребовалъ прекращенія манифестаціи, а организаторовъ ея, студентовъ, пригласилъ на станцію въ жандармскую комнату и въ присутствіи двухъ «свидѣтелей»-нѣмцевъ составилъ протоколь!

Не знаю, стоитъ ли послѣ этихъ двухъ примѣровъ добавлять что-нибудь отъ себя. Стоитъ

ли послѣ этого удивляться, что темные слухи волнуютъ населеніе по всякому поводу, часто быть можетъ и безъ основаній? Населеніе не вѣритъ помѣщикамъ, населеніе не вѣритъ полиціи. А высшая администрація губерніи видитъ все это, слышитъ, читаетъ газеты и вмѣсто заботы объ интересахъ государства, судится съ лакеями или подписываетъ разрѣшеніе на десять ружей знакомому барону.

И еще острѣе станетъ наше недоумѣніе, когда мы вспомнимъ, что въ рукахъ нѣмцевъ сейчасъ находится не только общая полиція съ подневольными баронамъ урядниками, но и специальная «мызная полиція», изобрѣтенная давно самими помѣщиками и офиціально утвержденная въ видѣ привилегіи счастливыхъ прибалтійскихъ дворянъ. Въ этой мызной полиціи помѣщики являются уже полными распорядителями. Они сами производятъ здѣсь назначенія, увольняютъ, замѣщаютъ мѣста. Управляющіе ихъ имѣніями обыкновенно стоятъ и во главѣ мызной полиціи. Черезъ эту удивительную «полицію» проходятъ офиціальныя бумаги, черезъ нее направлялись даже недавно «розовые» мобилизаціонныя пакеты... Черезъ управляющихъ, среди которыхъ встрѣчались германскіе подданные! А постановленія волостныхъ сходовъ эта мызная полиція игнорируетъ; надъ ней нѣтъ никакой иной власти, кромѣ власти помѣщика, который такимъ образомъ держитъ въ рукахъ всю полицію, и

общую, и специальную, самъ себя контролируетъ, самъ слѣдитъ за своею лояльностью и дѣлаетъ за стѣнами своего замка все, что только хочетъ его направленная къ германской границѣ лѣвая нога...

XXIV.

**Въ Эстляндіи. Ревель. Борьба съ нѣмцами.
Изъ архива кн. Шаховскаго. Петерсонъ.**

Когда я пріѣхалъ въ Ревель, запрещенія говорить по-нѣмецки тутъ еще не было. Въ гостиницѣ поэтому мнѣ отвѣтили по-нѣмецки, когда я попробовалъ заговорить по-русски, а когда я запротестовалъ, мнѣ пригрозили, что будутъ отвѣчать только по-эстонски. Видно, у населенія Ревеля, какъ и въ Юрьевѣ, государственнымъ языкомъ до сихъ поръ считается нѣмецкій, почему эстонцы вполне справедливо не находятъ нужнымъ знать по-русски, разъ нѣмцы являются господствующимъ народомъ. А какъ нѣмцы увѣрены до сихъ поръ въ этомъ господствѣ, я убѣдился сейчасъ же по пріѣздѣ, когда случайно зашелъ въ одинъ гастрономическій магазинъ. Русскій морякъ, покупавшій здѣсь ветчину, слыша вокругъ нѣмецкую рѣчь, не выдержалъ. Повысивъ голосъ, онъ обратился къ хозяину:

— Послушайте! Я бы попросилъ вашихъ служащихъ не говорить по-нѣмецки! Вы думаете, что здѣсь Германія?

На что хозяинъ съ гордостью отвѣтилъ:

— Нѣтъ, здѣсь колбасная.

На улицѣ мнѣ пришлось видѣть также одну нѣмецкую дѣвицу. Она была одѣта въ матросскій костюмъ, а на шапочкѣ у нея красовалась лента съ трогательной надписью «Hohenzollern». Не дочь ли это принца Генриха Прусскаго?

А въ Ревелѣ нѣмцевъ совсѣмъ не такъ много, какъ это имъ самимъ кажется. Въ 1910 году изъ 94 тысячъ населенія ихъ было всего 13,297 человекъ. Теперь при 120 тысячахъ населенія ихъ не болѣе 15 тысячъ, т. е. всего-на-всего одна восьмая часть горожанъ. Но и эта цифра въ 15 тысячъ должна быть больше дѣйствительной. Не нужно забывать, что онѣмеченные эстонцы и русскіе до войны любили зачислять себя въ культуртрегерскую націю. Старообрядецъ Барховъ переименованъ здѣсь нѣмцами въ Ваггофф; Нащекинъ преобразился въ фонъ-Носакена, Даниловъ—въ Данилеръ, Радецкій—въ фонъ-Радеке. Какъ и въ Ригѣ, тутъ есть свой фонъ-Антроповъ; а что касается эстонцевъ, то онѣмеченныхъ среди нихъ нѣсть числа. Въ Юрьевѣ проживаетъ нѣкій «нѣмецъ» Матизенъ. Его однажды спросили:

— Вы нѣмецъ?

— Да.

— Но почему же у васъ въ деревнѣ есть братъ Матизенъ, который считаетъ себя настоящимъ эстонцемъ?

— Ахъ, вѣдь онъ мужикъ!

Война сильно уменьшила теперь число нѣмцевъ. Многіе онѣмеченные чиновники эстонскаго и латышскаго происхожденія сразу заговорили вдругъ на родномъ языкѣ. До сихъ поръ кому изъ эстонцевъ или русскихъ хотѣлось пробиться «вверхъ» и войти въ кругъ настоящей эстляндской интеллигенціи, тому нужно было непременно сдѣлаться нѣмцемъ. До восьмидесятыхъ годовъ въ Ревелѣ по-русски нельзя было совсѣмъ говорить, а что касается дѣлопроизводства, то оно въ нѣкоторыхъ областяхъ общественно-административной жизни до сихъ поръ не вполне освободилось отъ нѣмецкины. Бывшій эстляндскій губернаторъ кн. Шаховской, талантливый и энергичный насадитель русской государственности въ краѣ, до изнеможенія воевалъ въ Ревелѣ и съ губернскимъ предводителемъ Тизенгаузеномъ, и съ городскимъ головою Грейфенгагеномъ по поводу языка въ официальныхъ бумагахъ. Вотъ, напримеръ, выдержки изъ перваго тома «Архива кн. С. В. Шаховскаго», тома, всецѣло посвященнаго «введенію русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ и общественныхъ собраніяхъ» Эстляндіи. Эти выдержки въ миниатюрѣ покажутъ вамъ съ какимъ трудомъ, съ какой невѣроятной настойчивостью приходилось Шаховскому отвоевывать у нѣмцевъ каждую пядь «нѣмецкой» земли и приучать упрямыхъ культуртрегеровъ къ той мысли, что они принадлежатъ не Германіи, а Россійской имперіи.

Въ письмѣ отъ 6 іюня 1885 года къ министру вн. дѣлъ Шаховской пишетъ:

«Вскорѣ послѣ моего прїѣзда въ Ревель явился ко мнѣ здѣшній городской голова Грейфенгагенъ и между прочимъ просилъ меня сохранить существовавшій доселѣ порядокъ въ служебныхъ съ нимъ сношеніяхъ, по которому губернаторъ писалъ ему бумаги на русскомъ языкѣ, а голова отвѣчалъ ему на нѣмецкомъ. Въ отвѣтъ на это я развернулъ передъ г. Грейфенгагеномъ городское положеніе и прочелъ ему Высочайше утвержденныя правила о примѣненіи гор. положенія къ городамъ прибалтійскихъ губерній... При этомъ я добавилъ, что не считаю себя въ правѣ ни на шагъ отступать отъ требованій закона... На это Грейфенгагенъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ самъ законъ уважаетъ и всегда готовъ подчиниться его требованіямъ.

Между тѣмъ на другой же день я получилъ отъ него бумагу на нѣмецкомъ языкѣ... Затѣмъ 4 іюня голова явился ко мнѣ снова и между прочимъ сообщилъ, что по поводу нашего перваго объясненія онъ сносился съ рижскимъ и митавскимъ городскими головами, и что нынѣ онъ радъ оказать мнѣ пріятную услугу сообщеніемъ, что на будущее время, въ виду незнанія мною нѣмецкаго языка, онъ будетъ мнѣ писать хоть и по-нѣмецки, но съ приложеніемъ засвидѣтельствовавшаго переводчикомъ русскаго перевода. Что же касается до протоколовъ думскихъ

засѣданій, то онъ попрежнему будетъ доставлять мнѣ ихъ по-нѣмецки, прилагая, впрочемъ, переводъ тѣхъ статей, которыя, по его мнѣнію, могутъ въ интересахъ города заслуживать наибольшаго моего вниманія».

Въ письмѣ отъ 13 іюня Шаховской продолжаетъ:

«... Циркуляръ мой городскимъ головамъ объ употребленіи впредь въ сношеніяхъ съ правительственными учрежденіями и лицами... русскаго языка, возбудилъ большое неудовольствіе и раздраженіе среди нѣмецкихъ представителей мѣстнаго общественнаго управленія. Вчера происходило у Грейфенгагена особенно многолюдное по этому вопросу собраніе, на которомъ, впрочемъ, не присутствовало ни одного русскаго и ни одного эстонца. На совѣщаніи приняты слѣдующія рѣшенія: 1) энергично отстаивать національныя права, въ ряду которыхъ главное мѣсто занимаетъ нѣмецкій языкъ; 2) сопротивляться всѣмъ мѣрами... употребленію языка русскаго.

Въ заключеніе позволю себѣ доложить вашему высокопревосходительству, что послѣ столькихъ послабленій, которыя были столь долго въ Эстляндской губерніи допускаемы представителемъ правительственной власти, а также различныхъ частныхъ сдѣлокъ и соглашеній, которыми отмѣнялся законъ, мнѣ крайне трудно поставить скомпрометированную здѣсь правительственную власть на надлежащую высоту».

А какъ дѣйствительно компрометировали эту власть русскіе чиновники, можно видѣть хотя бы изъ письма Шаховскаго отъ 17 іюня, гдѣ князь пишетъ: «... Я обратился къ проживающему здѣсь бывшему губернатору тайному совѣтнику Поливанову... Тайный совѣтникъ Поливановъ объяснилъ мнѣ, что представители города были настолько огорчены... употребленіемъ губернаторами въ перепискахъ съ ними русскаго языка, что онъ, чтобы не огорчать ихъ еще больше, не настаивалъ на томъ, чтобы и они тоже отвѣчали ему по-русски и представляли на русскомъ языкѣ протоколы засѣданій»...

И вотъ наступилъ день засѣданія думы, на которомъ было рѣшено подать жалобу «на незаконныя дѣйствія губернатора». «Грейфенгагенъ,— сообщаетъ министру въ письмѣ отъ 18 іюня Шаховской,— со мной согласился не допускать обсуждения вопроса въ думѣ... Но открылось засѣданіе. Поднялся гласный фонъ-цуръ Мюленъ съ требованіемъ возможно скорѣе принести жалобу въ Сенатъ на губернатора. Послѣ этого поднялось 42 нѣмецкихъ гласныхъ... И городской голова заявилъ, что онъ со своей стороны готовъ оказать полное содѣйствіе къ осуществленію стремленій большинства гласныхъ».

Въ концѣ концовъ Шаховскому удалось все-таки свалить нахальнаго Грейфенгагена, хотя послѣ удаленія его князю порядкомъ пришлось повоевать съ гласными-нѣмцами, устранившими

противъ него на засѣданіяхъ форменныя демонстраціи. Кончилась исторія съ Грейфенгагеномъ, началась война съ губернскимъ предводителемъ дворянства графомъ Тизенгаузеномъ; вотъ, на примѣръ, интересная выдержка изъ письма отъ 17 августа:

«Вчерашняго числа я получилъ отъ графа Тизенгаузена отношеніе слѣдующаго въ дословномъ переводѣ содержанія: «Въ виду того, что... отношеніе вашего сіятельства, адресованное на мое имя, по причинѣ изложенія онаго въ противозаконной формѣ, не могло быть ни приобщено къ дѣлу, ни доложено мнѣ, — имѣю честь сообщить вашему сіятельству, для избѣжанія недоразумѣній, что всѣ бумаги, которыя еще будутъ поступать въ означенной противозаконной формѣ, будутъ оставлены прямо безъ всякаго вниманія»... «Упоминаемая въ этомъ отношеніи «противозаконная» форма, — добавляетъ отъ себя озадаченный губернаторъ, — заключается въ томъ, что я, по незнанію мною нѣмецкаго языка, сношусь со всѣми мѣстными учрежденіями, употребляя въ бумагахъ оба языка, а не нѣмецкій»...

Вотъ отрывки, взятые наудачу изъ цѣлаго тома аналогичныхъ случаевъ. Борьба, которую вели нѣмцы въ 80-хъ годахъ при Шаховскомъ, продолжалась и послѣ. Правда, въ послѣднее время составъ ревельской городской думы — русско-эстонскій, такъ что въ смыслѣ языка все обстоитъ благополучно. Но до сихъ поръ эст-

ляндскому губернатору приходится воевать съ нѣмецкимъ дворянствомъ и съ нѣмецкими политическими организаціями; и по этой борьбѣ видно, какъ сильны въ Петроградѣ бароны, какъ хитры и настойчивы бюргеры въ Ревелѣ! Въ видѣ примѣра такой тяжелой борьбы власти съ нѣмецкой беззастѣнчивостью, скажу хотя бы о ревельскомъ реальномъ училищѣ, гдѣ директоромъ испоконъ вѣковъ состоитъ знаменитый политическій недо-трога Петерсонъ. Петерсона въ Ревелѣ знаютъ всѣ. Спросите какого-нибудь ревельца, что такое представляетъ собою этотъ директоръ? Ревелецъ подниметъ вверхъ палецъ и скажетъ:

— О! Петерсонъ — шишка, которая крѣпко сидитъ на вѣтвяхъ учебнаго вѣдомства!

Хотя реальное училище, которымъ онъ завѣдуетъ, и считается обыкновеннымъ городскимъ, тѣмъ не менѣе система преподаванія въ немъ чисто нѣмецкая. Русскихъ дѣтей въ училище принимаютъ очень неохотно; требованія къ русскимъ при приѣмѣ далеко не тѣ, какія предъявляются къ нѣмецкимъ дѣтямъ изъ *Domschule*. Нѣмецкій языкъ, по словамъ преподавателя Кнюппфера, является тутъ «главнымъ предметомъ». Въ низшихъ классахъ преподаваніе нѣмецкаго языка ведется въ томъ предположеніи, что поступившій мальчуганъ умѣетъ говорить по-нѣмецки. Въ старшихъ классахъ до послѣдняго времени языкъ преподаванія былъ не русскій, а смѣшанный... Химія, физика, естествовѣдѣніе препода-

вались такъ. Начнетъ, напримѣръ, Петерсонъ урокъ словами:

— Господа! Сегодня я вамъ объясню, что такое нервная система. По этому поводу очень хорошо говорить Pflüger въ своей «Ueber den elementaren Bau des Nervensystems». Вотъ что онъ говоритъ: «Das Nervensystem besteht in seinen letzten geformten Elementen aus zwei Arten von mikroskopisch kleinen Gebilden...»

И весь урокъ до конца продолжаетъ цитатой изъ нѣмецкаго автора.

Даже чистописаніе, пѣніе и гимнастика въ реальномъ училищѣ преподаются на нѣмецкомъ языкѣ. Русскія дѣти, которыя естественно могутъ не знать по-нѣмецки, рѣдко получаютъ отмѣтки болѣе тройки. Въ дневникахъ отмѣтки обыкновенно не ставятся вовсе: но тѣмъ острѣе для русскихъ родителей сюрпризъ, когда въ четвертныхъ клѣткахъ у ихъ сына невѣдомо почему появляется двойка.

Таковы порядки ревальскаго реального училища, носящаго имя Императора Петра Великаго. И что же? Несмотря на всѣ усилія администраціи съ Петерсономъ ничего нельзя подѣлать! Всѣмъ извѣстно, что Петерсонъ былъ членомъ правленія Deutscher Verein'a, всѣ знаютъ, что сынъ его преподастъ въ училищѣ химію на нѣмецкомъ языкѣ. А Петерсонъ сидитъ и улыбается. Слава Богу, онъ пережилъ не одного попечителя, переаиветъ и впродъ не мало! Правда,

каждый вновь назначаемый попечитель рязскаго округа начинаетъ съ того, что берется за Петерсона... По затѣмъ, вдругъ, снесясь съ Петроградомъ, становится нерѣшительнымъ, вильнымъ. Одинъ ревельскій общественный дѣятель-старожилъ имѣлъ о Петерсонѣ съ нѣсколькими попечителями неоднократно бесѣды. И получалъ отвѣты:

Отъ Николая Алексѣевича Лавровскаго: «Погодите».

Отъ Александра Николаевича Шварца: «Успѣется».

Отъ Петра Петровича Извольскаго: «Сразу нельзя».

Отъ Григорія Константиновича Ульянова: «*Natura non facit saltum*».

Отъ Сергія Михайловича Прутченка: «И разберу».

И наконецъ, отъ Алексѣя Ивановича Щербакова: «И хочется, и колется, да Бертольди не велитъ».

Даже съ Леціусомъ, знаменитымъ отнынѣ Леціусомъ, уволеннымъ директоромъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института, въ Ревель можно было справиться. А съ Петерсономъ нельзя. Леціусъ до перехода въ Нѣжинъ былъ здѣсь, въ Ревель, директоромъ *Domschule*. Въ его директорство ученики-культуртрегеры устраивали на улицахъ скандалы, задѣвали въ вагонахъ конки почтенныхъ дамъ, вели себя вызы-

судебные отчеты уже обошли всѣ газеты. Упомяну только, что такихъ дѣлъ съ преступленіемъ по должности въ общемъ не очень много. Но простыхъ дѣлъ за недоводъ лошадей, предусмотрѣнный статьей 541¹,—мы увидимъ безконечное множество не только въ Эстляндіи, но въ Лифляндіи и Курляндіи. Помѣщики въ общей своей массѣ далеко не такъ неосторожны, какъ баронъ Делингсгаузенъ. Они не завѣдуютъ обыкновенно военно-конскими участками, предоставляя это щекотливое занятіе своимъ управляющимъ. И вотъ этимъ-то управляющимъ придется отвѣчать во всѣхъ трехъ губерніяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда лошади патрона почему-либо остались дома... Въ Лифляндіи и Курляндіи дѣла обстоятъ вовсе не лучше, чѣмъ въ Эстляндіи; совершенно неправиленъ взглядъ публики, будто Эстляндія—лошадиная губернія *par excellence*. Все объясняется тѣмъ, что въ Эстляндіи губернаторъ слѣдитъ за помѣщиками двумя глазами и даже, разбираясь въ мобилизаціонныхъ дѣлахъ, надѣваетъ очки; въ Лифляндіи бывший губернаторъ смотрѣлъ на лошадиный вопросъ сквозь пальцы; и наконецъ, въ Курляндіи губернаторъ глядитъ на наборъ лошадей уже не сквозь пальцы, а черезъ ладонь. Только въ последнее время, когда г. Харламовъ объѣздилъ Лифляндію и Курляндію, кое-какія дѣла стали всплывать наружу, а имена управляющихъ и помѣщиковъ начинаютъ мелькать въ печати. Въ

«Рижскомъ Вѣстникѣ» недавно было сообщено со словъ газеты «Лидумсъ», что мезотенскіе крестьяне подали жалобу высшему военному начальству на разныя допущенныя при конской мобилизаціи неправильности, причемъ «чиновникъ изъ Петрограда» нашелъ эти жалобы обобщенными. Въ связи съ этимъ у мезотенскаго помѣщика князя Ливена отобранны 41 лошадь, признанныя при прежнихъ мобилизаціяхъ негодными. Тотъ же «Рижскій Вѣстникъ» передаетъ, что въ послѣднее время возбужденъ цѣлый рядъ дѣлъ противъ броценскаго барона Рекке и многихъ другихъ помѣщиковъ, утаившихъ отъ реквизиціонной комиссіи рогатый скотъ. А что касается разныхъ болѣе удаленныхъ отъ губернскаго центра уѣздовъ, то здѣсь только покопаться!.. Видѣлъ я, на примѣръ, сонъ во время пребыванія въ Юрьевѣ. Не знаю, утомили ли меня разговоры о лошадяхъ, или растрясло послѣ продолжительной поѣздки за городъ, но только заснулъ я тяжелымъ сномъ и вдругъ вижу...

Приближается къ моему изголовью астральное тѣло какой-то лошади. Останавливается около меня, вздыхаетъ и говоритъ:

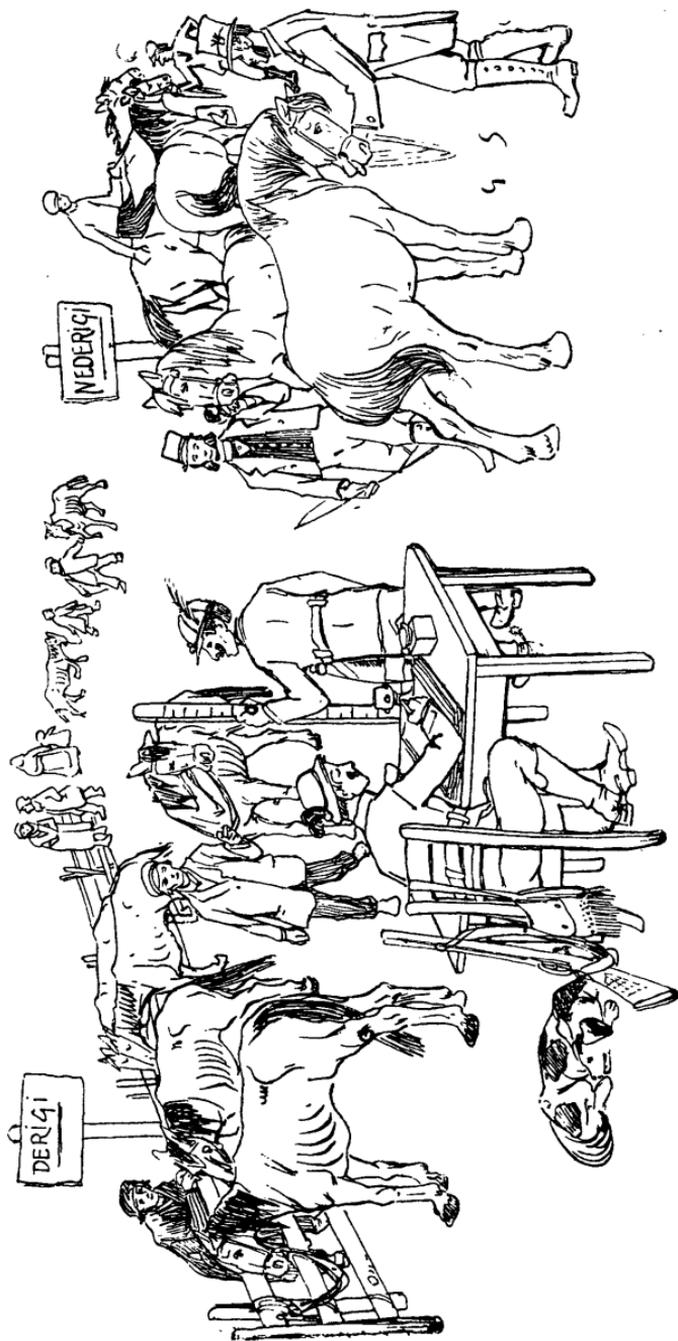
— Ты сотрудникъ «Новаго Времени»?

— Да, — отвѣчаю я, озадаченный. — А что?..

Лошадь отошла въ сторону, прошла, прихрамывая по комнатѣ и заговорила:

— Дѣло вотъ въ чемъ, любезный. Я уже яв-

Изъ газ. „Невасть Вильни“.

Латышская карриатура на наборъ лошадей въ Прибалтійскомъ краѣ. Слева — годный, справа — негодный.

лялась по ночамъ во снѣ къ редакторамъ эстонскихъ и латышскихъ газетъ, но у нихъ ничего не вышло по цензурнымъ условіямъ. Говорятъ, что я хромаю. Что я считаюсь больною и не могу поэтому пойти на войну. А между тѣмъ, даю честное слово, я совершенно здорова! Сними только подкову съ правой ноги и ты убѣдишься, что я могу выполнить долгъ передъ родиной. Кузнецъ, который подковалъ меня, можетъ подтвердить это! Напиши обо мнѣ въ газетѣ что-нибудь... Объясни. А если тебѣ понадобятся подробности, обратись въ имѣніе Конготъ, принадлежащее барону Унгернъ-Штернбергу. Зовутъ меня Маргарита, я всегда могу подтвердить слѣдственной власти, что здоровье мое внѣ всякихъ сомнѣній...

И лошадь Унгернъ-Штернберга исчезла. Но не испарился еще ея призракъ въ комнатѣ, какъ меня вдругъ обступилъ цѣлый астральный табунъ. Лошади прыгали, скакали, носились вокругъ легкой рысью, иноходью, переходили въ галопъ. И каждая изъ нихъ считала долгомъ остановиться возлѣ меня, кивнуть головой и сказать:

— Посмотри, развѣ я достойна браковки? Развѣ я больна? Или у меня не упругія ноги?

И онѣ отрекомендовались поочереди:

— Я изъ имѣнія фонъ-Липгардта!

— А я отъ фонъ-Сиверса!

— Позвольте представиться: выѣздная фонъ-Эттингена!

— Мы изъ имѣнія Кауцмюнде графа Палена!

— А мы изъ Баускаго уѣзда, отъ князя Ливена!

— Напишите объ насъ: мы отъ арендатора имѣнія барона Нолькена, изъ Алацкиви. Десять изъ насъ взято, а 190 оставлено!

Утромъ я проснулся съ тяжелой головой, послѣ ночного кошмара. И долго соображалъ: на яву все это было, или во снѣ? И только книга по исторіи Прибалтійскаго края, лежавшая рядомъ на столикѣ, разсѣяла гнетущее впечатлѣніе ночи. Книга эта — «Geschichte und System des bauerlichen Agrarrechts im Estland», написанная Axel'emъ v. Gernet. Здѣсь на страницѣ 157 я прочелъ подробности объ отобрании нѣмцамъ-помѣщиками у эстонцевъ лошадей при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости въ 1818 году. На всю губернію помѣщики оставили крестьянамъ всего на всего 545 лошадей, причѣмъ усадьба съ максимальной барщиной имѣла право только на четыре лошади или восемь воловъ. — Вотъ съ какихъ поръ здѣсь развилась страсть къ лошадямъ, — подумалъ я, захлопывая книгу. — Что удивительнаго, что правнуки нѣмцевъ, давшихъ эстонцамъ птичью свободу безъ земли и безъ лошадей, такъ бережно относятся къ своимъ животнымъ? Вѣдь и пасторы, и многіе бароны, какъ я сообщалъ раньше, предостерегали людей отъ увлеченія войной. Какъ же имъ было не уберечь отъ подобнаго увлеченія

неразумныхъ животныхъ, которыя не могутъ сами дать себѣ отчета въ ужасахъ военнаго времени? «Блаженъ мужъ, иже скоты милуетъ».

Но если къ своимъ лошадямъ помѣщики относились настолько бережно, что въ нѣкоторыхъ участкахъ, — какъ это было, на примѣръ, въ Эстляндіи, — отъ нихъ не попало въ наборъ ни одной лошади, или если попадало, то всего двѣ, какъ это случилось въ участкѣ Гойнингенъ-Гюне, — повторяю, если къ своимъ лошадямъ помѣщики проявляли особенное вниманіе, то къ крестьянскимъ ничего подобнаго не было. Въ Курляндіи завѣдывавшіе участками нѣмцы заставляли крестьянъ сгонять сразу весь скотъ въ такія мѣста, гдѣ нельзя было даже напоить несчастныхъ животныхъ, нѣкоторыя изъ которыхъ тутъ же околѣвали. Одинъ изъ завѣдующихъ участкомъ взвѣшивалъ коровъ не отдѣльно каждую, а всѣхъ гуртомъ, чтобы скорѣе развязаться съ крестьянами; и общій вѣсъ цѣлой партіи животныхъ онъ дѣлилъ на число головъ, не желая принимать во вниманіе того, что у однихъ крестьянъ скотъ лучше, а у другихъ хуже. Совсѣмъ не такъ поступали нѣмцы управляющіе, завѣдывавшіе участками, съ коровами и лошадьми своихъ хозяевъ-помѣщиковъ. Прежде, чѣмъ принять то или другое животное, управляющій смотрѣлъ на барона: если тотъ крикнетъ, то брать можно, если же молча моргнетъ правымъ глазомъ, — брать нельзя...

И только теперь, когда многое стало обнаруживаться въ неблагопріятную сторону, помѣщики поняли, что не всю историческую жизнь имъ можно вести въ Россіи въ исключительно привилегированныхъ условіяхъ.

XXVII.

Deutscher Verein. Причины возникновенія. Числовыя данныя.

Окончивъ обзорніе отдѣльныхъ городовъ Прибалтійскаго края, коснусь теперь нѣсколькихъ общихъ вопросовъ, въ которыхъ и Курляндія, и Лифляндія, и Эстляндія одинаково неблагополучны. Начну съ знаменитаго «Дейчеръ-Ферейна», о которомъ упоминалъ мимоходомъ въ предыдущихъ статьяхъ. Въ Петроградѣ благодаря умѣлымъ посѣщеніямъ съ чернаго хода, благодаря знакомствамъ, свяжамъ и увѣреніямъ въ лояльности, нѣмцы добились того, что до послѣдняго времени «Дейчеръ-Ферейнъ» и его женское отдѣленіе Frauenbund не только были легализованы, но даже получили возможность прикрываться священными для cadaго русскаго высокими именами.

«Дейчеръ-Ферейнъ» и его отдѣленіе Frauenbund существуютъ въ Прибалтійскомъ краѣ недолго, они возникли послѣ 1905 года; но и за эти

восемь лѣтъ ихъ дѣятельность обнаружилась въ достаточной мѣрѣ выпукло, чтобы восьмой годъ ихъ существованія былъ ихъ послѣднимъ годомъ.

Какъ возникъ «Дейчеръ-Ферейнъ»? Петроградскіе нѣмцы, рассчитывающіе на то, что русская публика мало знакома съ условіями жизни Прибалтійскаго края, убѣждаютъ всѣхъ и каждого, будто у «Ферейна» самыя безобидныя, самыя безопасныя цѣли. Нѣмецкому обществу нужно общеніе. Нужно провести весело вечерокъ въ своей компаніи. Послушать концертъ, на которомъ талантливая дѣвица сыграетъ «Wagum», а пѣвецъ споетъ: «So viel Stern'am Himmel stehen». Дамы соберутся въ своемъ Frauenbund'ѣ съ рукодѣліемъ — Handarbeit, поговорятъ о Kinder, о Küche, о Kleider... И въ такой перспективѣ, конечно, ничего плохого нѣтъ.

Но цѣли «Дейчеръ-Ферейна» не такъ просты. Не такъ невинны. 1905 годъ показалъ нѣмцамъ воочію, что ихъ слишкомъ мало въ Прибалтійскомъ краѣ. Кромѣ того, учрежденіе Государственной Думы, вмѣстѣ съ которой къ законодательству пришли простые русскіе интеллигенты и сѣрые мужики, не носящіе не только баронскаго титула, но даже простого «фона», — это явленіе оказалось очень неблагопріятнымъ для балтовъ, у которыхъ, по ихъ собственному заявленію, во многихъ семьяхъ «сложилась традиція быть близкими къ власти». Для рѣшенія

прибалтійскихъ законодательныхъ вопросовъ установился общегосударственный порядокъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, и это, конечно, подорвало значеніе прибалтійскихъ ландтаговъ, нмѣвшихъ до сихъ поръ свою собственную, направленную къ осуществленію нѣмецкихъ интересовъ законодательную инициативу. Русскій государственный языкъ, появленіе русскихъ учебныхъ заведеній, переходъ Юрьевскаго университета въ русскія руки—все это прекратило прежнюю успѣшную работу нѣмцевъ въ дѣлѣ онѣмеченія латышей и эстонцевъ. Среди послѣднихъ появляется кадръ сильной и талантливой интеллигенціи, смотрящей въ сторону Россіи и получившей образованіе въ русскихъ университетахъ... Все это вмѣстѣ взятое заставило нѣмцевъ встрепенуться. Заставило ихъ задуматься надъ грознымъ будущимъ, надъ призракомъ потери господства во всѣхъ перечисленныхъ областяхъ административной и культурной жизни. Таковы мѣстные причины возникновенія «Дейчеръ-Ферейна». Но было бы ошибкой считать эти причины исчерпывающими. Ни для кого не секретъ, что общая нѣмецкая идеологія, выражающаяся въ гимнѣ «Deutschland über Alles», находила и находитъ среди балтовъ живѣйшій откликъ. О пангерманизмѣ мечтаютъ не только за Мемелемъ. Онъ снится нѣмцамъ и здѣсь, къ востоку отъ Подангена и Таурогена. Рѣдкій балтъ не читалъ книгу Карла Іенча «Die Zukunft des deutschen

Volkes». А въ этой книгѣ ясно сказано: «Венгрія, Хорватія, Рутенія, (Малороссія и Восточная Галиція), Польша (Царство Польское, Литва и Западная Галиція), Балтійскія губерніи, со столицей Петроградомъ, и Финляндія превратятся послѣ столкновенія Германіи съ Россіей въ независимыя государства...» «Россіи Германія предъявитъ требованіе, чтобы она открыла свои границы для германскаго импорта и для нѣмецкихъ колонистовъ, оставляя послѣднимъ ихъ германское подданство. Само собой разумѣется, что германскіе колонисты должны имѣть право во всѣхъ отношеніяхъ свободно пользоваться своимъ нѣмецкимъ языкомъ не только въ номинально самостоятельныхъ новыхъ государствахъ, но и въ Россіи и Турціи».

«Конечно, — продолжаетъ авторъ — пангерманистъ, — въ Россіи, сведенной политически только къ областямъ великорусскимъ, какъ и въ Австріи, излишекъ интеллигентныхъ силъ Германіи найдетъ себѣ обезпеченное существованіе; равнымъ образомъ въ эти области направится потокъ молодыхъ и энергичныхъ земледѣльцевъ изъ Германіи. Они приобрѣтутъ за дешевую цѣну отъ разорившихся русскихъ дворянъ и въ Турціи достаточно земли и начнутъ ее обрабатывать дешевыми русскими и турецкими рабочими руками. За ними переселятся нѣмецкіе ремесленники и образуютъ нѣмецкое городское населеніе. Всѣ эти колоніи составятъ по своей природѣ какъ

бы небольшія республики, которыя будутъ пользоваться самоуправленіемъ подъ надзоромъ нѣмецкихъ чиновниковъ; ихъ молодежь будетъ обучена нѣмецкими офицерами военному строю. Такимъ образомъ, Россія выйдетъ изъ состоянія одичалости и запущенности и превратится въ страну культурную...»

Цитированная книга «Zukunft des deutschen Volkes» появилась въ 1905 году, когда пангерманизмъ сдѣлался особенно моднымъ ученіемъ. Ослабѣвшая въ японской войнѣ Россія казалась лакомымъ кускомъ для тевтона, у котораго при видѣ слабой спины сосѣда почесывался кулакъ, и разгорались глаза на плохо лежавшее чужое добро. Какъ разъ въ это время въ Прибалтійскомъ краѣ нѣмцы стали снѣшно объединяться въ союзы. Началась колонизація пограничной Курляндіи...

И вотъ появляется «Дейчеръ-Ферейнъ». Сначала эстляндское отдѣленіе, основанное 30 сентября 1905 года, затѣмъ курляндское—22 марта 1906 года, наконецъ лифляндское—10 мая 1906 г. Къ августу 1907 года въ лифляндскомъ отдѣленіи числилось 22,472 члена, въ эстляндскомъ—4,494 члена; а къ августу 1908 года цифры были таковы: лифляндскій союзъ—24,350 членовъ, курляндскій союзъ—8,000 членовъ, эстляндскій союзъ—5,302 члена.

И если взять хотя бы одну Эстляндскую губернію, гдѣ число членовъ «Ферейна» меньше

другихъ, то оказывается, что здѣсь въ нѣмецкiй союзъ записалось не менѣе половины всѣхъ взрослыхъ нѣмцевъ. Расчетъ произвести не трудно: по переписи 1907 года во всей Эстляндской губернии нѣмецкаго населенiя обоого пола насчитывалось 16,037 человекъ. И это число не измѣнилось къ 1908 году, такъ какъ нѣмцы въ Прибалтiйскомъ краѣ не только не увеличиваются численно, а скорѣе обнаруживаютъ признаки вымиранiя. Если теперь принять малолѣтнихъ за одну треть, то остается около 10,600 человекъ, какъ разъ вдвое больше, чѣмъ число членовъ «Дейчеръ-Ферейна».

Итакъ, изъ цифръ мы видимъ, какъ горячо взялись за объединенiе въ национальный союзъ прибалтiйскiе нѣмцы. «Дейчеръ-Ферейнъ» явился центромъ, вокругъ котораго стали кристаллизоваться всевозможныя общества — музыкальныя, пѣвческiя, спортивныя, торговыя, промышленныя. Въ Ригѣ выдѣлившiйся изъ общаго «Дейчеръ-Ферейна» — Schulverein открываетъ и поддерживаетъ цѣлый рядъ школъ, какъ-то: Albertschule, Herderschule, Meinhardschule, Hollanderschule, Luisenschule, Jesus Kirchenschule, причемъ имѣетъ свои библіотеки и даже Schulmuseum. Въ Митавѣ открывается Adolfschule, двухклассное училище второго разряда Bürgerschule, двухклассное Elementarschule. Въ Ревелѣ появляются St. Olai-Kirchenschule, St. Nicolai-Kirchenschule, Hansaschule, Henriettenschule, Ritter-Domschule, торгово-

ремесленные курсы г-жи Панграцъ, два женскихъ училища...

А затѣмъ появляется вмѣстѣ съ отдѣленіями «Дейчеръ-Ферейна» цѣлая свѣтъ нѣмецкихъ школъ и во всѣхъ уголкахъ края. Въ Лифляндіи: въ Перновѣ двѣ школы—«Школа для мальчиковъ и дѣвочекъ» и «Высшая женская школа». Въ Венденѣ—«Прогимназія для мальчиковъ и дѣвочекъ». Въ Феллинѣ — «Феллинская нѣмецкая школа» и «Нѣмецкая элементарная школа». Въ Аренсбургѣ— «Средняя школа для мальчиковъ и дѣвочекъ». Въ Вольмарѣ—«Элементарная школа». Въ Шлокѣ—двухклассная «Элементарная школа». Въ Валкѣ— «Восьмиклассная частная женская школа». Въ Гиришенгофѣ—«Элементарная школа».

Въ Курляндіи:

Въ Добленѣ, въ Дурбенѣ, во Фрауэнбургѣ, въ Гольдингенѣ, въ Гробинѣ (три училища—гробинское, полангенское и въ Нидербартау), въ Якобштадтѣ, въ Кандау, въ Нейгаузенѣ, въ Пильтенѣ, Туккумѣ, Тальсенѣ, Табельнѣ, Прекульнѣ, Виндавѣ и Либавѣ, причѣмъ въ Либавѣ—двѣ школы: семиклассная Töchterschule и двухклассная «элементарная школа».

Въ Эстляндіи, кромѣ упомянутыхъ школъ Ревеля, можно указать города съ училищами «Дейчеръ-Ферейна»:

Въ Вейсенштейнскомъ уѣздѣ — вейсенштейнское «Церковное училище», которое распадается на «Элементарную школу», четырехклассную «Про-

гимназію» и семиклассную «Женскую гимназію». Въ Везенбергѣ школа второго разряда г-жи Чернай. Въ Гапсалѣ школа г-жи Гофманъ. Въ мѣстечкѣ Леаль—школа г-жи Паукеръ. Въ мѣстечкѣ Ампель—школа г-жи Гейслеръ. Въ мѣстечкѣ Іеве школа г-жи Дитрихъ. Въ Маріенъ-Магдалинень школа г-жи Калпусъ. Въ общемъ въ 1912-13 учебномъ году въ Эстляндской губерніи въ нѣмецкихъ школахъ союза обучалось 1,482 ученика въ Ревелѣ и 338 въ уѣздахъ—итого 1,820.

Наивно думать, что всѣ приведенныя школы существуютъ исключительно для нѣмецкихъ дѣтей. Конечно, дворянскія гимназіи заботятся о чистотѣ крови и даютъ доступъ только настоящимъ родовитымъ нѣмцамъ. Но всякія элементарныя школы, городскія школы и среднія школы—гостепріимно открываютъ свои двери и латышамъ, и эстонцамъ, и полякамъ, и русскимъ. Но открывая эти двери, они прочно захлопываютъ ихъ за ними, выпуская изъ послѣдняго класса уже не прежнихъ латышей, эстонцевъ и поляковъ, а настоящихъ ярыхъ сторонниковъ германской культуры; какъ въ сказкѣ, Schulverein только тому даетъ свободный выходъ на общественное поприще, кто говоритъ магическія слова «Сезамъ, отворись» на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ. Даже въ самомъ союзѣ можно встрѣтить не только чистыхъ нѣмцевъ, но множество онѣмеченныхъ латышей и эстонцевъ, въ которыхъ Россія потеряла своихъ вѣрныхъ сыновъ. Въ

рижскомъ отдѣлѣ въ 1907 году было въ числѣ членовъ ферейна—107 православныхъ, два старообрядца и четыре еврея. И это въ компаніи не только со своими нѣмцами, но съ многочисленными германскими подданными, которыхъ въ 1907 году числилось въ союзѣ болѣе 1,000 человекъ! Развѣ не ясно отсюда, что «Дейчеръ-Фереинъ» представлялъ уже съ самаго начала своего существованія огромную силу въ дѣлѣ онѣмеченія, прибѣгая не только къ открытію многочисленныхъ школъ, но заставляя экономически и черезъ административныя связи слабыхъ духомъ не-нѣмцевъ стремиться къ сліянію съ германской расой? Даже за предѣлами Прибалтійскаго края вліяніе нѣмецкаго союза огромно. «Дейчеръ-Фереинъ» имѣетъ свои отдѣленія въ Петроградѣ въ «Petersburger Deutscher Bildungs- und Hilfsverein», въ Москвѣ въ «Moskauer Deutscher Verein», въ Нарвѣ въ «Narvaer Deutscher Bildungsverein», въ Вильнѣ въ «Deutscher Verein in Wilna», въ Варшавѣ въ «Deutscher Verein in Warschau» (не былъ ли баронъ Корфъ членомъ этого ферейна?), въ Киевѣ въ «Südwestlicher Deutscher Verein», въ Одессѣ въ «Südrussischer Deutscher Bildungsverein» и въ «Südrussischer Deutscher Verein», въ Александровскѣ въ «Deutscher Verein in Alexandrowsk», въ Саратовѣ въ «Deutscher Verein in Saratow», въ Тифлисѣ въ «Verein der Deutschen in Kaukas», въ Херсонѣ въ «Verein der Deutschen in Cherson», въ Таври-

ческой губерніи въ «Eugenfelder Schulverein», въ колоніи Зельць «Selzer Deutscher Bildungsverein»...

XXVIII.

Уставъ. Заповѣди. Безсиліе администраціи въ борьбѣ съ Schulverein'омъ.

Если вы обратите вниманіе на уставъ «Дейчеръ-Ферейна», то нѣкоторые параграфы этого устава уже выяснятъ вамъ главныя намѣренія союза въ достаточной степени. «Дейчеръ - Ферейнъ» — говорится, на примѣръ, въ эстляндскомъ уставѣ, — имѣетъ цѣлью объединить, сохранять и укрѣплять нѣмецкое населеніе Эстляндской губерніи въ культурномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ».

Въ частности задачи общества состоятъ:

§ I. 1) Въ сохраненіи и поощреніи культуры и образованія нѣмецкаго населенія Эстляндской губерніи открытіемъ частныхъ школъ, выдачей субсидій для содержанія школъ, открытіемъ учительскихъ семинарій, образовательныхъ курсовъ, дѣтскихъ садовъ и яслей, библіотекъ и читаленъ, выдачею пособій лицамъ, подготовляющимся къ педагогической дѣятельности, и содержателямъ школъ на приобрѣтеніе учебныхъ принадлежностей, изданіемъ книгъ и періодическихъ произведеній, устройствомъ лекцій, бесѣдъ, разныхъ представленій и вечеровъ.

2) Въ оказаніи помощи нуждающимся нѣмцамъ посредствомъ назначенія стипендій, содѣйствія экономическому благосостоянію, пріисканія работы и т. п.

3) Въ содѣйствіи существующимъ нѣмецкимъ обществамъ и товариществамъ, преслѣдующимъ аналогичныя цѣли, и въ оказываніи помощи при учрежденіи новыхъ предпріятій такого рода.

§ 3. Общество добываетъ необходимыя для исполненія своихъ задачъ средства изъ дарованій, завѣщаній, сбора пожертвованій и членскихъ взносов (§ 6), а также и изъ входной платы, взимаемой за посѣщеніе лекцій, чтеній, спектаклей, концертовъ и базаровъ, съ соблюденіемъ дѣйствующихъ по сему предмету узаконеній.

§ 12. Вне губернскаго города члены общества съ разрѣшенія общаго комитета могутъ образовывать мѣстныя группы. Они соблюдаютъ интересы общества въ этой области или въ той мѣстности, для которыхъ они учреждены на основаніи общаго устава общества и правилъ дѣлопроизводства, утвержденныхъ общимъ комитетомъ. На собраніи членовъ мѣстныхъ группъ или отдѣльных избираются представители, рѣшаются текущія дѣла и дѣлаются назначенія изъ специальныхъ пожертвованій и изъ мѣстныхъ кредитовъ».

Таковы явныя намѣренія союза. Относительно же намѣреній тайныхъ ясно говоритъ уже не официальный уставъ, а тѣ «заповѣди» календаря «Дейчеръ-Ферейна», которыя знаетъ хорошо каж-

дый членъ союза, и отъ которыхъ онъ никогда не отступаетъ въ своей дѣятельности. Въ «календарѣ» мы имѣемъ два текста заповѣдей. Я приведу и тотъ текстъ, и другой, какъ естественно дополняющіе другъ друга:

Текстъ 1908 года:

Что мы, Балты, обязаны соблюдать.

1.

«Воспитывайте дѣтей вашихъ нѣмцами и знайте, что это достижимо только въ нѣмецкой школѣ.

2.

Знайте, что на васъ лежитъ особый долгъ по отношенію къ землякамъ-нѣмцамъ; и тѣ, которые среди васъ экономически слабы, при личномъ ихъ прилежаніи и трудолюбіи, имѣютъ особое право на ваше о нихъ попеченіе.

3.

Имѣйте терпѣніе и снисхожденіе къ землякамъ вашимъ и знайте, что пренебреженіе ими въ теченіе десятилѣтій не можетъ быть исправлено въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ.

4.

Сотрудничайте въ нѣмецкихъ союзахъ! Вербуйте для нихъ повсюду новыхъ членовъ и не

уставайте возбуждать къ нимъ интересъ, въ особенности въ обществахъ, въ которыхъ участвуете, и въ сферѣ вашихъ личныхъ занятій.

5.

Членскіе взносы вносите такъ щедро, какъ вы только можете, и знайте, что нѣмецкій союзъ только тогда можетъ проявляться въ національномъ духѣ, когда располагаетъ большими средствами.

6.

Во время семейныхъ праздниковъ и въ счастливые моменты вашей жизни не забывайте нѣмецкаго союза и изъ вашего избытка удѣляйте для его общихъ или специальныхъ цѣлей. То же соблюдайте при юбилеяхъ, при удачныхъ гешефтахъ, при взысканіяхъ и иныхъ подобныхъ случаяхъ.

7.

Привлекайте художественныя и благотворительныя учрежденія на службу нѣмецкаго союза и нѣмецкаго женскаго союза! Базары, праздники, выставки и всѣ подобные способы, какъ показалъ опытъ, могутъ значительно умножить оборотныя средства.

8.

Но и въ будни выдается случай, когда на дѣлѣ можно оказывать услуги союзу. Напримеръ, держать въ домѣ копилку для собиранія

въ нее отчисленій отъ карточныхъ выигрышей и разныхъ штрафовъ, налагаемыхъ во многихъ домахъ за учиненіе различныхъ непристойностей; и въ теченіе года можетъ образоваться изрядная сумма.

9.

При изъявленіи вашей послѣдней воли не забывайте нѣмецкаго союза. Съ благодарностью будутъ потомки вспоминать тѣхъ, заботами которыхъ нѣмецкая культура получила большее развитіе.

10.

Постоянно помните, что нѣмецкіе союзы въ нашихъ провинціяхъ являются національною необходимостью, и остающійся внѣ ихъ не исполняетъ долга по отношенію къ своей народности».

Текстъ 1914 года:

Что мы, балтійскіе нѣмцы, обязаны соблюдать.

1.

«Помните, что мы принадлежимъ къ одному изъ самыхъ передовыхъ народовъ и одновременно величайшему государству. Никогда не забывайте, что наши предки многовѣковой культурной работой завоевали себѣ и намъ непрекаемое право родины въ балтійской странѣ.

Was wir baltischen Deutschen merken sollen!

1.

Seid eingedenk dessen, daß wir Angehörige eines der fortgeschrittensten Völker und zugleich eines der größten Staaten sind; vergesst nie, daß unsere Vorfahren durch vielhundertjährige Kulturarbeit sich und uns ein unvergängliches Heimatrecht in den baltischen Ländern erworben haben.

2.

Bedenkt, daß nächst dem allgemein Menschlichen das Volkstum das Ursprünglichste ist, was jedermann auf seinen Lebensweg mitbekommt, daß darum, sein Volkstum vernachlässigen, gegen seine eigene Natur sündigen heißt.

3.

Setzt allezeit euren Stolz darin, dem **Reiche**, welchem wir angehören, und seinem angestammten **Herrscher** dieselbe Treue zu erweisen, die in guten wie in bösen Zeiten unwandelbar der höchste Ruhm uneres Volkes gewesen ist.

4.

Liebet unsere **baltische Heimat**, verlasst sie nicht, sondern lernet sie kennen, um ihr zu dienen, suchet nach ihren Mängeln und Schäden nicht, um sie zu heilen, sondern um ihnen abzuhelfen.

5.

Suchet mit niemandem Streit, aber seid fest und laßt euch nichts abtreiben, was euch von Rechtswegen zukommt. Merket, daß in der Welt nur der geachtet wird, der sich selbst achtet.

6.

Wisset, daß euren Kindern und Kindeskindern außer allgemeinen Pflichten die ernste, schwere Aufgabe bevorsteht, all das Gute und Edle weiter auszubauen.

was unsere Vorfahren geschaffen, wir selbst bewahrt haben; erziehet sie darum zu frommen, klugen und starken Menschen, guten Staatsbürgern, treuen Söhnen und Töchtern unerer Heimat.

7.

Erwäget, daß gerade **deutsche Schulen**, die jenes hohe Ziel der Erziehung auf der Grundlage uneres eigenen Volkstums und mit den Mitteln unerer eigenen Kultur erstreben, am ehesten geeignet sind, alle geistigen und seelischen Kräfte eurer Kinder zu entfalten.

8.

Beachtet wohl, daß ihr — um durch Einigkeit stark sein zu können — **gegen eure deutschen Heimatsgenossen besondere Pflichten** habt: gegen sie vor allen seid freundlich und veröhnlich, hilfreich und langmütig, denket daran, daß die Schwachen unter ihnen bei Fleiß und Arbeitssamkeit ein Anrecht auf eure Fürsorge haben.

9.

Tretet den Deutschen Vereinen bei! Sie verfolgen keinerlei politische Ziele, sind aber zur Einigung, Erhaltung und Stärkung uneres Volkstums notwendig und deshalb sowohl für unsere Heimat, wie auch für unser ganzes Reich nützlich.

10.

Suchet darum die Deutschen Vereine jederzeit in angemessener Weise zu fördern: **karget insbesondere nicht mit Beiträgen, Schenkungen und gelegentlichen Zuwendungen** zum Besten dieser Vereine; gedenket ihrer bei euren **lebenswichtigen Verfügungen** und laßt die Zuerstlichkeit auf den Bestand unerer guten Sache nicht links.

Снимокъ съ текста заповѣдей „Дейчеръ-Ферейна“, помѣщенныхъ въ календаръ 1914 года.

2.

Знайте, что прежде всего человеку свойственно считать цѣннѣйшимъ сокровищемъ народность, которую каждый наслѣдуетъ на всю жизнь, а потому кто грѣшитъ противъ національности, тотъ согрѣшаетъ противъ собственной природы.

3.

Гордитесь тѣмъ, что мы соблюдаемъ, какъ государству, такъ и его природному властителю ту самую вѣрность, которая, какъ въ добрыя, такъ и въ злыя времена, неизмѣнно составляла величайшую славу нашего племени.

4.

Любите нашу балтійскую родину, не оставляйте ея, а изучайте, чтобы ей послужить. Обнаруживайте ея недостатки и неурядица, но не для порицанія, а для устраненія.

5.

Не ищите ни съ кѣмъ тяжбы, но будьте стойки и не позволяйте никому оттягивать то, что принадлежитъ вамъ по праву. Знайте, что лишь того на свѣтѣ уважаютъ, кто самъ себя цѣну знаетъ.

6.

Знайте, что вашимъ дѣтямъ и внукамъ, кромѣ общаго долга, предстоитъ серьезная, тяжелая

задача завершить то доброе и благородное, что создано нашими предками, и что мы имъ завѣщаемъ: потому воспитывайте ихъ благочестивыми, умными и сильными людьми, добрыми гражданами государства, вѣрными сынами и дочерьми нашей родины.

7.

Соображайте, что именно нѣмецкія школы, которыя стремятся къ достиженію этой великой цѣли воспитанія на почвѣ нашей собственной народности и посредствомъ собственной культуры, способны наилучше развить всѣ духовно-нравственныя силы дѣтей.

8.

Помните, что вы, будучи сильны только единеніемъ, имѣете по отношенію къ нѣмецкимъ землякамъ спеціальныя обязанности: быть съ ними дружелюбными и покладистыми, щедрыми на помощь и долготерпѣливыми; помните, что слабые среди васъ при ихъ трудолюбіи и прилежаніи имѣютъ право на ваше о нихъ попеченіе.

9.

Сотрудничайте въ нѣмецкихъ союзахъ! Они не преслѣдуютъ политическихъ цѣлей, но они необходимы для объединенія, сохраненія и укрѣпленія нашей народности, и потому они полезны, какъ для нашей родины, такъ и для цѣлаго нашего государства.

А потому постоянно содѣйствуйте нѣмецкимъ союзамъ всѣми способами, не скупитесь на взносы, дары и приношенія въ ихъ пользу; помните ихъ при изъявленіи вашей послѣдней воли и не теряйте увѣренности въ прочности нашего добраго дѣла».

Ясно, что при исполненіи приведенныхъ заповѣдей наиболѣе вліятельные члены «Дейчеръ-Ферейна» могутъ до сихъ поръ стойко выдерживать натискъ правительственной власти и имѣютъ возможность не бояться по германскому образу никого, кромѣ Бога. Въ Лифляндіи членами правленія состоятъ: баронъ Энгельгардтъ, баронъ Заасъ, баронъ Гойннингъ-Гюне, баронъ Мантейфель, фонъ-Сиверсъ. Въ Курляндіи—предсѣдателемъ является членъ Государственнаго Совѣта графъ фонъ-деръ-Паленъ; членами правленія и разныхъ комиссій—курляндскій генераль-суперинтендентъ Берневицъ, баронъ Мантейфель, баронъ Гротусъ, митавскій городской голова Шмидтъ, баронъ Гойннингъ-Гюне. Въ Эстляндіи предсѣдателемъ числится ландратъ баронъ Стакельбергъ, членами правленія и членами комиссій—Карлъ фонъ-Ренненкампфъ, камергеръ баронъ Майдель, баронъ Унгернъ-Штерибергъ, генераль-суперинтендентъ Даніель Леммъ. Ясно, что при наличности такихъ солидныхъ именъ «Дейчеръ-Ферейнъ» оказался удивительно живу-

Deutscher Verein in Livland.

O.-Gr. Dorpat.

Kühnstr. 3

Geschäftsstelle: ~~Grosser Markt 8~~, werktäglich von 10 bis 2 Uhr.

Konto: Deutsche Leih- und Sparkasse u. Pleskauer Bank. — Fernsprecher 152.

Frau

Hochgeehrte *gnädige Frau!*

Wie wir aus unseren Büchern ersehen, haben Sie Ihren Mitgliedsbeitrag für das *Jahr* ... 191*4* im Betrage von Rbl. *2* noch nicht entrichtet.

Indem wir Sie um baldgefällige Einzahlung der genannten Summe höflichst ersuchen, zeichnen wir

hochachtungsvoll

Der Vorstand der Dorpater O.-Gr.
des Deutschen Vereins in Livland.

~~Geschäftsführender~~ Vorsitzender

Ant. Müller

Dorpat, den *25. VIII 1914*

No

Снимокъ съ бланна юрьевского отдѣленія „Дейчеръ-Ферейна“.

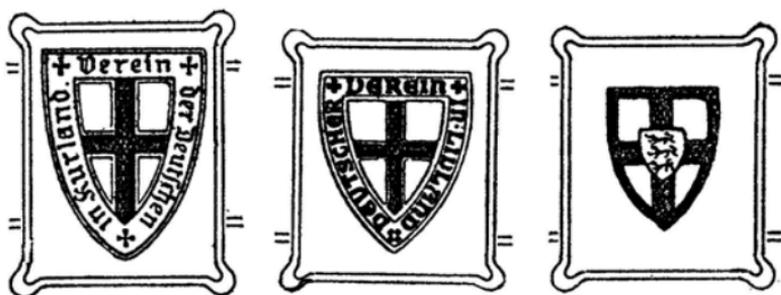
чимъ, и, несмотря на неоднократныя распоряженія министерствъ, до сихъ поръ не ликвидированнымъ вполнѣ, ускользая въ своихъ учебныхъ дѣлахъ отъ рукъ администраціи. Напримѣръ, давно уже было сдѣлано министерствомъ народнаго просвѣщенія распоряженіе о закрытіи всѣхъ школъ Schulverein'a. Но закрытой оказалась только небольшая часть школъ, содержащихся исключительно на средства союза. Что же касается школъ, «субсидируемыхъ» «Ферейномъ», то ихъ почему то оставили. Напримѣръ, въ Эстляндіи фактически существуетъ 14 заведеній, въ которыхъ распоряжается Schulverein. Между тѣмъ, эстляндскій директоръ народныхъ училищъ распорядился закрыть только два учебныхъ заведенія въ Ревелѣ—женскую школу перваго разряда и мужскую второго; остальные же двѣнадцать училищъ продолжаютъ попрежнему благоденствовать, такъ какъ въ ихъ уставахъ прямо не сказано, что они содержатся на средства союза. Этотъ строгій формализмъ съ либеральнымъ оттѣнкомъ вообще могъ бы, пожалуй, сдѣлать честь директору народныхъ училищъ. Но не въ данномъ случаѣ. Преподаваніе въ школахъ «Ферейна» ведется, конечно, въ прежнемъ духѣ, а каковъ общій духъ нѣмецкихъ училищъ, объ этомъ едва ли стоитъ особенно распространяться. Изъ Риги, напримѣръ, я получилъ на-дняхъ свѣдѣнія, что въ тамошней городской Töchter-schule преподаватели, члены нѣмецкаго

союза, заставляють до сихъ поръ своихъ питомцевъ учить наизусть патріотическія германскія стихотворенія, въ которыхъ встрѣчаются и восхваленія дома Гогенцоллерновъ, и восторги по адресу Vaterland'a... Это въ городской Töchter-schule! А что дѣлается во всѣхъ другихъ нѣмецкихъ заведеніяхъ, въ уставахъ которыхъ прибалтійская администрація не находитъ «официальныхъ» данныхъ для закрытія?

XXIX.

Публицисты изъ „Дейчеръ-Ферейна“.
Балтійская литература о Россіи и русскихъ чиновникахъ.—Кто возбуждаетъ народъ, или воззваніе барона Н. Гойнингенъ-Гюне.

Міровоззрѣніе балтовъ, участвующихъ въ организаціяхъ «Дейчеръ-Ферейна», не исчерпывается, конечно, тѣми краткими заповѣдями, которыя я привелъ въ предыдущей главѣ. Для того, чтобы поближе присмотрѣться къ ихъ духовной физиономіи, очень полезно прочитать кое-какія статьи «Календаря» Ферейна, гдѣ наиболѣе видные и талантливые члены союза высказываются по разнымъ вопросамъ своего національнаго бытія. Тутъ они пишутъ и о квартирномъ вопросѣ — Wohnungs Kultur, и о здоровьѣ тѣла — Gesundheit des Leibes; но большая

Знаки „Дейчерь-Ферейна“ въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи.

часть статей посвящена все-таки вопросам школы, національного языка, национальной культуры, — и въ этихъ статьяхъ въ достаточной мѣрѣ обрисовываются вожделѣнія балтовъ.

И приводилъ уже выдержки изъ статьи г. Адольфи о томъ, что русскій языкъ не имѣетъ того обилія формъ прошедшаго времени, какимъ обладаетъ нѣмецкій, почему, по выводу автора, нѣмецкаго мальчика невозможно обучать въ русской школѣ. А вотъ переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ статьи д-ра Э. Серафима «Ernste Erscheinungen in unserer Gesellschaft», статьи, помѣщенной въ «Календаръ» 1914 г. и трактующей о германизмѣ и о нѣмецкой національности вообще:

«Нравственно дисциплинированное общество требуетъ спокойной настойчивой борьбы за высшія блага, несмотря на превосходство противника... Кто забылъ угнетающую школьную исторію въ Либавѣ? Съ какими болѣзненными чувствами мы вынуждены были установить безспор-

ное частичное уклоненіе отъ нѣмецкой школы, слабосильныя компромиссныя стремленія въ нѣмецкомъ обществѣ, для которыхъ основаніе кроется не въ разумныхъ началахъ, а въ оппортунизмѣ и безразличіи. Лагардъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ нѣмецкихъ герольдовъ, выразилъ свойственнымъ ему прекраснымъ и глубокимъ образомъ, что душа нѣмецкаго народа проявляется почти только въ моменты крайней нужды... Въ такомъ случаѣ вѣрно, что быть однимъ народомъ—значитъ испытывать сообща бѣду... «Германизмъ, который мы любимъ, и который мы стремимся узрѣть,—говоря словами Лагарда,—никогда не существовалъ и, можетъ быть, никогда не будетъ существовать. Идеаль есть нѣчто, что и существуетъ, и чего въ то же время нѣтъ. Это свѣтящее въ глубинахъ чело-вѣческаго сердца солнце, вокругъ котораго вращаются наши мысли и силы... Нѣмецкая національность, какъ и всякая другая, есть сила, которую нельзя ни измѣрить, ни узрѣть, ни руководить, ни описать, но которая существуетъ всюду тамъ, гдѣ что-либо растетъ и дѣйствуетъ на нѣмецкой почвѣ. Наше горе заключается въ томъ, что въ сердцахъ многихъ земляковъ это свѣтящееся солнце не свѣтитъ, что они работаютъ, но только для себя, и не дѣйствуютъ; что они говорятъ съ нами на одинаковомъ языкѣ, но мы другъ друга не понимаемъ; что они имѣютъ глаза, но не видятъ, что ихъ путь ведетъ къ пропасти».

Таковы мысли яраго члена «Дейчеръ-Ферейна» Э. Серафима, нынѣшняго редактора вліятельной рижской нѣмецкой газеты. Мы видимъ, съ какой грозной рѣчью обрушивается авторъ противъ тѣхъ «оппортунистовъ», которые колеблются и не знаютъ, какую выбрать себѣ дорогу. И понятно, что теперь, во время войны, когда многие изъ «оппортунистовъ» тоже почувствовали себя нѣмцами, Серафимъ доволенъ вліяніемъ своихъ статей и плодами пропаганды «Дейчеръ-Ферейна»... А вотъ выдержки изъ статьи профессора Купфера, помѣщенной въ томъ же «Календарѣ» 1914 года подъ заглавіемъ «Die Schulfrage für uns Baltische Deutsche» и прочитанной раньше въ видѣ рѣчи на общемъ собраніи членовъ «Дейчеръ-Ферейна» въ Ригѣ:

«Сохранять и поддерживать наши нѣмецкія школы не только естественное моральное право, не только обязанность по отношенію къ нашей народности, но и дозволено съ высоты Престола и узаконено правительствомъ...

Далѣе... Школы, которыя сообщаютъ не весь учебный матеріалъ ученикамъ на нѣмецкомъ языкѣ, не въ правѣ именоваться нѣмецкими школами.

Въ-третьихъ... нѣмецкая школа представляетъ собою столь цѣнное благо, что мы, родители, можемъ требовать отъ нашихъ дѣтей напряженія всѣхъ ихъ силъ, лишь бы они удостоились ученія въ этихъ школахъ.

Въ-четвертыхъ... мы обязаны содержать нѣмецкія школы, но не съ государственнымъ языкомъ преподаванія. Такія школы содержитъ казна, устраиваютъ и содержатъ городскія общества. Помогать имъ не входитъ въ нашу задачу. Этого не требуетъ и само правительство. Въ десять разъ лучше совсѣмъ закрыть нѣмецкую школу, чѣмъ самымъ обращать ее въ заведеніе, противорѣчащее основнымъ положеніямъ нашихъ педагогическихъ и національныхъ убѣжденій.

То, на что указалъ сто лѣтъ назадъ пруссакъ Клаузевицъ, какъ на признакъ времени, представляется и намъ въ видѣ грознаго призрака. «Неразумное недовѣріе во вложенныя въ насъ Богомъ силы», недостатокъ пониманія, «что народъ не долженъ ставить ничего выше достоинства и свободы своего бытія... что позоръ трусливой покорности никогда нельзя смыть,—этотъ ядъ въ крови народа передается потомству и будетъ ослаблять и подкашивать силу будущихъ поколѣній».

Таковы слова профессора, того самаго профессора рижскаго политехникума, который, какъ вы помните, заявилъ русской фирмѣ въ письменной формѣ, что онъ «покупаетъ только у нѣмцевъ». Тутъ мы встрѣчаемся съ типичнымъ

Снимокъ со значка, которымъ украшали свою грудь члены „Дейчеръ-Ферейна“.

примѣромъ балтійской двойственности. Съ одной стороны говорится о легальности и объ одобреніи правительственной власти, а съ другой—утверждается мысль, что «въ десять разъ лучше закрыть нѣмецкую школу», чѣмъ допустить въ ней государственннй языкъ преподаванія!

Если вслѣдъ за «календаремъ» мы обратимся къ отдѣльнымъ сборникамъ, брошюрамъ, политическимъ и историческимъ монографіямъ, принадлежащимъ перу тѣхъ же членовъ «Дейчеръ-Ферейна», то изумленіе наше безусловно возрастетъ.

Возьмемъ хотя бы статью Августа-Серафима, напечатанную въ сборникъ «Die deutschen Balten», гдѣ участвуютъ знаменитые Гарпазъ и Шимашъ. Августъ Серафимъ, насколько мнѣ извѣстно, живетъ въ Кенигсбергѣ и является близкимъ родственникомъ, чуть ли не сыномъ цитированнаго редактора Эрнста Серафима. Такъ вотъ что пишетъ сынъ-Августъ въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Die Russifizierung der deutschen Ostseeprovinzen».

«Чего достигла политика руссифицированія?

Евангелическая церковь потерпѣла большой внѣшній и внутренній ущербъ, но греческая церковь отъ этого не только ничего не выиграла, но наоборотъ отдалилась отъ христіанства и отъ религіи. Многіе нѣмцы потеряли свои мѣста и должны были выселиться. Національное самосознаніе нѣмцевъ стало усиливаться... Въ должностныя лица стали попадать латыши и эстонцы,

а чего достигло этой замѣной правительство, показываетъ направленная противъ русскаго государства революція... Цвѣтушая страна культурно опустошена и матеріально обезсилена.

Куда же направится средь бурь настоящаго времени нѣмецко-балтійскій корабль? Одно ясно: вѣтеръ и непогода едва ли погубятъ искуснаго моряка. Наоборотъ, они сдѣлаютъ его болѣе вѣрнымъ и готовымъ на тяжелыя жертвы. «Есть еще люди въ странѣ», — сказалъ авторъ «лифляндскаго отвѣта...». И дѣйствительно, у насъ не будетъ недостатка въ людяхъ, которые посвятятъ всю свою жизнь служенію высшей задачѣ — сохранять и укрѣплять древній лифляндскій форпостъ нѣмецкой культуры!»

Еще ярче вырисовывается позиція членовъ «Дейчеръ-Ферейна» въ другомъ сборникѣ, выпущенномъ подъ общимъ заголовкомъ: «Wir Balten!». Вопросы, затронутые здѣсь, настолько щекотливы, что никто изъ авторовъ, принадлежащихъ, какъ видно изъ заголовка сборника, къ балтійскимъ нѣмцамъ, не рѣшился выставить полностью своей фамиліи. Вотъ подписи этихъ безстрашныхъ борцовъ за нѣмецкіе идеалы:

У. Т.; Е. Ф. К.; W. В. W. L.; G. G. и, наконецъ, талантливый Е. М.

Что же пишутъ всѣ эти У. Т., Е. Ф. К. и W. В.?

Прежде всего въ предисловіи издателя, который живетъ въ Лейпцигѣ и потому не боится «russische Tschinowniken», сказано: «съ истиной

и откровенностью—мы достигнемъ скорѣе всего своей цѣли». Какова, однако, общая цѣль откровенныхъ Y. T., E. F. K. и W. B.? Цѣль слѣдующая, судя по предисловію: «использовавъ требованія времени, остаться на будущее время жизнѣдѣтельными и сохранить себя въ качествѣ оплота (als ein Bollwerk) противъ славянскаго Востока».

Въ статьѣ «Letten und Deutsche» авторъ Y. T. говоритъ: «Мы, молодое поколѣніе балтовъ, не допустимъ ослабленія творческой энергіи. Мы желаемъ вѣрить въ будущность нѣмечества въ нашей родинѣ, и мы желаемъ работать въ этомъ направленіи. Мы вступимъ въ борьбу со всѣмъ тѣмъ, что живетъ у насъ только по традиціи и уже отжило свой вѣкъ, мы ассимилируемъ съ современнымъ нѣмечествомъ. Тогда и въ Германіи будутъ насъ понимать и намъ сочувствовать. Прежде всего постараемся привлечь къ себѣ изъ Германіи новыя силы. Поставимъ себѣ задачей построить наши отношенія къ латышамъ не на пренебреженіи, а на уваженіи, какъ къ полноправнымъ съ нами согражданами. По мѣрѣ своихъ душевныхъ способностей постараемся дать латышамъ ясный примѣръ. Быть можетъ намъ удастся тогда еще выполнить свою задачу, которую упустили наши предки, а именно,—огерманизировать латышей... Итакъ, за работу, балтійская молодежь!»

Издатель сборника правъ; статьи его авто-

ровъ даже по отношенію къ латышамъ черезчуръ откровенны... А не угодно ли теперь, вслѣдъ за горячимъ У. Т., выслушать не менѣе вдохновеннаго Е. Ф. К.?

«Только крѣпкая и сообразованная съ цѣлью сплоченность всего нѣмечества въ Прибалтійскомъ краѣ,—говоритъ Е. Ф. К. въ статьѣ «Der baltische Adel»,—можетъ служить для насъ источникомъ той внутренней силы, которая въ состояніи противостоятъ всѣмъ бурямъ. Только такъ мы и представляемъ изъ себя матеріально и духовно извѣстную силу. Въ самомъ нѣмецествѣ должна заключаться сила настоять на своемъ. Улучшенія своего положенія намъ нечего ждать ни отъ нынѣ власть имущихъ на берегахъ Невы, ни отъ новыхъ силъ, борющихся за власть. Въ своемъ враждебномъ отношеніи ко всему нѣмецкому и протестантскому оба эти направленія сходятся вполне. Разница лишь въ томъ, что реакціонное московитство (das reaktionäre Moskowitertum) ненавидитъ нѣмецкій западъ по той причинѣ, что оно видитъ въ свободолюбивыхъ исканіяхъ германизма опасность для русскаго самодержавія, а революціонная молодая Россія (das revolutionäre Jungrossentum) смотритъ на германскій западъ съ пренебреженіемъ парвеню и убаюкиваетъ себя мыслью, что она призвана своими «идеями» оплодотворить и пробудить къ жизни старѣющіе народы западной Европы».

И заканчиваетъ свою статью господинъ Е. Ф. К. слѣдующимъ стихотвореніемъ:

«Schade, dass die schöne Sonne
Auch von Osten zu uns kommt!»

Т. е. «жаль, что прекрасное солнце также съ востока приходитъ къ намъ».

Какъ мнѣ кажется, приведенныя выдержки изъ литературы прибалтійскихъ нѣмцевъ полезны не только по-русски настроеннымъ людямъ. Онѣ могли бы, пожалуй, отрезвить и всякихъ Патрашкиныхъ и Иорданскихъ, еслибы тѣ заглянули въ страницы «Wir Balten» и прочли бы тамъ выпады противъ «молодой Россіи, смотрящей на германскій западъ съ пренебреженіемъ парвеню». А если высшая администрація, глядящая на прибалтійскихъ членовъ «Дейчеръ-Ферейна» со снисходительной улыбкой, хочетъ что-нибудь услышать и про отношенія нѣмецкихъ публицистовъ къ нашимъ чиновникамъ и даже къ самой центральной административной власти, то я, пожалуй, готовъ удовлетворить и ея любопытство. Въ томъ же сборникѣ «Wir Balten» есть статейка «Russlands Tschinowniki daheim und im Vaterlande». И въ этой статьѣ мы читаемъ:

«Бумага—символь Россіи. Она терпѣлива, она переноситъ всякую ложь и всякую мерзость (alle Lügen und Schandtaten)... Это магическая палочка Россіи. И Россія все можетъ — на бумагѣ. Безъ бумаги Россія немислима...»

«Отъ прислужника до министра, — продолжаетъ авторъ, — въ Россіи всѣ берутъ взятки, если не деньгами, то виномъ и женщинами. Только одинъ законъ имѣетъ силу въ Россіи, именно произволь чинovníковъ. Всѣ прочіе законы, даже Царскіе, имѣютъ относительное значеніе. Въ Англии какой-то министръ состриль, что въ законѣ всегда имѣется столько свободнаго, что можно съ удобствомъ проѣхать въ этомъ промежуткѣ на четверкѣ лошадей. Что же касается Россіи, то къ ней примѣнима слѣдующая пѣсенка:

In Russland lebt man nach Gesetzen,
 Die kann nur Er allein verletzen;
 Danach dieselben zu vermindern
 Steht zu den allerhöchsten Kindern;
 Und danach tut es der Senat;
 Wenn er Erlaubnis dazu hat;
 Und schliesslich tut es jeder Mann,
 Wenn er nur brav bezahlen kann».

«Конечно, — заключаетъ свое повѣствованіе авторъ, — русскіе чиновники чувствовали себя не важно на берегахъ Двины и жаждали перевода въ другія мѣста. Поэтому они собирали сколько могли, и когда всего было вдоволь, отдавали кому слѣдуетъ глубокой поклонъ и получали переводъ или повышение. Достойная сожалѣнія страна все терпѣла и переносила, но глубоко презирала этихъ кровопійцъ. Легкость, съ которой эти люди исправляли свои обязанности, лучше всего ха-

рактируется словами «подписано—и съ плечъ долой». Если же кто-нибудь осмѣливался выразить имъ свое недовольство и указать открыто на позорящія ихъ дѣянія,—то на него доносили; и не одинъ убранъ такимъ образомъ административнымъ порядкомъ темною ночью. «Nacht muss es sein, wenn Russlands Sterne strahlen» — «ночь быть должна, когда Россіи звѣзды свѣтятъ».

Я надѣюсь, что приведенныхъ цитатъ довольно для нашихъ центральныхъ вѣдомствъ, чтобы убѣдиться въ пользѣ потаканія германизаторскимъ планамъ балтовъ.

Нѣмцы, въ общей своей массѣ не ассимилировавшіеся съ русскими, не могутъ относиться благожелательно къ русской власти, какова бы она ни была. Слабую они презираютъ, сильную—ненавидятъ. Лестью, деньгами, охотой, проигрышемъ въ карты они издавна умѣли опутывать присылаемыхъ въ край администраторовъ, добивались ихъ расположенія, заставляли многихъ лопотать на своемъ языкѣ въ торжественныхъ засѣданіяхъ, въ Петроградѣ же громко восхваляли добродѣтели и умъ мѣстнаго представителя власти... А когда администраторъ слеталъ съ мѣста, бароны и бюргеры первые давали ему пинка въ шею и разоблачали его темныя стороны. Тогда онъ оказывался кровопійцей и русской звѣздой, свѣтящей въ темную ночь...

По отношенію къ мѣстнымъ представителямъ власти, нѣмцы выработали уже издавна тонкую

и хитрую систему «подбора администраторовъ». Именно здѣсь, въ Прибалтійскомъ краѣ, выработалась прекрасная многоговорящая формула о выраженіи «звонкой благодарности» — *Klingende Dank*. Сильнаго и стойкаго администратора черезъ связи въ Петроградѣ нѣмцы быстро сваливали. И оставались прочными лишь или свои балты, или же русскіе, но по природѣ исключительно сентиментальные, романтичные, склонные къ анализу въ денежныхъ дѣлахъ и къ мечтаніямъ о счастливой безмятежной будущности...

Вотъ, что говоритъ, напримѣръ, о недобросовѣстности, культивировавшейся нѣмцами по отношенію къ мѣстнымъ властямъ, Юрій Самаринъ въ своихъ главахъ о Ригѣ: «Чтобы убѣдиться, какую роль играютъ подкупы въ отношеніяхъ здѣшнихъ сословій и присутственныхъ мѣстъ къ короннымъ чиновникамъ, достаточно пробѣжать камеральные протоколы рижскаго магистрата, которые удалось открыть при ревизіи. Въ 1767 году бургомистръ рижскій подкупаетъ въ законодательной комиссіи, учрежденной въ Москвѣ; въ 1800 году городъ старается подкупить двухъ ревизующихъ сенаторовъ; въ 1801 году городское начальство сознается, что добровольныя приношенія—*dons gratuits* (это мѣстный терминъ), подносимыя ежегодно генералъ-губернатору и другимъ чинамъ, суть извѣстнаго рода подкупы; въ 1805 году графъ Кочубей объявляетъ городскому начальству Высочайшій выговоръ за то

что рижскіе депутаты пробовали подкупить въ Петербургѣ; въ 1818 году городъ опредѣляетъ сумму для постоянного подкупа лифляндскаго прокурора; въ 1826 году городъ подкупаетъ въ Сенатѣ по дѣлу Чернова и Черевитинова; въ 1822 году подкупаетъ тамъ же черезъ посредство лифляндскаго губернатора стряпчаго по дѣлу откупщика Кербера; въ 1830 году подкупаетъ правителя канцеляріи лифляндскаго гражданскаго губернатора по дѣлу объ оборонительной казармѣ и объ улучшеніи городского финансового управленія; въ 40 годахъ по дѣлу о припискѣ шкловскихъ евреевъ къ Ригѣ подкупаетъ въ Петербургѣ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ черезъ своего агента, который пишетъ сюда, чтобы отнюдь не пробовали торговаться при уплатѣ обѣщанныхъ суммъ, «ибо для поддержанія городского кредита необходимо *честное* исполненіе условій».

Такова часть фактовъ, приведенныхъ Самаринымъ относительно одного только рижскаго магистрата. Но для нѣмцевъ очень неожиданной окажется заключительная фраза Самарина послѣ приведенія этихъ ссылокъ. Самаринъ говоритъ: «И все это остается въ тайнѣ; все покрывается снисходительностью коронныхъ чиновниковъ, назначаемыхъ, какъ вамъ извѣстно, почти исключительно изъ здѣшнихъ дворянъ».

Итакъ, хваленая честность нѣмцевъ оказывается въ результатѣ такой же дѣйствительной

въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и ихъ лояльность. Они сами подбираютъ себѣ удобныхъ чиновниковъ, а Россію обвиняютъ въ обиліи взяточниковъ. Они готовы у себя закрыть «въ десять разъ» скорѣе нѣмецкія школы, чѣмъ допустить обученіе на русскомъ языкѣ, а въ Петроградѣ увѣряютъ всѣхъ въ искренней любви къ Россіи. Цѣну этихъ увѣреній въ столицѣ мы уже начинаемъ понимать. Но ее еще легче уяснить изъ документовъ. Не угодно ли вамъ прочесть поэтому переводъ съ воззванія, выпущеннаго въ 1905 году покойнымъ барономъ Н. Гойнингенъ-Гюне на эстонскомъ языкѣ? Покойный баронъ, родственникъ нынѣ осужденнаго Гойнингенъ-Гюне, перевелъ двухъ своихъ малолѣтнихъ сыновей въ германское подданство, опредѣлилъ ихъ въ германскія военныя учебныя заведенія, а самъ считался въ Россіи лояльнымъ помѣщикомъ, успокаивая эстонцевъ въ дни безпорядковъ. До 1905 года баронъ, какъ и многіе его коллеги, сидѣлъ въ Петроградѣ и увѣрялъ петроградскихъ чиновниковъ въ томъ, что эстонцы—сепаратисты и ищутъ только случая отдѣлиться отъ Россіи и образовать свои соединенные штаты изъ Везенбергскаго, Вейсенштейнскаго и Гапсальскаго уѣздовъ. Но когда вся сила эстонскаго возмущенія направилась не противъ Россіи, а исключительно противъ экономическаго засилья помѣщиковъ, баронъ спѣшно вернулся изъ Петрограда въ имѣніе. И очень неглупо составилъ

воззваніе къ эстонцамъ, въ которомъ теперь уже хвалили не русскихъ, а эстонцевъ, Россію же и ея чиновниковъ обвиняли. Текстъ воззванія, хотя и сокращенный, покажетъ вамъ, какъ типично лояленъ и честенъ былъ его сообразительный авторъ:

Открытое письмо эстскому народу.

Любезный народъ! Не одинъ человекъ съ проснувшимся умомъ и вѣрнымъ чутьемъ спрашивалъ меня, почему тѣ, которые должны были бы быть заступниками - руководителями народа, допускаютъ увлекать ложью въ искушеніи и грѣхѣ безконечное множество людей. Меня просили бороться противъ лжи въ то время, когда всякое живое слово заглашалось прежде, чѣмъ его успѣвали произнести; въ то время, когда произволь русскихъ чиновниковъ попирали право; въ то время, когда высокіе правители государства ошибочно полагали, что государству приносить пользу, если всѣ отдѣльныя сословія живутъ во враждѣ между собою. Я попытаюсь исполнить эти просьбы теперь, когда разрѣшена свобода слова.

Рознь, которую посѣяли чиновники, разъединила народъ, дала возможность всякому мелкому чиновнику подвергать пыткамъ насъ и наше отечество и прятать въ свои карманы наше кровное достояніе. Они нашли безчисленное множество

полуобразованныхъ людей, взявшихъ на себя за Гудино вознагражденіе трудъ возбужденія низшаго народа противъ высшихъ сословій, пользуясь тѣмъ, что всюду и во всякомъ государствѣ низшій народъ охотно всасываетъ въ себя ложь. Баронъ — олень, крестьянинъ — охотничья собака, а охотникъ это тотъ, кто сидитъ въ теплой комнатѣ и отливаетъ отравленную ложью пули, метая ихъ ежедневно въ народъ. Охотники! Подожди еще, не такъ скоро уступятъ тебѣ внутренности оленя!..

Теперь я спрашиваю: почему возбуждаютъ жителей нашего государства другъ противъ друга? Развѣ мы не части одного и того же тѣла, не колесики одного и того же часового механизма? Они говорятъ, что тѣ часы, которые предстоятъ нашимъ духовнымъ очамъ, идутъ уже 700 лѣтъ, но они умалчиваютъ о томъ, какъ эти часы ходили до того, и какіе колесики приводили ихъ въ движеніе. Они говорили, что здѣсь жили асты. Что это были за люди, какого цвѣта, какихъ придерживались обычаевъ, объ этомъ не говорятъ ни слова, какъ не говорятъ и о томъ, какой народъ жилъ здѣсь до того, и что готы— такъ полагаютъ потому, что и теперь еще шведы живутъ на островахъ Балтійскаго моря,— переселились въ Швецію, и что восточно-готское государство въ царствованіе короля Германриха простиралось до здѣшнихъ мѣстъ. Объ этомъ они не желаютъ говорить, какъ равно и о томъ,

какъ выглядѣло наше отечество двѣсти лѣтъ назадъ. Что пишетъ русскій генералъ Шереметьевъ послѣ перваго года войны? «Я долженъ тебѣ сообщить,—пишетъ названный полководецъ царю по окончаніи своего труда въ 1702 г., — что Всемогущій Богъ и Пресвятая Богородица исполнили твое желаніе: въ странѣ непріятеля нечего болѣе истреблять: отъ Пскова до Юрьева, отъ рѣки Великой по берегу Чудского озера до Наровы, вокругъ Юрьева и по ту сторону Юрьева черезъ Лаисъ двѣ мили за Нарву отъ Лаиса до Ревели, 50 верстъ по направленію къ Везенбергу и далѣе изъ Юрьева отъ Эмбаха до Феллинскаго озера, до Гельметъ и Каркуса и по ту сторону Каркуса 38 верстъ къ Пернову и отъ Риги до Валка все истреблено, всѣ замки разрушены, ничего не осталось въ цѣлости, только тамъ и сямъ сохранились отдѣльные дома на берегу моря, а также Перновъ и Ревель. Между Ревелемъ и Ригой все уничтожено мечемъ и огнемъ. Сохранились только названія на картахъ. Въ дополненіе къ ужасамъ войны появилась еще ужасная чума. По мнѣнію Іордана Эстляндская губернія потеряла въ теченіе перваго года отъ чумы 72.3% своего населенія».

Въ другомъ письмѣ Шереметьевъ спрашиваетъ, что ему дѣлать съ плѣнными женщинами и дѣвухами. Онъ продаетъ ихъ по 10 коп. и не находитъ покупателей. Что уцѣлѣло отъ войны, погибаетъ отъ чумы. Страна была пуста и ры-

дала по своимъ жителямъ. Жаль, весьма прискорбно, что обитатели нашего отечества не знаютъ его исторіи, а потому не знаютъ, изъ-за кого рука Божья покарала его, по какой причинѣ возникло рабство, и сколько кроваваго труда было понесено для введенія въ Прибалтійскомъ краѣ новой жизни. Такъ какъ народъ этого не знаетъ, работа возбуждающихъ его очень легка, но плеть и рабство не были здѣсь никогда такъ ужасны, какъ въ нѣкоторомъ иномъ государствѣ. Прженіе господа часто сами поджидали своихъ рабовъ съ подводами и заботились о томъ, чтобы каждый получалъ горячую пищу, а барыни ходили каждую ночь къ комнатной прислугѣ, если она была тяжело больна. Помѣщикъ и помѣщица были если не вездѣ, то въ большинствѣ случаевъ, отцомъ и матерью волости. Вы знаете, что въ старое время господствовала грубость, и еслибы вы были знакомы съ прошлымъ такъ, какъ его правильно преподають, то вы бы знали, что у одного великаго русскаго царя былъ учрежденъ для казней особый дворъ, гдѣ онъ ежедневно умерщвлялъ своихъ слугъ и притомъ давалъ умерщвлять каждого на особый ладъ. Это радовало его сердце. Еще двѣсти лѣтъ тому назадъ одинъ великій русскій императоръ съкъ свою жену плетью, собственноручно засѣкъ плетью на смерть своего сына, который былъ къ тому же престолонаслѣдникомъ. Что такія грубыя времена не проходятъ такъ скоро, это

понятно всякому... Если одно сословіе возстановляется противъ другого, то наступитъ великая кровавая свадьба, и кровь будетъ вопіять къ небу. Тогда настанетъ время, когда наше отечество опять будетъ рыдать о своихъ жителяхъ. Будетъ рыдать не одно имѣніе и не одна крестьянская усадьба...

Нигдѣ на свѣтѣ помѣщики или бароны не несутъ столь большихъ тягостей, какъ въ Прибалтикѣ. Кто этому не вѣритъ, тому достаточно *перейти границу* и посмотрѣть Псковскую или Петроградскую губерніи или же зарубежную сторону Ладожскаго озера, гдѣ также живутъ эсты. Книжъ они не знаютъ, и грамота имъ не знакома. Они живутъ въ невѣжествѣ и суевѣріи, покрывая свое тѣло тряпьемъ. Но на той сторонѣ клеветникъ не найдетъ ни одного барона, на котораго можно было бы шелкать зубами.

Вы видите и чувствуете, что Богъ поднялъ свою руку, и что смертныя тѣни стоятъ предъ дверьми нашего отечества. Смута, война, холера и чума. Наступило время, когда Великій Богъ просѣиваетъ пшеницу и бросаетъ въ огонь плевелы. А потому покончимъ скорѣе домашнія ссоры, простимъ взаимныя вины и выступимъ, какъ единомышленный Божій народъ противъ враговъ.

Моя живая вѣра, моя любовь къ отечеству побудили меня послать народу это открытое письмо, народу, который я знаю съ дѣтскихъ

лѣтъ и которому желаю отъ всего сердца развитія и счастья.

Н. баронъ Гойнингенъ-Гюне. Матсаль, декабрь 1905. Типолитографія Авг. Кулландъ, Ревель.

XXX.

Еще о балтійской литературѣ. — Оставаться или уходить? — Германскіе и австрійскіе авторы о балтахъ. — Гоненія и угнетеніе несчастныхъ.

Итътъ возможности здѣсь воспроизвести полную картину всѣхъ чувствъ и намѣреній, которыми пропитана по отношенію къ Россіи нѣмецкая литература по «балтійскимъ вопросамъ». Кое-что я уже использовалъ. Но груда книгъ, лежащая передо мною, все-таки не таетъ. Тутъ всякіе «Rückblicke» и «Rückschau» на пройденный нѣмцами историческій путь, и «перепутье», которое представляется въ настоящее время ихъ умственному взору, и изслѣдованіе объ «Ostseeprovinzen» въ связи съ руссификаціей, и исторія «russischer Verwaltung», и, наконецъ, цѣлые томы, посвященные «Baltenhetze», «гоненіямъ» вѣры, языка и права со стороны Россіи...

Большинство этихъ книгъ издано въ Лейпцигѣ; нѣкоторыя—въ Килѣ. И за эти книги, по

крайней мѣрѣ формально, прибалтійскіе нѣмцы, конечно, не отвѣчаютъ. Но вотъ у меня любопытная брошюра «Am Scheidewege», изданная въ Ригѣ знаменитымъ Ионкомъ, кассиромъ Flottenverein'a. Въ видѣ motto у нея красуется изреченіе «великаго курфюрста»: «Gedenke, dass Du ein Deutscher bist!—Помни, что ты нѣмецъ». А затѣмъ, послѣ нѣкотораго грустнаго описанія дробленія прибалтійскихъ латифундій и жалобъ на тяжелыя обстоятельства прибалтійской жизни,—появляются такія мѣста:

«Наша задача, разсматриваемая чисто теоретически, переходитъ въ слѣдующій вопросъ: оставаться намъ тутъ, или уходить?... Нѣтъ... Мы останемся, пока высшая власть или нѣмецкій народъ не отзоветъ насъ съ этой культурной позиціи. Если нѣмецкій народъ семьсотъ лѣтъ назадъ обладалъ такимъ могуществомъ, что посылалъ къ этимъ берегамъ своихъ рыцарей и ученыхъ, своихъ купцовъ и ремесленниковъ, то достаточно силенъ онъ и въ настоящее время, чтобы всѣхъ своихъ сыновей снова принять въ свое лоно, чтобы имъ указать новыя культурныя задачи и новую родину. Германское правительство, конечно, не должно ни о чемъ насъ просить: мы принадлежимъ германскому народу, пока на землѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь».

«Государственная Дума своими нарушеніями нашихъ правъ наталкиваетъ насъ на взаимное пониманіе съ *другимъ контрагентомъ*. Наше право—

реально... Намъ нельзя говорить: «найдите modus vivendi съ латышами п эстами». Наоборотъ, находясь на почвѣ неопровержимыхъ правъ нѣмцевъ, латыши должны приспособляться къ намъ. Права нѣмцевъ не исключительная привилегія юнкерства!» «Принадлежать государству,— какъ говоритъ Альбрехтъ Виртъ,—это всегда остается чѣмъ-то вѣшнымъ, временнымъ, отклоняемымъ. Принадлежать же народу—это внутреннее, длительное, никогда не уничтожающееся».

«Нужно сказать, что для многихъ изъ насъ то, что мы остаемся въ Россіи, зависитъ отъ отношенія нѣмцевъ. Извѣстны слова великаго курфюста: «Пусть каждый помнитъ, что онъ долженъ дѣлать во славу нѣмецкаго имени. Помни, что ты нѣмецъ».

«Мы должны или остаться и работать здѣсь во славу нѣмецкаго имени, умножая свои имѣнія, такъ какъ это первая и самая важная обязанность каждаго нѣмца въ этой странѣ,—или же должны совершить свой выходъ, какъ Гугеноты, во славу нѣмецкаго имени... И при разставаніи нужно быть грустными, чтобы не думали, будто мы сбрасываемъ съ себя родину, какъ грязную рубашку... Но пока я не совѣтую уходить. Нужно подумать»...

Таковы основныя мысли автора популярной «Am Scheidewege». Перейду теперь къ краткому разсмотрѣнію германской литературы о Прибал-

тійскомъ краѣ. Вотъ любопытная книга, написанная W. Lööfalt'омъ подъ заглавіемъ: «*Baltenhette. Die Verfolgung von Glauben, Sprache und Recht in den Ostzeeprovinzen Russlands*».

Согласно взгляду Lööfalt'a въ Прибалтійскомъ краѣ все хорошо до освобожденія крестьянъ. Нѣжными акварельными красками, подобно цитированному мною воззванію Гойнингенъ-Гюне, Lööfalt описываетъ заботы бароновъ о крестьянахъ, сопоставляя при этомъ ужасы жизни русской деревни. Въ Россіи было рабство, а у баронскихъ крестьянъ—свобода. Въ Россіи вражда и ссора, а въ Прибалтійскомъ краѣ миръ и благоденствіе. Но вотъ появляются русскіе чиновники со своей русификаціонной тенденціей — и все измѣняется. «Независть русскаго народа къ балтійскимъ пѣмцамъ — давняго происхожденія, — говоритъ авторъ.—Балтійская исторія можетъ многое про это рассказать». И вотъ авторъ начинаетъ рассказывать невѣроятныя вещи про обращеніе въ православіе, заимствуя примѣры, очевидно, не изъ того времени, которое описываетъ, а изъ эпохи обращенія тевтонскимъ орденомъ язычниковъ въ «христіанство». По словамъ автора, на островѣ Кодое, около Балтійскаго порта русскіе подпоили вечеромъ одного мѣстнаго жителя до безчувствія, во снѣ надѣли на него православно-греческій крестъ, а на слѣдующее утро объявили, что онъ присоединенъ къ государственной религіи Kaiser oder Reichsglauben. «А въ отчетахъ

Изъ эстонскаго сатирическаго журнала «Сядемедь».

На Курляндской границѣ.

Германскій офицеръ. Это была недурная идея, бы роль, посетить у васъ нѣмецкихъ колонистовъ.

Баронъ. О, да. Придите только къ намъ—вы будете чувствовать себя здѣсь, какъ дома.

Синоду русскіе писали, что шесть мѣсяцевъ учили новообращеннаго и производили экзамены». Эти нелѣпныя выдумки, такъ не соответствующія характеру православія, занимають у автора «гоненій» довольно много мѣста. То подпаиваніемъ, то обѣщаніями всякихъ выгодъ, то указаніями на «жертву царю», русскіе миссіонеры, по словамъ Löörgalt'a, обратили въ православіе многихъ латышей и въ особенности эстонцевъ, забывая, что подобнымъ актомъ паносятъ незаслуженный ударъ господствующему нѣмецкому племени. «Все свое религіозное и нравственное самосознаніе, все внутреннее содержаніе чловѣка эстонскій народъ долженъ былъ принести въ жертву Царю, унизенному до званія далай-ламы». «Невѣроятно много лжи, обмана и передеряжекъ было соединено при этомъ со словомъ «Kaiserglaube»...

И затѣмъ, переходя къ разсмотрѣнію «гоненія» на нѣмецкій языкъ, авторъ съ увѣренностью замѣчаетъ, что «введеніе русскаго языка окончательно уничтожило все, что было сдѣлано для культуры народа».

А какъ увѣрены нѣмцы въ томъ, что ихъ культура нужна всѣмъ, не только балтійскимъ нѣмцамъ, но и латышамъ, и эстонцамъ, объ этомъ можно много интереснаго почерпнуть изъ рѣчи «Altlivlands Deutschtum», прочитанной В. Hölhbaum'омъ въ Иннсбрукѣ и отпечатанной затѣмъ отдѣльной брошюрой въ Лейпцигѣ.

«Въ Финляндіи, — начинаетъ свою рѣчь австрійскій авторъ, — въ прекрасной Финляндіи славянская сила лишила лучшихъ правъ высоко стоящій въ культурномъ отношеніи свободный народъ. И если насъ трогаетъ судьба финновъ, то во много разъ съ большимъ участіемъ должны отнестись мы къ живущимъ на югѣ отъ Финляндіи нашимъ соплеменникамъ въ нѣмецкихъ русскихъ провинціяхъ, въ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, которыя нѣкогда носили общее названіе «*Altlivland*». «Эта страна нѣмецкая исторически, по праву и по культурѣ. И она останется нѣмецкой — такъ хочетъ Богъ, несмотря на гоненія и притѣсненія русскаго правительства» «Чтобы хорошенько понять исторію страны и Германіи, нужно всегда имѣть въ виду, что тутъ дѣло идетъ о нѣмецкой колоніи». «Балтовъ упрекали, что они не германизировали населеніе... Но они считали себя господами страны и не находили нужнымъ прибѣгать къ этому. Это не нѣмецкая черта — принуждать другія народности — ассимилироваться»...

«Латыши и эстонцы въ настоящее время находятся между двумя вліяніями — одно внѣшнее, русское; другое внутреннее, культурное — нѣмецкое. Благодаря нѣмецкому вліянію, церкви и школы, латыши неизмѣримо переросли русскій народъ».

«Нѣмцы присоединились къ Россіи не только для блага колоніи, но также для благоденствія

Россіи, которая давно интересовалась колоніей. Цари и народы всегда признавали, что балты лучшіе культурные подданные, и только для пользы страны балтійскіе нѣмцы занимали въ государствѣ лучшія мѣста». «Общеніе съ Германіей было всегда... Университетъ въ Дорпатѣ всегда приносилъ пользу и Германіи и Австріи. Въ университетѣ была совсѣмъ нѣмецкая жизнь»...

Между тѣмъ, въ послѣднее время, по словамъ автора «Altlivland», настала для нѣмцевъ ужасная пора. Руссификація уничтожаетъ и разрушаетъ все. «Частныя и офиціальныя школы, низшія и высшія, все приносится въ жертву. И это дѣло разрушенія вѣнчается руссифицированіемъ, вѣрнѣе, уничтоженіемъ Деригтскаго университета»... Какой выходъ найти изъ подобнаго невозможнаго состоянія? Чѣмъ оградить себя отъ разрушительной ненавистной руссификаціи?

Тутъ мы подходимъ къ самой интересной части книги—къ обсужденію вопроса о дѣятельности недавно возникшихъ отдѣленій Дейчеръ-Ферейна въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Враждебный Россіи австрійскій нѣмецъ говоритъ здѣсь, конечно, съ точки зрѣнія германско-австрійской, и поэтому его отношеніе къ работѣ ферейна для насъ очень цѣнно. Если онъ брапитъ, значитъ Россіи не опасно. Если хвалитъ—нужно быть осторожнымъ.

Такъ вотъ что сообщаетъ намъ авторъ:

«Полученный мною въ Иннсбрукѣ отчетъ о

дѣятельности ферейна въ Эстляндіи представляеть утѣшительную картину. Онѣ указаль на спокойное движеніе впередъ во всѣхъ областяхъ дѣятельности... Въ настоящее время въ Ревель насчитывается пять школъ ферейна и семь въ различныхъ мѣстахъ Эстляндіи. Кромѣ этого, есть здѣсь дѣтскіе сады, книготорговли, лекціонныя комитеты. Очень хорошо работающій Frauenbund. Въ противовѣсъ правительству, угрожающему нѣмечеству націонализацией кредита, здѣсь возникли съ цѣлью самозащиты нѣмецкій «Gewerbeverein» и «Gesellschaft für Grundbesitz». Эти послѣдніе должны помогать сохраненію нѣмецкой недвижимости».

«Я, можетъ быть, утомилъ васъ перечисленіемъ различныхъ областей дѣятельности ферейна,—замѣчаетъ авторъ,—но, благодареніе Господу, наши нѣмецкіе братья по племени не утомляются тамъ, вдали, въ своей работѣ!.. Все это представляеть свѣтлую, полную нѣмецкаго духа картину. Но есть здѣсь и глубокія тѣни. «Новая» Россія дѣлается, какъ и прежде, реакціонно-абсолютнѣстской. И въ этомъ тяжеломъ положеніи, когда наши братья по племени живутъ подъ угрозой ихъ нѣмечеству, мы должны поддерживать этихъ братьевъ въ приближающейся тяжелой культурной борьбѣ!».

Чтобы покончить съ литературой нѣмцевъ по балтійскому вопросу, приведу краткія выдержки еще изъ нѣсколькихъ книгъ, посвящен-

ныхъ «руссификаціи» края. Эта пресловутая руссификація, при которой до сихъ поръ прибалтійское дворянство разсылаетъ официальные бланки русскимъ и туземцамъ на нѣмецкомъ языкѣ и безраздѣльно управляетъ всею окраиной—эта самая руссификація называется у нихъ грознымъ словомъ «Zerstörungswerk». Подъ такимъ заголовкомъ «Die Zerstörungswerk in den russischen Ostseeprovinzen» въ девяностыхъ годахъ появилась книга анонимнаго автора подъ тремя звѣздочками, очевидно, одного изъ прибалтійцевъ, не желавшаго выступить открыто.

«Во главѣ всѣхъ государствъ Европы стоитъ могущественная Германія, руководительница европейской политики», — начинаеть свое изложеніе авторъ. Но славянскій потокъ угрожаетъ чисто нѣмецкимъ землямъ, и уже цѣлое столѣтіе старая нѣмецкая культура на остзейскихъ берегахъ отдана во власть грубой ярости русскаго варварства (dem hohen Wüthen russischer Barbarei)... Нѣмецкій характеръ страны остался неизмѣннымъ; но русскій народъ ненавидитъ провинцію, и эта расовая ненависть требуетъ теперь отъ ослѣпленныхъ сторонниковъ руссификаціи—разрушенія многовѣковой культуры.

«Остзейская провинція — чисто нѣмецкая страна... Высшее образованіе, промышленность, торговля, недвижимость, все находится въ нѣмецкихъ рукахъ; вся интеллигенція края также—нѣмецкая... Нѣмцы не только сохранили здѣсь

свой языкъ, но даже заставили население страны, говорящее на другомъ языкѣ, принять нѣмецкій образъ жизни и правовыя нормы... Населеніе здѣсь германизировано... Не важно, что латышскій языкъ остался въ провинціи, важно то, что латыши проникнуты нѣмецкимъ духомъ, и что все не-нѣмецкое имъ чуждо. Большую услугу въ этомъ насажденіи германскаго духа въ туземцевъ и во внѣдреніи въ нихъ нѣмецкаго міровоззрѣнія оказала евангелическая мѣстная церковь... Остзейскія провинціи могутъ жить и безъ государства, по собственнымъ своимъ желаніямъ, и въ этомъ единственная надежда балтійскаго нѣмечества... Германія достигла необычайнаго блеска, и въ тѣни остается Россія. Варварское и безсовѣстное поведение Россіи по отношенію къ нѣмецкимъ провинціямъ вызвало въ Европѣ протесты. А насколько полезнымъ окажется здѣсь образованіе народа на русскихъ началахъ, примѣромъ этому могутъ служить сами образованные русскіе. Какъ голодные волки напали они на добычу, которую представили для нихъ остзейскія провинціи... Послѣ судебныхъ реформъ настало время безъ всякаго правосудія. Когда появились судьи, они не говорили ни одного слова на языкѣ страны (Landessprache). И что оставалось имъ дѣлать съ тысячами актовъ, написанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ?.. Всѣ увидели подкупность русскихъ чиновниковъ—вещь до сихъ поръ незнакомая въ остзейскихъ провинціяхъ. Въ пра-

вильности этой системы разрушенія культуры остзейскихъ провинцій не сомнѣвался ни одинъ русскій. Права балтовъ для русскихъ не представляли никакого препятствія. Недостатокъ правового чувства составляетъ существующій признакъ отличія Россіи отъ Европы. И если русскіе достигнутъ своей цѣли—разрушенія культуры страны, тогда страшно подумать, что будетъ... Кто хоть немного знаетъ русскихъ, тотъ не сомнѣвается, что покрытые тонкимъ слоемъ европейскаго лака азіатскіе варвары проявятъ себя самымъ ужаснымъ образомъ!..

Таковы главныя мысли книги «Zerstörungswerk». Само собою понятно, что полемизировать съ господниномъ, укрывшимся подъ тремя звѣздочками и, навѣрно, получающимъ пенсію отъ русскаго правительства—нѣтъ никакого смысла. Теперь, когда германцы показали на войнѣ толщину своего слоя европейскаго лака, смѣшно защищать отъ нѣмецкихъ нападковъ русское правовое чувство. Но интересенъ здѣсь взглядъ нѣмца на «права» на Прибалтійскій край. Нѣмецкій языкъ—языкъ страны—Landessprache, когда нѣмцевъ здѣсь всего-на-всего 6% населенія! Правосудіе исчезло съ введеніемъ русскихъ судебныхъ реформъ, когда только послѣ этихъ судебныхъ реформъ нѣмцы перестали стѣснять крестьянъ и подвергать ихъ истязаніямъ и преслѣдованіямъ безъ всякаго суда по одному усмотрѣнію. А во вредъ руссификаціи для культуры края

убѣждены всѣ нѣмцы. Вотъ специальная книга, посвященная вопросу о руссификаціи: I. v. Dognet, «Die Russifizierung der Ostseeprovinzen». До руссификаціи края «латыши и эсты,—по словамъ автора этой книги,—естественно были расположены къ своимъ нѣмецкимъ благодѣтелямъ». Руссификація же сдѣлала ихъ враждебными къ нѣмцамъ. «Искорененіе нѣмецкаго языка, нѣмецкаго права и евангелической религіи приводитъ къ моральной и политической чудовищности. Нынѣшнее русское правительство, конечно, не боится этого. На всѣ случаи подобнаго неблагополучія у него есть отвѣтъ «nitschewo». И въ связи съ этимъ авторъ удивляется ревизіи Манассина. «Манассинъ использовалъ основательно свои полномочія съ одной расовой ненавистью... Великое несчастье Россіи заключается въ томъ, что въ ней царитъ духъ отрицанія. Панславизмъ родствененъ нигилизму... И если въ Россіи останется господствующей партія панславистовъ, то война съ Германіей неизбежна. Будемъ же готовы!»

Въ 1905 году въ Килѣ, въ засѣданіи Schulverein'a профессоръ Mühlau прочелъ лекцію подъ заглавіемъ: «Die Ostseeprovinzen Russlands und ihre deutsche Kultur». И въ этой лекціи ясно отразилось настроеніе германскихъ нѣмцевъ въ ихъ видахъ на Прибалтійскій край. «Культурное богатство нашего нѣмецкаго народа находится въ остзейскихъ провинціяхъ въ опасности,—

говоритъ ораторъ.—И мы должны отнестись къ нашимъ жестоко обиженнымъ балтійскимъ братьямъ съ открытымъ сердцемъ и помочь имъ всѣми силами». И у оратора встрѣчаются опять тѣ же слова, которыя въ большомъ ходу вообще у всѣхъ нѣмецкихъ изслѣдователей жизни угнетенныхъ балтовъ. Это—«старая нѣмецкая колонія». «Нѣмецкая работа въ странѣ дала блестящіе результаты», здѣсь — «настоящая нѣмецкая культура». «Балтійская страна по природѣ своей представляетъ открытую дверь, которая ведетъ изъ Германіи съ запада на востокъ»... И въ заключеніе ораторъ рѣшаетъ вопросъ о будущемъ. «Бросимъ взглядъ впередъ... Я не пророкъ, но я не пессимистъ. Я не считаю балтійское нѣмецество утеряннымъ постомъ, пока тамъ въ домахъ сохраняется нѣмецкій языкъ, евангелическое вѣроисповѣданіе и добрые нѣмецкіе нравы».

XXXI.

Почему нѣмцы равнодушны къ Россіи?—Необъяснимое.—Привилегіи.—Привилегированные нѣмцы въ городахъ.—Гильдіи.

Мы видѣли, какъ равнодушно холодны въ своемъ большинствѣ прибалтійскіе нѣмцы къ интересамъ русскаго государства. Но, можетъ быть, нѣмцамъ въ Прибалтійскомъ краѣ дѣйстви-

тельно, живется очень скверно? Можетъ быть условія, въ которыя поставлены эти представители германской расы, въ самомъ дѣлѣ настолько отчаянны, что кромѣ ненависти къ Россіи ничего другого вызвать не могутъ?

Ну, конечно, условій, въ которыхъ находятся прибалтійскіе нѣмцы, попавшіе въ Петроградъ и въ большіе центры обширной Россіи, — я касаться не буду. Каждый знаетъ, что эти условія не такъ плохи. Въ Государственномъ Совѣтѣ въ качествѣ многочисленныхъ членовъ, въ Сенатѣ въ качествѣ нерѣдкихъ сенаторовъ, въ судахъ въ качествѣ частыхъ предсѣдателей, въ Академіяхъ наукъ и искусствъ въ качествѣ сплошныхъ академиковъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ вершителей удачной вышней политики Россіи, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія въ качествѣ всесильныхъ директоровъ департаментовъ или профессоровъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ качествѣ губернаторовъ или градоначальниковъ и т. д. и т. д... Во всѣхъ этихъ вѣдомствахъ прибалтійскіе нѣмцы едва ли терпятъ особенныя лишения и испытываютъ тяжкую форму гоненія. И объ нихъ конечно говоритъ не... стоитъ. Перейдемъ прямо къ условіямъ, въ которыхъ живутъ прибалтійскіе нѣмцы у себя дома.

Здѣсь мы сразу наталкиваемся на рядъ изумительныхъ вещей, которыя и дали мнѣ право назвать прибалтійскія губерніи «Страной чудесъ».

Въ самомъ дѣлѣ. Городское нѣмецкое населеніе имѣеть здѣсь особо привилегированное положеніе, благодаря своимъ удивительнымъ «гильдіямъ». Помѣщики обладаютъ привилегіями такими, которыя не снились нашему русскому дворянству даже во времена крѣпостного права. Прибалтійскій помѣщикъ привилегированъ отъ головы до ногъ, не имѣя даже уязвимои ахиллесовой пяты. Онъ одинъ имѣеть право охотиться, ловить рыбу, не работать надъ починкой дорогъ, онъ одинъ имѣеть право винокуренія, одинъ можетъ устраивать корчмы для спаиванія народа.

Чтобы привилегированность нѣмцевъ не казалась вамъ преувеличенной, я готовъ остановиться на вопросѣ о привилегіяхъ болѣе подробно. Начнемъ съ городовъ, съ «гильдій». Въ Ригѣ, Юрьевѣ, Ревелѣ существуетъ, согласно общему правилу, по двѣ гильдіи, носящихъ названія или «малой» и «большой», или въ честь какого-нибудь святого или историческаго лица. Всѣ прибалтійскія гильдіи имѣютъ почти одинаковую организацію, за малыми уклоненіями въ силу какихъ-либо мѣстныхъ условій. Въ средніе вѣка эти гильдіи являлись въ Германіи товариществами, въ которыхъ купцы или ремесленники объединялись для достиженія общихъ профессиональныхъ цѣлей. Пройдя стадіи простыхъ организацій, годныхъ больше для устройства выпивокъ, чѣмъ для серьезнаго дѣла, гильдіи въ

концѣ концовъ достигли на западѣ значенія органовъ городского управленія и въ такомъ видѣ были получены вмѣстѣ съ другими германскими пережитками Россіей послѣ присоединенія края.

Когда городское положеніе 1870 года вошло въ силу въ прибалтійскихъ губерніяхъ, гильдіи, управлявшія городомъ и объединявшія только «гражданъ», потеряли всякій смыслъ и всякое значеніе. Всѣ функціи управленія городскими дѣлами должны были перейти къ городскому самоуправленію, а дѣленіе городскихъ обывателей на гражданъ и не-гражданъ потеряло силу, такъ какъ теперь основаніемъ для допущенія къ участию въ управленіи городомъ явилось уже не «гражданство», а просто имущественный цензъ. Но гильдіи, однако, не исчезли. Воспользовавшись халатностью и неосвѣдомленностью администраціи, они урвали кое-гдѣ остатки прежнихъ функцій и остались... И существуютъ недурно.

Въ Ригѣ въ дореформенное время городскими дѣлами управлялъ «совѣтъ старѣйшинъ» (Rath), большая гильдія и малая. Члены этихъ трехъ организацій считались первымъ, вторымъ и третьимъ сословіемъ. Отдѣльные жители Риги, не принадлежавшіе къ этимъ сословіямъ, не принимали участія въ политической жизни города. Каждая гильдія, какъ корпорація, управлялась совѣтомъ (Aeltestenbank), члены котораго избирались пожизненно, такъ же, какъ выбирались бургомистръ и члены Rath'a.

Въ настоящее время «совѣтъ старѣйшинъ», благодаря существованію городской думы и управы, конечно, не существуетъ; онъ потерялъ даже свои судебныя функціи. Но гильдіи остались почти со всѣмъ прежнимъ укладомъ жизни. И вотъ этотъ-то укладъ жизни дѣлаетъ нѣмцевъ-гильдейцевъ привилегированными въ смыслѣ вліянія. До сихъ поръ выборы совѣта старшинъ въ обѣихъ гильдіяхъ происходятъ слѣдующимъ образомъ:

Совѣтъ старшинъ назначаетъ комиссію изъ 12 или 16 человѣкъ.

Комиссія выбираетъ 6 кандидатовъ на вакантную должность старшины.

Совѣтъ старшинъ изъ 6 предложенныхъ выбираетъ только трехъ.

Наконецъ общее собраніе изъ этихъ трехъ выбираетъ одного. И пожизненно.

Вы видите, какая фильтрація происходитъ на этихъ выборахъ. Все обставлено такъ, чтобы не прошло лицо, нежелательное совѣту. Благодаря этому, составъ совѣта по духу никогда не мѣняется. Пусть пройдетъ двѣсти, триста и сколько хотите лѣтъ, все равно совѣтъ старшинъ будетъ работать въ одномъ и томъ же направленіи. Онъ назначитъ при каждахъ новыхъ выборахъ послѣ смерти одного изъ своихъ коллегъ такую комиссію, которая ему симпатична по національности и по взглядамъ. И эта комиссія назначитъ также своихъ сторонниковъ въ кандидаты. Вспомните уставъ — Schragen, который я при-

водилъ, упоминая о Юрьевской гильдіи. Хотя этотъ уставъ съ параграфомъ о «непринятіи нѣмцевъ» и не дѣйствуетъ юридически, но фактически, благодаря процѣживанію кандидатовъ, до сихъ поръ остается въ силѣ. Гильдіи во всѣхъ городахъ сторонятся всего чужого, нѣмецкаго. Въ Ригѣ замѣчается даже, что гильдіи выбираютъ въ совѣтъ не только нѣмцевъ, но большей частью сравнительно молодыхъ, чтобы эти избранные пожизненно старшины могли долгое время осуществлять завѣты избравшихъ.

Участники гильдій называются «гражданами» до сихъ поръ, хотя этотъ терминъ въ настоящее время потерялъ свое дѣйствительное значеніе. Эти граждане (Bürger) при принятіи въ «гражданство» даютъ присягу. Кто же изъ нихъ хочетъ воспользоваться фондами вспоможенія гильдій, тотъ обязанъ вступить въ гильдейскія организаціи и тогда называется «братомъ» (Bruder). При принятіи въ братство въ малой гильдіи исполняется до сихъ поръ особый ритуалъ. Въ торжественномъ засѣданіи совѣта новому брату подносятъ ковшъ вина и заставляютъ его пить. Пока тотъ пьетъ, звонятъ колокола... И новый братъ принимается въ «братство», выпивъ въ буквальномъ смыслѣ слова на «брудершафтъ».

Кто же можетъ выпить здѣсь на брудершафтъ, какъ не свой человѣкъ - нѣмецъ? Кто можетъ пройти въ должностныя лица гильдіи, какъ не тотъ же свой человѣкъ - нѣмецъ? Вотъ списокъ

должностныхъ лицъ большой гильдіи въ Ригѣ: Эльтерманъ—Германъ Штида.

Старшины: Якшъ, Бушъ, Файенъ, Любекъ, Кюммель, фонъ-Стрицкій, Бэкъ, Бушъ, Керковиусъ, Штида, Френкель, Каппеллеръ, Эргардтъ, Гартманъ, Мюндель, Шварцъ, Аугсбургъ, Ролоффъ, Мюндель, Керковиусъ, Гоцъ, Кюммель, Лира, Лауренцъ, Года, Рердликъ, Дульцъ, Фарбахъ, Менцендорфъ, Реймерсъ, Копшъ, Бейерманъ, Якшъ, Зельмеръ, Рутенбергъ, Краузе, Каріусъ.

И чтобы не утомлять васъ соответственнымъ спискомъ старшинъ малой гильдіи, могу просто дать слово, что тамъ списокъ такой же: эльтерманъ—Яухъ, а старшины—начиная съ Дорстера и кончая Рейнеромъ.

Благодаря существованію гильдій, въ одной изъ которыхъ объединяются нѣмецкіе купцы, а въ другой—нѣмецкіе ремесленники,—русскіе или туземные купцы и ремесленники находятся въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ ихъ нѣмецкіе конкуренты. Я уже не говорю о различныхъ льготахъ и преимуществахъ, которыя въ купеческой и ремесленной жизни города даютъ гильдіи; но вспомните «податныя управленія», про которыя я упоминалъ раньше: вѣдь старшины въ этихъ управленіяхъ, согласно привилегіямъ гильдій, выбираются не изъ среды уполномоченныхъ самихъ мѣщанъ, а изъ тѣхъ же гильдейскихъ дѣятелей! А какую силу имѣютъ гильдіи, объ этомъ можно судить уже по ихъ богатствамъ, почему-

то не отобраннымъ при введеніи городского положенія въ краѣ. Послѣ 1878 года старый городской совѣтъ (Rath) оставилъ за собой только судейскія функціи, которыя скоро были тоже отмѣнены. Но гильдіи не только взяли на себя завѣдываніе дѣлами купцовъ и ремесленниковъ, но оставили въ своемъ распоряженіи и многія имущества, по смыслу принадлежавшія городу. Комиссія, составленная тогда для ликвидаціи административныхъ функцій гильдій и ихъ имущества, состояла почти исключительно изъ нѣмцевъ, назначенныхъ новой нѣмецкой городской думой: изъ фонъ-Беттихера, фонъ-Гольста, Керковиуса, Шутова, Шварца, Таубе, фонъ-Тунцельмана, Цандера и Альта. И понятно, что комиссія, предчувствуя возможную когда-нибудь въ будущемъ «руссификацію» состава городской думы, рѣшила оставить въ рукахъ гильдій многія изъ городскихъ имуществъ. Къ городу отошли только тѣ имущества, которыя принадлежали всѣмъ тремъ сословіямъ — Rath'у и двумъ гильдіямъ; кромѣ того, комиссія рѣшила, что «всѣ три сословія города остаются впредь не только частными корпораціями, но въ извѣстныхъ рамкахъ и представителями города».

Нѣтъ нужды послѣ всего этого доказывать, что прибалтійскія гильдіи будутъ еще долго представлять изъ себя сильныя нѣмецкія крѣпости, которыя можно взять только 87-й статьей. Если сравнить списки старшинъ этихъ гильдій.

со списками членовъ Дейчеръ-Ферейна, то совпаденія будутъ на каждомъ шагу. На засѣданіяхъ и собраніяхъ гильдій русской рѣчи услы-

Яhres-Reyision nachfolgender 28 Kassen

am 12. Februar 1914.

- I. Die Ältestenkassen.**
1. Die Ältestenkasse
 2. " Ältesten-Unterstützungskasse
 3. " Knaakstiftung für Ältestentöchter

	Verwaltung und Kassaführende Älteste.	1912 rund Rubel.	1913 rund Rubel.
	G. Schmidt	23397	23184
	U Schwolkowsti	22411	23295
	U Vogel	29630	30356
		75438	76835
II. Die Gilden-Betriebskassen.			
4. Die Bürger-Kämmereikasse (500 R. auf Romanow-Stiftung überwiesen)	Gilden Ältermann	23051	22869
5. " Bruderlasse	"	16324	19465
6. " Remontekasse	"	854	1014
7. " Zunftmeisterkasse (Gewerbelasse)	"	2965	3223
8. " Unterrichtskasse	"	5836	6281
9. " Gildenmeister-Unterstützungskasse	"	2726	3005
10. " August Hartwig-Stiftung	"	9846	10389
11. " Windisch-Stiftung	"	4106	6685
12. " Papperig-Stiftung	"	2410	2625
13. " Weichlerstiftung (1 Zinseszinschein)	"	100	100
		68216	74656

Снимокъ съ ревизіоннаго отчета рижской Гильдіи.

шать нельзя. Гильдеецъ помнить, что онъ не просто купецъ или ремесленникъ, а прежде всего нѣмецъ. Гильдіи—одни изъ тѣхъ фортовъ германскаго форпоста, на которые наши плохенькія административныя орудія не обращали

до сихъ поръ еще никакого вниманія. А между тѣмъ гильдіи не только подрываютъ русскую и туземную торговлю и промышленность края,— онѣ не только вырабатываютъ богатаго и сильнаго нѣмца-купца и нѣмца-ремесленника, онѣ не только онѣмечиваютъ слабыхъ, ищущихъ ихъ поддержки,—онѣ вліяютъ даже непосредственно на городскую думу. При послѣднихъ выборахъ гласныхъ, гильдейцы Реймерсъ, Бейерманъ, Фогель, Яухъ и другіе стояли во главѣ избирательной кампаніи, заключали соглашенія, составляли списки кандидатовъ...

И если въ гильдіяхъ германскихъ подданныхъ нѣтъ, то сыновья у этихъ русскихъ подданныхъ не всегда русско-подданные. Сынъ члена совѣта Шмидта, какъ германскій подданный, высланъ во внутреннія губерніи; сынъ другого гильдейца Гартвига—находится въ настоящее время въ германской арміи... А мать профессора Оствальда, того знаменитаго Оствальда, который былъ раньше здѣсь преподавателемъ, а теперь сдѣлался авторомъ не только «Философіи природы», но и творцомъ «пангерманистскаго союза» — эта г-жа Оствальдъ, вдова бочара, до сихъ поръ получаетъ здѣсь въ малой гильдіи пенсію въ 60 рублей, причѣмъ проситъ въ настоящее время прибавки въ 10 рублей, очевидно, за исключительныя заслуги сына въ открытіи новыхъ химическихъ соединеній германскихъ народностей...

XXXII.

О „дворянскихъ имѣніяхъ“. — Пикантная исторія словечка „его“. — Deutscher Bank. — Нельзя ли конфисковать?

Преимущества, которыя имѣють передъ обыкновенными смертными горожанами прибалтійскіе бюргеры-гильдейцы, совершенно меркнутъ, однако, передъ тѣми поблажками и тѣми закономъ признанными привилегіями, какими пользуются дворяне-помѣщики. Начну съ частнаго случая, имѣющаго сейчасъ особенный интересъ — съ такъ называемыхъ «дворянскихъ имѣній». Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ Россіи вы не встрѣтите, чтобы дворянство, какъ сословіе, обладало собственными огромными и богатѣйшими помѣстьями. Въ Прибалтійскомъ же краѣ это имѣется. Всего двѣсти лѣтъ балты-дворяне находятся въ Россіи, и между тѣмъ за это время они умудрились получить и огромныя помѣстья, и десять милліоновъ за введеніе монополіи, и около пяти милліоновъ за «революцію»... А русскіе дворяне, потомки Рюрика, потомки малороссійскихъ гетмановъ, потомки польскихъ и литовскихъ королей, потомки грузинскихъ царей, потомки татарскихъ хановъ,—всѣ эти отпрыски великихъ историческихъ домовъ — соединенные съ Россіей узами многовѣковой и даже тысяче-

лѣтней жизни, они никакихъ «дворянскихъ имѣній» не знаютъ, за монополію ничего получать не думали, тяжесть революціи переносили наравнѣ съ другими, не предъявляли правительству ни жалобъ, ни тщательно провѣренныхъ, аккуратныхъ Rechnung'овъ.

Въ вопросѣ объ «имѣніяхъ прибалтійскаго дворянства» интересны два пункта. Первый состоитъ въ томъ, что «имѣнія дворянства» сдѣлались имѣніями дворянства совершенно неожиданно... Не согласно съ той цѣлью, съ которой дворянамъ подарилъ ихъ Петръ I, а согласно съ той цѣлью, которую поставили себѣ сами дворяне. Въ книгѣ Н. Бордоноса «Основы поземельныхъ отношеній въ Лифляндской губерніи» можно найти любопытную историческую справку объ этомъ. Въ меморіалѣ, поданномъ Петру I лифляндскимъ дворянствомъ, какъ указываетъ г. Бордоносъ, говорилось:

«Почеже должность ландратовъ въ исправленіи многихъ службъ въ сей землѣ состоитъ, за что они ни гроша не получаютъ, однако же обязаны проводить свое время большей частью въ городѣ и притомъ тратить свое имущество; напротивъ того, хозяйство, которое они имѣютъ въ деревняхъ, вовсе закупаютъ... Того ради всеподданнѣйше просятъ, чтобы В. И. В. благоволили, по врожденной высокой щедротѣ своей, ихъ приличнымъ ихъ званію жалованіемъ Всемилостивѣйше снабдить и для того нѣкоторыя

мѣстности, изъ копѣхъ имѣ оное получать, Всемилостивѣйше отвести».

Ходатайство это, имѣвшее въ виду земскую службу, было уважено императоромъ. Но именно—имѣвшее въ виду земскую службу. Запомните.

Въ 1725 году лифляндское дворянство ходатайствовало вновь объ отводѣ ему еще новыхъ имѣній «на содержаніе ландратовъ».

И Екатерина I тоже уважила ходатайство балтовъ. Вѣдь ландраты — представители земства! Послѣ этого дворянскія имѣнія то отбирались послѣдующими государями, то возвращались дворянамъ. Александръ I, издавъ указъ о предоставленіи балтійскимъ помѣщикамъ имѣній, въ видѣ мотива указалъ, что имѣнія «отданы въ вѣчное владѣніе дворянству на общественныя нужды».

И что за странность? Когда Высочайшій указъ прошелъ черезъ необходимыя инстанціи, — въ текстѣ оказались удивительныя измѣненія. Въ указѣ исчезли нѣкоторыя слова... Къ выраженію же «отданы въ вѣчное владѣніе дворянству на общественныя нужды», прибавлено слово «его», благодаря чему получилось: «на общественныя его нужды». Не трудно видѣть, что смыслъ всей фразы сразу измѣнился въ пользу дворянства отъ этого коротенькаго, но удачнаго слова. Получилось, что имѣнія оказались пожалованными дворянству не на земскія нужды, какъ это по-

нималось съ Петра I, а дворянству на нужды что, какъ сословія... Какъ это случилось, кто вставилъ слово «его» и выпустилъ другія слова изъ указа — тайна сія для невиннаго ума непостижима.

Итакъ вы видите, что исключительность пользованія прибалтійскими помѣщиками «дворянскими имѣніями», какъ своими собственными — это вопросъ, въ связи съ приближающейся земской реформой довольно пикантный. Правда, въ изданномъ въ 1845 году сводѣ мѣстныхъ узаконеній сказано ясно о земскихъ нуждахъ наряду съ дворянскими. По закону, имѣнія даны «на содержаніе ландратовъ и вообще на общественныя надобности». Но фактически? Останутся имѣнія за дворянствомъ или нѣтъ, когда будетъ введена земская реформа? Русскіе говорятъ — нѣтъ. Нѣмцы — да. И баталія изъ-за этого пункта въ Государственной Думѣ будетъ не малая, такъ какъ у Фелькерзама и Вольфа есть еще протекціонный порохъ въ пороховницахъ...

А имѣній у всѣхъ трехъ дворянствъ — курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго въ общей сложности не мало.

Напримѣръ, въ Курляндіи:

Имѣніе Абаусгофъ — 413 десятинъ, Дегалень — 511 десятинъ, Фридрихсбергъ — 392 десятины, Грендзенъ — 1,845 десятинъ, Ирмлау — 1,002 десятины, Нейгофъ — 60 десятинъ, Петерталь — 497 десятинъ. Итого 4,729 десятинъ. Стоимостью больше одного милліона.

Въ Лифляндіи:

Имѣнія—Альтврангельсгофъ, Вицемгофъ, Фрикатень-Шлоссъ, Плангофъ, Луббенгофъ, Липекальнъ. Общей площадью около 3,700 десятинъ. Стоимостью тоже около милліона.

И, наконецъ, четыре имѣнія въ Эстляндіи, главное изъ которыхъ Куимецъ въ Ревельскомъ уѣздѣ...

Въ общемъ, если считать три милліона на всѣ три губерніи, то ошибка будетъ во всякомъ случаѣ не въ нашу пользу. И вотъ эти-то имѣнія — Лифляндской и Эстляндской губерній, какъ можно видѣть изъ «Собранія узаконеній и распоряженій правительства» за 1907 годъ, дворянству разрѣшено было заложить въ германскихъ банкахъ. Мнѣ неизвѣстно, воспользовалось ли случаемъ вступить въ связь съ Deutscher Bank'омъ прибалтійское дворянство. Какъ мнѣ передавали — эта нѣжная связь есть. Вѣдь правительственное разрѣшеніе на закладъ появилось не само собой, а, очевидно, послѣдовало въ отвѣтъ на горячія нѣмецкія просьбы! Кромѣ того... Мы такъ привыкли къ тому, что прибалтійскіе дворяне даютъ заработокъ германскимъ финансовымъ предпріятіямъ! Отдѣльныя лица, какъ, на примѣръ, одинъ изъ курляндскихъ графовъ, — держали до сихъ поръ въ Германіи всѣ свои деньги и теперь находятся въ критическомъ положеніи. Не такъ давно рижская дума раасматривала завѣщаніе

нѣкоего Керковиуса, пожертвовавшаго огромный капиталъ городу на нѣмецкія надобности съ условіемъ, что завѣщанный капиталъ будетъ храниться въ германскомъ банкѣ. И подобныя финансовыя операціи у прибалтійскихъ нѣмцевъ не рѣдкость; если въ этихъ операціяхъ не чувствуется ни капли русскаго патріотизма и заботы о преуспѣяніи финансовыхъ дѣлъ русскаго государства, то что же дѣлать! Ostsee — восточное море никакъ не можетъ у нѣмцевъ получить значенія Westsee—западнаго.

Но если мы не хотимъ обвинять прибалтійскихъ дворянъ въ отсутствіи желанія имѣть дѣло при закладахъ съ русскимъ государственнымъ дворянскимъ банкомъ, то въ настоящее время наша государственная обязанность—конфисковать закладныя Deutscher Bank'a, если таковыя въ дѣйствительности имѣются, и перевести долгъ Германіи на русскій «текущій счетъ» съ Тевтонами. Достаточно съ балтовъ и того, что они пользуются безъ стѣсненія земскимъ имуществомъ, какъ своимъ собственнымъ дворянско-сословнымъ. Не мѣшаетъ ихъ теперь хотя бы реквизиціоннымъ порядкомъ заставить перестать обогащать богатую симпатіями ихъ нѣкоторыхъ представителей страну лакированныхъ варваровъ.

XXXIII.

**Прибалтійскіе законы.—Неуязвимые зайцы.—
Привилегія спаиванія народа.—Законъ о
золотой рыбкѣ.**

Перейдемъ теперь къ привилегіямъ, которыми помѣщики, благодаря умѣло составленному «своду гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ», — отличаются отъ простыхъ окружающихъ смертныхъ. Нужно сказать, что гражданско-правовыя отношенія въ этихъ губерніяхъ регулируются въ силу собственныхъ законовъ чрезвычайно своеобразно. Одиннадцать самостоятельныхъ кодексовъ вошло сюда въ узаконенія: тутъ и шведское право, и русское, и датское, и польское, и германское, и римское... Кто владѣлъ Прибалтійскимъ краемъ, тотъ и оставлялъ здѣсь правовыя слѣды въ самыхъ разнообразныхъ, причудливыхъ формахъ. Даже нелѣпыя обычаи, которыхъ придерживался кто-нибудь изъ бароновъ по соображеніямъ матеріальныхъ выгодъ или по своей личной баронской фантазіи—все преломилось въ осколкахъ прибалтійскихъ узаконеній, въ этомъ аляповато склеенномъ сосудѣ изъ битаго стекла прибалтійской исторіи.

Русское право отразилось, пожалуй, меньше всего на правовомъ укладѣ мѣстной жизни. Оно рецепировано только въ шести статьяхъ всего

свода, и если можетъ конкурировать во вліяніи на прибалтійскія узаконенія, то развѣ только съ книгами Моисея и Псалтирю, откуда взято сюда три статьи. Чѣмъ это объяснить? Равнодушіемъ русской власти къ своей окраинѣ, на которой она могла проявить что-либо русское въ теченіе 200 лѣтъ? Или тутъ все дѣло зарыто въ нѣмецкомъ составѣ комиссій, выработывавшихъ мѣстныхъ узаконенія? Имена Будберга, Шрадера, Самсона фонъ-Гиммельстерна, барона Радена, графа Сиверса, Бунге, барона Корфа, — встрѣчающіяся при обзорѣ «русскаго» періода кодификаціи прибалтійскихъ законовъ нѣсколько подтверждаютъ основательность послѣдняго «законодательнаго» предположенія...

Какъ бы то ни было, прибалтійскіе законы пока что дѣйствуютъ. И вотъ въ этихъ законахъ мы находимъ:

«Особыя права помѣстнаго собственника въ Курляндіи: 1) Право рыбной ловли, охоты и вообще звѣриной ловли на земляхъ и въ лѣсахъ и водахъ имѣнія. 2) Право винокуренія и пивоваренія, а также право заводить и содержать корчмы и шинки для продажи хлѣбнаго вина, пива и другихъ напитковъ и съѣстныхъ припасовъ. 3) Право заводить въ предѣлахъ имѣнія фабрики и учреждать ярмарки»...

Источники для подобныхъ привилегій помѣщиковъ, конечно, не особенно солидны. Въ 1854 году эстляндское дворянство, желая пока-

зять, что помѣщичьи привилегіи не являются правовымъ захватомъ, а основаны на приличныхъ источникахъ, — представило прибалтійскому губернатору перечень вотчинныхъ привилегій съ указаніемъ этихъ источниковъ. И что же? Для права исключительной охоты не указало ничего, кромѣ обычнаго права, а право открывать корчмы обосновало патентомъ генераль-губернатора отъ 3 іюля 1774 года. Распоряженіе генераль-губернатора, какъ источникъ права въ государствѣ, гдѣ есть Верховная власть!

Между тѣмъ дворянскія привилегіи, имѣющія силу во всѣхъ губерніяхъ, а въ особенно полномъ видѣ въ Курляндіи, — поражаютъ посторонняго человѣка своимъ явнымъ противорѣчіемъ не только съ законами здраваго смысла, но и со всеми законами божескими и человѣческими. Въ Курляндіи на почвѣ исключительнаго права охоты возникаютъ непрерывно недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами. Курляндскій крестьянинъ не имѣетъ права застрѣлить зайца даже у себя на своей собственной землѣ. Одинъ латышъ-интеллигентъ, занимающійся сельскимъ хозяйствомъ, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ долженъ былъ отказаться отъ разведенія на своей землѣ фруктоваго сада, такъ какъ двѣ тысячи посаженныхъ въ саду яблонь были попорчены зайцами, противъ которыхъ по прибалтійскимъ законамъ онъ былъ совершенно безсиленъ. Зайцы, наравнѣ съ прочими вредителями, поль-

зуются на крестьянской землѣ полной неприкосновенностью. Если заяцъ не только попортитъ ростки молодыхъ деревьевъ, но захочетъ перегрызть горло крестьянскому младенцу, то на основаніи кн. II свода гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ Разд. III, ст. 892, крестьянинъ не имѣетъ права стрѣлять въ животное, такъ какъ это вредитъ охотничьимъ интересамъ помѣщика. Въ одномъ изъ курляндскихъ имѣній какой-то помѣщикъ занялся недавно разведеніемъ дикихъ козъ и наводнилъ ими всѣ окрестные лѣса. Козы забѣгали на крестьянскія земли, портили огороды, деревья. Но убить козу крестьянинъ не можетъ не только въ Курляндіи, но даже въ Лифляндіи. Въ кн. II въ ст. 1063 мы читаемъ: «Въ Лифляндіи бить лосей, дикихъ козъ и кабановъ дозволяется только вотчинникамъ и ихъ стрѣлкамъ; крестьянамъ же, хотя бы они и имѣли вообще право охоты, это запрещается». И это удивительное положеніе имѣетъ источникомъ не болѣе, не менѣе, какъ Лифляндское земское положеніе 1671 года. Неправда ли, свѣжій источникъ?

Въ Курляндіи и южной части Лифляндіи, какъ мнѣ приходилось слышать отъ латышскихъ агрономовъ, могутъ расти великолѣпные сорта французскихъ яблонь. Но пока существуетъ статья о запрещеніи охоты на своей собственной землѣ, пока крестьянинъ не имѣетъ возможности бороться съ зайцами и козами, садоводство

процвѣтать не можетъ. Какъ помѣщикъ, такъ и всѣ его служащіе имѣютъ обыкновенно охотничьи ружья; но сельскій старшина, увы! лишень этой почести.

Въ 1902 году въ Прибалтійскомъ краѣ засѣдалъ «комитетъ о сельско-хозяйственныхъ нуж-

Двѣ печати К. фонъ-Мантейфеля. Одна для сношеній съ русской администраціей, другая — съ изображеніемъ прусскаго орла — для сношенія съ нѣмцами.

дахъ», который много вниманія удѣлилъ пресловутымъ курляндскимъ зайцамъ. Губернаторъ Свербеевъ, кажется, былъ даже предсѣдателемъ этого заячьяго комитета. Но изъ «комитета» ничего не вышло. Дебаты о зайцахъ приняли страстный характеръ. Одна партія предлагала признать зайца хищнымъ животнымъ, другая ручалась за то, что въ зайцахъ ничего хищческаго нѣтъ. Какъ нѣмцы, наводнявшіе комитетъ, ни протестовали, мнѣніе о зайцѣ, какъ о хищномъ животномъ, въ концѣ концовъ восторжествовало. И все было бы хорошо, но одно жаль: рѣшеніе комитета осталось просто-напросто теоретиче-

скимъ рѣшеніемъ проблемы о зайцахъ, рѣшеніемъ ни для кого не обязательнымъ и не имѣющимъ никакой юридической силы. Право исключительной охоты составляетъ въ Курляндіи гордость помѣщиковъ. Недаромъ курляндскій администраторъ, когда хочетъ показать свое расположеніе баронамъ, беретъ ружье и ѣдетъ въ чье-нибудь имѣніе на облаву на зайцевъ. Не такъ давно, когда уже началась война, и всѣ стали воинственными, одно официальное курляндское лицо, по должности ничуть не ниже губернаторскаго, имѣло даже столкновеніе съ крестьянами на этой спортивной почвѣ. Загоняя усердно зайцевъ на землѣ друга-барона, курляндское лицо наткнулось на границѣ имѣнія на группу крестьянъ, стоявшую на межѣ своихъ усадьбъ съ палками. Встрѣтивъ неожиданныхъ свидѣтелей своего охотничьяго пыла, сконфуженное лицо вознегодовало:

— Что вамъ нужно?

Самый храбрый изъ крестьянъ отвѣтилъ:

— А мы ждемъ на всякій случай... Можетъ какой-нибудь подстрѣленный заяцъ забѣжитъ къ намъ!

На что «лицо» съ гнѣвомъ выхватило изъ рукъ дерзкаго нарушителя прибалтійскихъ законовъ палку, сломало эту палку о колѣна и, бросивъ обломки въ сторону, воскликнуло:

— Ступайте прочь! Я вамъ не загонщикъ! Donnerwetter!

И этимъ справедливымъ гнѣвомъ доказало воочію, что администраторы губерніи, несмотря на всѣ свои симпатіи къ помѣщикамъ, законъ ставятъ все-таки выше всего. Вѣдь въ «Уставѣ сельскаго хозяйства» въ томѣ XII, части 2-й ст. 260 ясно сказано чернымъ по бѣлому: «Лица, улчєнныя въ охотѣ на собственныхъ земляхъ, пространство коихъ составляетъ менѣе 150 десятинъ, подвергаются въ первый разъ предостереженію, во второй разъ денежному штрафу въ 10 рублей, въ третій—денежному штрафу въ 25 рублей и отобранію оружія и собакъ». И администраторъ, очевидно, хотѣлъ въ своемъ поступкѣ выразить «первое предостереженіе». *Amicus Plato, sed major amicus — Iepus.*

Перейдемъ теперь къ другой удивительной привилегіи прибалтійскихъ дворянъ — къ праву пропинаціи, къ исключительному праву винокурєнія и продажи крѣпкихъ напитковъ въ корчмахъ. Это пропинаціонное право пахнетъ той же пылью среднихъ вѣковъ, какъ и право охоты; во всѣхъ окраинахъ Россіи, какъ на примѣръ въ Бессарабіи и въ Польшѣ, оно отмѣнено. Уже въ 1866 году правительство наше признало право пропинаціи средневѣковымъ пережиткомъ, несовмѣстимымъ съ современнымъ государственнымъ строемъ. И въ 1896 году право пропинаціи было уничтожено, какъ въ Бессарабіи, такъ и въ губерніяхъ привислинскихъ. Но въ Прибалтійскомъ краѣ все иначе. Здѣсь все возможно со-

хранить со временъ тевтонскаго ордена: и тевтонскій крестъ на дверяхъ школы Дейчеръ-Ферейна, и тевтонское отношеніе къ рабамъ-крестьянамъ. И право пропинаціи осталось. Кромѣ упомянутой статьи о Курляндіи въ статьѣ 883 Прибалтійскаго «свода» мы читаемъ:

«Особыя права помѣстнаго собственника въ Лифляндіи, Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ... суть: 1) право винокуренія, пивоваренія и продажи хлѣбнаго вина, пива и съѣстныхъ припасовъ, а также право заводить и содержать корчмы и шинки...»

Нельзя сказать, что право содержать корчмы очень почетно. Нѣмцы-помѣщики, называющіе себя носителями великой германской культуры на Востокъ, развели пропинаціей, пожалуй, не менѣе пьяницъ въ губерніяхъ, чѣмъ членовъ Дейчеръ-Ферейна. По свидѣтельству одного изъ депутатовъ Прибалтійскаго края, до войны существовали у проѣзжихъ дорогъ такія графскія или баронскія корчмы, мимо которыхъ опасно было проѣзжать не только глухой ночью, но уже въ сумерки, когда не всѣ звѣзды зажглись на небѣ. Въ Лифляндіи по праздникамъ въ районѣ такой корчмы нерѣдко составлялось около 20 или 30 протоколовъ въ сутки, причемъ потасовки, драки и ругань считались здѣсь вполне умѣстнымъ явленіемъ. И что особенно интересно—такія корчмы большей частью располагаются около церквей. Религіозно настроенные

бароны отлично понимали, что религиозно-нравственное просвѣтлѣніе особенно важно и необходимо для опустившихся людей, потерявшихъ стыдъ, совѣсть и честь. И горькія пьяницы, завсегдатаи баронскихъ корчмъ, могутъ при желаніи быстро сбѣгать въ церковь помолиться тамъ, чтобы снять съ себя часть содѣянныхъ прегрѣшеній, и возвратиться въ корчму обратно для продолженія своей, полезной для помѣщика, дѣятельности.

Вотъ у меня довольно старый указатель курляндскихъ дорогъ, съ перечисленіемъ усадебъ, построекъ, мостовъ и всякихъ сооружений, по правую и лѣвую сторону: *Wegweiser aller classifizierten Strassen Kurlands*».

И здѣсь сразу бросается въ глаза трогательное сосѣдство церквей и построенныхъ баронами корчмъ.

Дорога отъ Бауска черезъ Гроссъ-Экау къ Бальдонъ. Слѣва: пасторатъ Бальдонъ. Церковная корчма слѣва. Церковная корчма справа.

Дорога отъ Митавы къ Нейгуту. Корчма Палена. Корчма Швитенъ. И Нейгутскій пасторатъ.

Дорога отъ Бауска къ Шенбергу. Корчма Кциленъ. Альтраденская церковь. Альтраденскій пасторатъ. И церковная корчма.

Затѣмъ немного далѣе по дорогѣ: Нейраденская церковь. И нейраденская церковная корчма.

Стоитъ ли перечислять еще? На всѣхъ дорогахъ то же самое. Церковь Бирегальнъ. И корчма Бирегальнъ—рядомъ. Церковь Гербергенъ. И въ

разстояніи 100 саженой корчма Гербергенъ. Церковь Бушгофъ—и рядомъ корчма Бушгофъ. И такъ безъ конца...

Насколько привилегія спаивать народъ на своей землѣ выгодна, объ этомъ можно судить по тому доходу, который даетъ корчма. Небольшой участокъ земли, на которомъ располагается дворянское питейное заведеніе, приноситъ аренды за право торговли въ годъ три тысячи рублей, предположимъ. Соответственный участокъ земли въ пользованіи крестьянина, который имѣлъ право заниматься только сельскимъ хозяйствомъ, въ среднемъ едва ли приноситъ 15 рублей. Такимъ образомъ корчемное право дѣлаетъ помѣщика сравнительно съ крестьяниномъ привилегированнѣе въ двѣсти разъ!

Таковы привилегіи охоты и пропинаціи. Если сюда добавитъ еще привилегію рыбной ловли, основанную на статьѣ 1032 Прибалтійскаго свода, гласящей: «Въ Лифляндіи и Эстляндіи собственникъ имѣнія пользуется исключительнымъ правомъ рыбной ловли на протяженіи трехъ верстъ отъ берега», то уже изъ этихъ трехъ привилегій можно видѣть, какъ ворожить сама судьба прибалтійскимъ помѣщикамъ. Но привилегіи этимъ не кончаются. Извѣстно, что счастливицамъ въ жизни везетъ не только по нѣкоторымъ пунктамъ, а во всемъ.

И дорожная повинность, равно какъ и церковный патронатъ, подтверждаютъ вполне эту мысль.

XXXIV.

Какъ помѣщики въ сто разъ лучше устроились съ дорогами, чѣмъ крестьяне.

Дорожная повинность въ Прибалтійскихъ губерніяхъ представляетъ изъ себя не менѣе вопіющую несправедливость, чѣмъ привилегія охоты, пропинаціи и рыбной ловли. Можно даже сказать, что несправедливость эта ярче послѣднихъ, такъ какъ гораздо болѣе ощутительна для населенія, чѣмъ запрещеніе охотиться или устраивать кабаки на своей землѣ.

Въ статьѣ 1004 «Свода гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ» ясно сказано: «Въ Лифляндіи матеріалы, потребныя на устройство общественныхъ дорогъ и мостовъ, т. е. лѣсъ, хворостъ, камень, крупный песокъ (грантъ) и т. п. должны быть поставляемы собственниками ближайшаго къ дорогѣ лѣса или поля безмездно, но съ возможнымъ притомъ обереженіемъ его пашень и луговъ». Въ статьѣ же 1005 говорится: «Въ Эстляндіи собственники тѣхъ имѣній, черезъ которыя пролегаетъ дорога, обязаны безмездно поставлять съ ближайшаго къ ней мѣста только хворостъ, щебень и песокъ».

Какъ, однако, дешифрируются эти статьи въ жизни? А вотъ какъ. Помѣщики обязаны поставлять матеріалъ для починки и для устройства

дорогъ. Крестьяне же вносятъ трудъ. Помѣщикъ даетъ съ «ближайшаго мѣста» хворостъ, песокъ и щебень — и больше знать ничего не знаетъ; крестьяне же, когда заблагоразсудится помѣщику, обязаны являться на работу, забрасываютъ свои личные дѣла по хозяйству, и строятъ мосты, которые зачастую имъ самимъ совершенно не нужны и бесполезны.

Распредѣленіе матеріала и труда между помѣщикомъ и крестьяниномъ для неопытнаго взгляда, быть можетъ, покажется даже справедливымъ. Одна сторона даетъ это, другая—то— все такъ мило и справедливо! Совѣмъ въ духѣ средневѣковаго натурального хозяйства. Но прочтите по этому поводу записку 102 членовъ Государственной Думы отъ 28 мая 1913 года, въ которой содержится законодательное предположеніе объ измѣненіи и дополненіи узаконеній по дорожной повинности въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ. Въ этой запискѣ вы найдете слѣдующее:

«Самой тяжелой и самой несправедливой изъ всѣхъ повинностей для крестьянъ Курляндской и Лифляндской губерній безспорно является дорожная повинность. 95—99% всѣхъ тяготъ ея по дѣйствующимъ нынѣ узаконеніямъ ложатся на крестьянъ и 1% или, самое большее, 5%— на крупныхъ землевладѣльцевъ... При отбываніи дорожной повинности крестьяне обязаны: подвозить на всѣ разрядныя дороги и на всемъ

ихъ протяженіи необходимое количество гравія, всѣ матеріалы, необходимые для сооруженія и починки мостовъ и паромовъ, верстовые и пограничные столбы, выравнивать дороги, уплотнять рыхлости на нихъ, разстилать гравій, убирать камни, устранять колѣн и выбоины, образующіяся отъ передвиженія тяжестей, зимою очищать дороги отъ снѣжныхъ заносовъ и ограживать ихъ съ обѣихъ сторонъ вѣхами, проводить и вычищать вдоль дорогъ канавы, рубать въ указанныхъ помѣщикомъ или казною мѣстахъ лѣсной матеріалъ, необходимый для постройки и починки мостовъ и паромовъ, обрабатывать этотъ матеріалъ и затѣмъ доставлять его на мѣста построекъ, выламывать въ указанныхъ помѣщикомъ или казною мѣстахъ камни и доставлять ихъ вмѣстѣ съ кирпичемъ, глиною, известью, пескомъ и прочими строительными матеріалами на мѣста сооруженія или починки каменныхъ мостовъ, поставлять необходимое количество рабочихъ, убирать съ дорогъ и доставлять въ подлежащія имѣнія старые подгнившіе верстовые и пограничные столбы и устанавливать на ихъ мѣста новые и т. д. и т. д.».

Кажется перечисленіе обязанностей крестьянъ основательное. А что дѣлаетъ владѣлецъ имѣнія? Онъ долженъ только проѣхать по своему имѣнію, посмотреть, гдѣ можно у него взять камень, и гдѣ можно срубить дерево. И ткнуть пальцемъ!

— Берите.

При этомъ, какъ легко догадаться даже постороннему, не знающему мѣстныхъ нравовъ, камень часто указывается самый скверный, ни для чего непригодный, а деревья выбираются или засохшія или свалившіяся на землю во время послѣдней бури и въ достаточной мѣрѣ подгнившія. Вѣдь помѣщикъ ничѣмъ не рискуетъ. Работа не его: если дорога или мостъ быстро испортятся, то можно опять дать какіе-нибудь остатки и отбросы, появившіеся за послѣднее время... А крестьяне обязаны опять ѣздить за десять верстъ отъ дороги и свозить то, что будетъ угодно указать господину.

Въ цитированномъ только что «законодательномъ предположеніи» 102 членовъ Думы приводится подсчетъ расходовъ, которые несутъ помѣщикъ и крестьяне. И для приводимаго тамъ примѣра съ Нидербатовской волостью оказывается послѣ подробныхъ выкладокъ, что «отношеніе долей участія въ отбываніи дорожной повинности крестьянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ волости выражается въ цифрахъ 199:1». Иначе говоря, здѣсь помѣщикъ въ дорожной повинности въ 199 разъ привилегированнѣе простого смертнаго! Какъ разъ въ такой же пропорціи, какъ и въ правѣ пропинаціи—въ привилегіи спаиванія.

Но привилегированность помѣщика въ дорожной повинности не исчерпывается соотношеніемъ

199 : 1. Правда, намъ кажется, что быть въ двѣсти разъ привилегированнѣе кого-нибудь—это уже достаточно не только для простыхъ людей, ищущихъ счастья, но даже для самихъ бароновъ. Однако, на практикѣ бароны гораздо болѣе счастливы. Вѣдь мы рассматриваемъ въ данномъ случаѣ повинность при условіи, что дорогами и мостами одинаково пользуются, какъ крестьяне, такъ и помѣщики. А такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Если вы проѣдете по шоссеинымъ дорогамъ Курляндіи, то увидите, что средства такъ называемаго «дорожнаго капитала», составляющагося на нужды сложныхъ дорожныхъ построекъ главнымъ образомъ изъ крестьянскихъ денегъ,—расходуются на устройство мостовъ или паромовъ, которые очень нужны только господамъ помѣщикамъ, чтобы проѣхать кратчайшимъ путемъ къ родовому замку.

Взять хотя бы шоссе, идущія во всѣ стороны отъ Ауца. Эти шоссе строятся на общія съ крестьянами деньги. Но всѣ они съ нѣмецкой аккуратностью ведутъ къ усадьбамъ помѣщиковъ...

Съ устройствомъ дорогъ и мостовъ, при малой разборчивости управляющихъ балтійскихъ магнатовъ, иногда бываютъ даже курьезы. Курьезы—для посторонняго зрителя, и трагедія—для участвующихъ въ этой передѣлкѣ крестьянъ. Лѣтъ десять назадъ отъ Бауска къ Митавѣ «распорядительный комитетъ» рѣшилъ строить шоссе,

такъ какъ прежняя дорога дошла до полного разрушенія. И что же? Подрядъ на эту дорогу взялъ одинъ очень вліятельный мѣстный князь, который повелъ шоссе не мимо крестьянскихъ дворовъ, а прямо черезъ свои угодья. Другой помѣщикъ не такъ давно заставилъ строить на общественныя средства мостъ, соединявшій два участка его имѣнія, такъ какъ часть дороги около моста оказалась общественной. И хотя фактически черезъ мостъ никто ѣздить не можетъ, кромѣ помѣщика, — сооруженіе сдѣлано все-таки на средства общаго съ крестьянами «дорожнаго капитала».

Въ Лифляндіи дорожное дѣло обстоитъ почти точно такъ же, какъ и въ Курляндіи. По выкладкамъ приведеннаго «законодательнаго предположенія», здѣсь встрѣчаются въ повинности крестьянъ и помѣщиковъ соотношенія вродѣ 136:1, что мы видимъ на примѣрѣ Лемзальской волости.

Въ общемъ, на ненормальность дорожной повинности и на явную несправедливость ея въ пользу помѣщика давно обращалось вниманіе и администраціей края, и комиссіями и ревизорами. На эту ненормальность въ свое время обратилъ вниманіе сенаторъ Манассеинъ, ревизовавшій въ 1882 году Лифляндскую и Курляндскую губерніи; лифляндскій губернаторъ Зиновьевъ, отличавшійся особенной нѣжностью къ нѣмцамъ, не могъ не согласиться также, что земскія повинности разложены на крестьянъ и помѣщиковъ

далеко не равномерно. Даже само министерство внутреннихъ дѣлъ время отъ времени начинало проявлять къ прибалтійскимъ земскимъ повинностямъ нѣкоторое вниманіе. Весьма почтенные представители этого министерства въ 1887 году и въ 1905 году хотѣли уже встать со своихъ департаментскихъ креселъ, чтобы отправиться осматривать прибалтійскія дороги. Но кто-то все-сильный, вліятельный, каждый разъ мягко надавливалъ имъ на плечи своей твердой рукой и говорилъ:

— Сидите. Куда вамъ? На прибалтійскихъ дорогахъ такъ легко сломать себѣ ногу, или свернуть шею!..

И вотъ, прибалтійскій возъ съ реформами нынѣ тамъ — на томъ же самомъ мѣстѣ разрядныхъ дорогъ, на какомъ оставила его инструкція генераль-губернатора о содержаніи и ревизіи дорогъ въ Курляндской губерніи съ 1870 года. И понятно: никакой лебедь-администраторъ не въ состояніи своими силами вытащить изъ законодательнаго ухаба средневѣковую колесницу, если мѣстные фонъ-Шуки и фонъ-деръ-Раки запротестуютъ... Правда, даже среди самихъ прибалтійскихъ дворянъ раздаются иногда совѣстливые голоса, которые признаютъ очевидную несправедливость повинностей. Уже въ 1837 году генераль-губернаторъ баронъ Паленъ въ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ указывалъ, что «для правительства все равно, какимъ

бы образомъ ни исправлялась земская повинность, лишь бы дѣлалось сіе только исправно, безъ несоразмѣрнаго отягощенія одной какой-либо стороны противъ другой». Точно также на нѣкоторыхъ ландтагахъ нѣкоторые дворяне указывали сами на необходимость реформы.

Лифляндскій Ландтагъ 1888 года призналъ въ принципѣ необходимость равномѣрнаго распределенія дорожной повинности. Эзельскій Ландтагъ 1896 постановилъ, что реформа нужна, но послѣ окончанія оцѣнки имѣній. Лифляндскій Ландтагъ 1906 года рѣшилъ, что «слѣдуетъ стремиться къ ускоренію проведенія реформы земельного обложенія». И вотъ этими пожеланіями «въ принципѣ,» этими пожеланіями «ускоренія» помѣщики пока и ограничиваются въ мщеніи прибалтійскихъ дорогъ, ведущихъ въ адъ крестьянскихъ повинностей... Проектовъ реформы, какъ можно видѣть изъ книги кн. Н. Кропоткина о «Дорожной повинности въ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерніяхъ»,—масса. Но пока что, каждый годъ весною и осенью, когда крестьяне должны работать на своихъ поляхъ и когда рабочія руки такъ дороги, какой-нибудь ожидающійся автомобильный пробѣгъ заставляетъ крестьянъ бросать хозяйство на произволъ судьбы и исправлять шоссе, по которому должны проѣхать дорогіе кенигсбергскіе гости. И каждый годъ за неисправность въ отбываніи дорожной повинности описывается не малое ко-

личество дворовыхъ хозяйствъ, а уѣздные начальники свирѣпствуютъ, налагая на крестьянъ наказанія и взыскивая съ нихъ самыя фантастическія суммы.

Я не могу останавливаться болѣе подробно на разсматриваемомъ вопросѣ. Не могу, за недостаткомъ мѣста, привести кое-какія выдержки изъ тѣхъ многочисленныхъ жалобъ и судебныхъ дѣлъ, копіи которыхъ находятся у меня на рукахъ. Но общая картина—нелегкая. Цѣлыя волости стонутъ подъ игомъ повинности и подъ произволомъ нѣмецкой уѣздной полиціи. Десятки дворовъ подаютъ коллективныя жалобы. Члены Государственной Думы пишутъ пространныя докладныя записки г. Министру внутреннихъ дѣлъ. И имена феллинскаго противника манифестацій барона Вольфа, или младшаго помощника митавскаго уѣзднаго начальника фонъ-Браше, того самаго Браше, который почему-то выписывалъ изъ Германіи почтовыхъ голубей, — занимаютъ въ этой серіи жалобъ не послѣднее мѣсто...

XXXV.

Патронатъ. — Религіозныя привилегіи. — О земствѣ. — Заключение.

Привилегіи, которыя мы разсматривали до сихъ поръ, касались главнымъ образомъ матеріальной жизни Прибалтійскаго края. Но дворяне-

балты сумѣли создать себѣ не только матеріальную привилегированность. Нужно обезпечить себѣ не только силу капитала и господство надъ трудомъ подвластнаго народа, но необходимо сковать и его душу, чтобы затѣмъ цѣлой толпой покорныхъ кандальниковъ погнать рабовъ въ лоно Mutterland'a подъ наблюдениемъ невооруженнаго конвоя.

Привилегіи бароновъ въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ какъ разъ ведутъ къ этимъ оковамъ. Бароны при помощи «патроната» отлично куютъ тѣ духовные кандалы, въ которыхъ эстонцевъ и латышей можно отдать въ распоряженіе Германіи. Нѣмцы-пасторы охотно берутъ на себя роль конвойныхъ. А русская власть, дающая нѣмцамъ возможность подъ носомъ у Петрограда умерщвлять духовную связи съ остальной Россіей, стоитъ сбоку, раскрывъ ротъ, и замѣчаетъ:

— Канунъ да ладанъ.

Говоря объ Юрьевскомъ университетѣ, я касался вопроса о пасторахъ. Вы видѣли на многочисленныхъ примѣрахъ, какъ враждебно-холодно отнеслись нѣмецкіе проповѣдники къ интересамъ Россіи въ столкновеніи ея съ Германіей. Но если подробнѣе разобраться въ организациіи церковнаго дѣла Прибалтійскаго края, то можно понять, что иного отношенія къ событіямъ и быть не могло. Нѣмцы-пасторы—это кассиры, выдающіе безпересадочный билетъ на Эйдкуненъ. Нѣмцы-пасторы—это та Марта, которая за хорошее воз-

награждение сводить эстонца и латыша-Фауста съ Германіей-Маргаритой. Нѣмцы-пасторы—это тѣ посредники, комиссіонеры духа, которые получаютъ сырье латышской и эстонской кожи и

Vorladung.

Auf Befehl

Seiner Kaiserlichen Majestät
des Selbstherrschers aller Reussen u. s. w., u. s. w., u. s. w.

wird ~~(Name)~~ die als Religionslehrerin angestellt werden soll

angewiesen am Mittwoch den 5. November 1914 um 6 Uhr Nachmittags
bei dem Herrn Livländischen General-Superintendenten (Elisabethstrasse
No. 19) zum Colloquium
vor dem Livländischen Evangelisch-Lutherischen Consistorii zu erscheinen. Im Falle unrechtfertigen
Ausbleibens wird Citat in einer Strafzahlung von 7 Rbl. unterworfen werden. *Fd 85-12*

Riga-Schloss, den 3. November 1914.

No 10335

Im Auftrage des Livländischen Evangelisch-Lutherischen
Consistorii

Paulucci-Strasse No. 15.-

(Signature)

Лиф. Губ. Тав

Вызовъ на коллоквиумъ къ Лифляндскому генераль-суперинтенденту.

стараятся обработать ее для звучныхъ и громкихъ германскихъ барабановъ.

Избраніе пасторовъ въ Прибалтійскомъ краѣ въ различныхъ губерніяхъ не одинаково. Въ Лифляндской губерніи этимъ избраніемъ, равно

какъ и имущественной стороной церкви, завѣдуетъ «конвентъ», состоящій изъ равнаго числа крестьянъ и помѣщиковъ. И выборъ пастора зависитъ, слѣдовательно, отъ предсѣдателя нѣмца. Въ случаѣ пропуска срока на избраніе пастора, — пасторъ назначается консисторіей. А лютеранскія консисторіи состоятъ изъ трехъ свѣтскихъ и трехъ духовныхъ лицъ, причемъ всѣ они, включая и генераль-суперинтендента, выбираются нѣмецкимъ дворянствомъ. Такимъ образомъ въ Лифляндіи назначеніе пастора, конечно, находится всецѣло во власти помѣщиковъ.

Что касается Курляндіи, то здѣсь дѣло обстоитъ еще хуже. Въ Лифляндіи не-нѣмцу есть иногда возможность пробраться въ пасторы, если на конвентъ не явились полностью всѣ дворяне. Но въ Курляндіи и этого нѣтъ. Тамъ приходы совершенно не участвуютъ въ избраніи пасторовъ. Помѣщики — «патроны» выбираютъ ихъ по своему усмотрѣнію, и поэтому въ Курляндіи пасторы нѣмцы такой же непреложный этнографическій законъ, какъ нѣмцы секретари русскихъ посольствъ во всѣхъ странахъ свѣта.

Населеніе края всегда относилось и понынѣ относится къ нѣмцамъ-пасторамъ крайне враждебно. Оно ясно сознаетъ ихъ германизаторскія цѣли. Оно старается освободиться отъ ихъ вліянія. Но русская власть сама является здѣсь слѣпымъ орудіемъ въ пользу нѣмцевъ. Каждый студентъ, окончившій богословскій факультетъ

Юрѣва, попадая въ кандидаты, долженъ сдать при консисторіи первый экзамень, дающій только право проповѣдывать. Если онъ выдержалъ экзамень у экзаминаторовъ-нѣмцевъ, то его прикомандировываютъ къ какому-нибудь испытанному нѣмцу-пастору. Если молодой кандидатъ проявитъ «толковость» во всѣхъ смыслахъ, если онъ хорошо разбирается въ понятіяхъ двойного подданства, различаетъ слова Vaterland и Mutterland, знаетъ различіе между понятіями Kaiser и unser Kaiser, — то получаетъ въ концѣ концовъ право держать второй разъ экзамень при консисторіи и затѣмъ — получить пасторство. Вы видите, какой стажъ, сколько испытаній, искуса, провѣрки, приглядыванія и присматриванія! Не удивительно, что, всходя на церковную кафедру, проповѣдникъ уже не колеблется въ своихъ взглядахъ на вѣру, на добрыя дѣла, на адъ и на рай. Адъ — это Россія. Рай — Германія. Доброе дѣло — помогать «Западу». Спасительная вѣра — вѣра въ движеніе на Востокъ, къ восходящему солнцу...

Право избранія пасторовъ — привилегія грозная. Если съ винокурениемъ и охотой кто-нибудь и можетъ согласиться, то съ привилегіей въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ, ведущей къ прямой германизации края, — борьба необходима немедленная и рѣшительная. Нужно знать только, съ какой ненавистью и съ какимъ презрѣніемъ смотрятъ здѣсь на православныхъ священниковъ

пасторы - нѣмцы, чувствуя въ нихъ силу, противодѣйствующую ихъ стройнымъ планамъ и замысламъ.

Уже въ 1472 году нѣмцы потопили въ Эмбахѣ 73 русскихъ за принадлежность къ православію. Православныхъ пастырей всѣми силами нѣмцы старались оттѣснить на Востокъ и до присоединенія края и послѣ присоединенія. А, оттѣснивъ «конкурентовъ», нѣмцы заботились не столько о развитіи настоящей вѣры и религіознаго чувства у паствы, сколько о своемъ собственномъ благополучіи и о воспитаніи въ народѣ рабской покорности къ своимъ господамъ. Какъ говоритъ Ю. Остербломъ въ «Новѣйшихъ религіозныхъ движеніяхъ въ Эстляндіи», — до недавняго времени «передъ церквами были поставлены позорные столбы, на которыхъ каждое воскресенье публично при многочисленномъ стеченіи народа производилось немилосердное сѣченіе непокорныхъ крестьянъ». «Домъ молитвы сталъ для туземца домомъ страха, казни, судилищемъ».

Естественно, что латыши и эстонцы, затаившіе въ себѣ ненависть къ нѣмцамъ, часто отказывались слушать проповѣди надменныхъ и жестокихъ нѣмецкихъ пасторовъ. Въ высшей степени любопытные факты для характеристики этой ненависти даетъ въ своей книгѣ «Hengenkirche oder Volkskirche?» А. Гренцштейнъ: «Въ 1870 году въ Саарѣ около Пернова умеръ пасторъ Ленцъ, и прихожане захотѣли на его

мѣсто получить помощника покойнаго—Гальнбэка, котораго всѣ любили и уважали. Однако, «господа» назначили туда пасторомъ Браше. Когда Браше вошелъ въ воскресенье въ церковь черезъ запасную дверь, толпа стала кричать: «Воры и разбойники лезуть черезъ стѣны, а истинный пасторъ входитъ въ двери!» Толпа шумно вошла въ церковь, приперла изнутри побочную дверь, остановила игру на органѣ и сорвала праздничныя украшенія въ храмѣ.. Явился пробстъ Шнейденъ... На его рѣчь посыпались грубыя возраженія... Явился земскій судья... На него вылили ушатъ воды... Послѣ этого многихъ прихожанъ отправили въ тюрьму въ Перновъ».

Другой случай описанъ у Гренцштейна такъ:

«Въ Ервѣ въ церкви Маріи Магдалины прихожане хотѣли имѣть пасторомъ кандидата изъ Тонберга. Но помѣщики избрали господина Шульца... Когда Шульцъ вошелъ въ первый разъ въ церковь, его окружала полиція... Одна женщина сорвала съ пастора скуфейку. Выступилъ генералъ-суперинтендентъ... Толпа дико кричала. Выступилъ полицейскій чиновникъ... Одинъ изъ стражниковъ, по приказанію барона, выстрѣлилъ въ воздухъ».

Третій случай:

«Около Феллина въ Оберпальнѣ введеніе въ церковь—«интродукція» новаго нежелательнаго паствѣ пастора въ 1896 году была сильно за-

труднена прихожанами. Генераль-суперинтендентъ, зная настроеніе толпы, приказалъ оцѣпить предалтарное пространство цѣпями. Дверь въ церковь охранялась стражей. Когда пасторъ подходилъ со стражниками и дворянами къ церкви, толпа стала кричать: «помѣщика въ пруды!». Цѣпи были разорваны... Пасторы укрылись между стѣной и повозкой»...

Я не могу привести другихъ примѣровъ—слишкомъ ихъ много. Но что было въ 1896 году, то повторяется нерѣдко и до сихъ поръ. Не такъ давно въ Лифляндіи въ одной церкви прихожане устроили новому нѣмцу-пастору своеобразную обструкцію: когда пасторъ начиналъ говорить, толпа принималась пѣть псалмы. Пасторъ смолкалъ и ждалъ... Когда пѣнье оканчивалось, пасторъ пробовалъ продолжать, но пѣнье возобновлялось.

Изъ всего приведеннаго легко видѣть, въ какія нормальныя рамки ставить религіозный вопросъ устарѣвшая система патроната и нѣмецкаго состава консисторіи. Нѣмцы дѣлаютъ изъ храма—арену для политической пропаганды, а прихожане, вмѣсто возношенія молитвы Богу, посылаютъ новыхъ пасторовъ ко всѣмъ чертямъ. И такъ будетъ продолжаться всегда, до тѣхъ поръ, пока паства не получитъ возможность свободно молиться съ тѣмъ проповѣдникомъ, съ которымъ у нея могутъ быть общія настоящія молитвы и чувства. Ясно, что при такомъ поло-

женіи дѣлъ, православная церковь могла бы легко прийти на помощь населенію и дать имъ выходъ изъ тягостнаго положенія въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ. Среди латышей и эстонцевъ были часто стремленія приобщиться православію, чтобы избѣгнуть зависимости нѣмцевъ. Были случаи, какъ на примѣръ, съ пасторомъ Владимиромъ Раска, который перешелъ въ православіе и сдѣлался православнымъ священникомъ. Но если эти случаи теперь единичны, и если въ массѣ своей лютеране латыши и эстонцы хотятъ оставаться при своемъ вѣроисповѣданіи, то необходимо создать имъ такія условія, при которыхъ связь съ нѣмечествомъ могла бы быть ослаблена елико возможно. Патронатъ, нѣмецкое большинство консисторій, непропорціональность голосовъ конвентовъ должны быть уничтожены. Нѣмецкій языкъ необходимо изгнать изъ преподаванія и богослуженія. Юрьевскій богословскій факультетъ нужно преобразовать. Бароны могутъ имѣть своихъ пасторовъ для себя — это ихъ личное дѣло. Но нелѣпо навязывать народу тѣхъ проповѣдниковъ, которыхъ прихожане обливаютъ водою, которымъ устраиваютъ обструкціи, и общеніе съ которыми ведетъ не къ Богу, а къ аресту и тюрьмѣ. И все во имя чего? Ради удовлетворенія властнаго чувства бароновъ и ради утѣхи потирающаго руки отъ удовольствія императора Вильгельма! Есть тутъ, правда, и экономическая подкладка, какъ можно ясно уви-

дѣтъ изъ книги А. Неу «Церковные сборы и повинности въ Лифляндской губерніи» или изъ брошюрки А. Стерсте о «Правовомъ и имущественномъ положеніи евангелическо-лютеранской церкви въ Курляндской губерніи». Неу прямо говоритъ, что прибалтійское дворянство «всегда стремилось обращать церковь въ орудіе для достиженія обыденныхъ матеріальныхъ интересовъ». «Курляндскіе церковные патроны-помѣщики присвоили около одной четвертой части всего недвижимаго имущества покровительствуемыхъ ими лютеранскихъ церквей», говоритъ пасторъ Кальмейеръ въ книгѣ «Евангелическія церкви и пасторы Курляндіи». По свидѣтельству Кальмейера, помѣщики присвоили цѣлый рядъ церковныхъ земель — пасторатовъ, начиная съ Борнскаго и кончая Нигранденскимъ, числомъ не менѣе 23. «Имущество евангелическо-лютеранской церкви въ Курляндской губерніи, гдѣ приходъ устраненъ отъ всякаго контроля, таетъ и таетъ, какъ снѣгъ весенній», грустно замѣчаетъ А. Стерсте. И эта матеріальная сторона въ церковномъ вопросѣ дѣлаетъ картину дворянскихъ привилегій совершенно законченной, даетъ послѣдній заключительный аккордъ сонатѣ, которую, къ сожалѣнію, благодаря суровой дѣйствительности, нельзя назвать «*quasi una fantasia*». Помѣщики въ привилегіяхъ катаются, какъ сыръ въ маслѣ, крестьяне же вертятся въ заколдованномъ кругѣ повинностей, какъ бѣлки въ ко-

лесъ. Недаромъ у бароновъ благодаря систематическимъ поблажкамъ со стороны русской власти выработался гегелевскій взглядъ на себя, какъ на вершину человѣческаго духа и на высшую точку въ развитіи человѣческаго рода на земномъ шарѣ. Недаромъ въ 1864 году лифляндскій генераль-суперинтендентъ Вальтеръ въ своей проповѣди на Ландтагъ сказалъ, что «на лифляндской землѣ нѣтъ мѣста для какого-либо другого элемента, кромѣ нѣмецкаго». Недаромъ одинъ эстляндскій баронъ въ присутствіи знакомыхъ мечтательно заявилъ, смотря на дымъ своей сигары:

— Когда я начинаю думать о томъ, какъ нашъ родъ благороденъ, у меня кружится голова.

И, мнѣ кажется, выраженіе «человѣкъ начинается только съ барона»—выдуманно вовсе не однимъ какимъ-либо лифляндскимъ дворяниномъ, какъ о томъ говоритъ молва, а есть результатъ коллективнаго баронскаго творчества. Я бы, право, не удивился, еслибы какая-нибудь прибалтійская помѣщица стала доказывать мнѣ, что прародительница Ева была урожденной баронессой Фитингофъ, а Адамъ подписывался на официальныхъ бланкахъ графомъ Медемомъ...

На этой главѣ я заканчиваю свою карательную экспедицію въ Прибалтійскій край. Многихъ вопросовъ мнѣ не удалось коснуться, многіе выходятъ за предѣлы моей прямой задачи. Крайне лю-

бопытны, на примѣръ, аграрныя взаимоотношенія между помѣщиками и крестьянами; крайне интересны всѣ тѣ комиссіи, которыя назначались въ разное время для проведенія земскихъ реформъ и почему-то оканчивались ничѣмъ. Я бы могъ рассказать, какъ при генераль-губернаторѣ Меллеръ-Закомельскомъ засѣдало «особое совѣщаніе» для выработки земскихъ реформъ, и какъ бароны Шиллингъ, Фелькерзамъ, Делингсгаузенъ и Мейендорфъ вступали въ словесный бой съ представителями отъ крестьянъ, какъ баронъ Шиллингъ кричалъ крестьянамъ: «Ахъ, черти!» а председатель Меллеръ-Закомельскій только отмахивался отъ жалобщиковъ, членовъ «совѣщанія», и говорилъ:

— Господа, оставьте меня, я ничего не понимаю. Я солдатъ.

Я бы могъ привести въ исторіи аграрнаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ такіе документы, какъ, на примѣръ, «Всепоподданнѣйшій отчетъ эстляндской комиссіи крестьянскихъ дѣлъ за 1860 годъ», въ которой участвовали графъ Кайзерлингъ, фонъ-Нотбекъ, фонъ-деръ Паленъ, баронъ Будбергъ и Эбергардтъ... Въ этомъ всепоподданнѣйшемъ отчетѣ комиссія сообщала, что «крестьянская арендная земля разграничена по всѣмъ имѣніямъ, а въ двухъ лишь имѣніяхъ нынѣ еще ставятъ межевые знаки». Между тѣмъ, въ сборникъ «Узаконеній и распоряженій о крестьянахъ Эстляндской губерніи» на стр. 101

можно прочесть отношеніе эстляндскаго предводителя дворянства отъ 1867 года: «Къ моему немалому удивленію, я усмотрѣлъ изъ докладовъ, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ выдѣлы и разграниченія крестьянской арендной земли, которые должны были быть окончены къ 1 октября 1859 года, еще не произведены».

Такихъ пикантныхъ случаевъ въ исторіи аграрнаго вопроса въ краѣ не мало. Но мнѣ уже пора кончать. И такъ, моя *partie de plaisir* къ балтамъ оказалась для нихъ мало пріятной. И такъ, моя работа неожиданно разрослась до значительныхъ размѣровъ. Оканчивая безхитростное описаніе всего того, что я видѣлъ, слышалъ и читалъ,—я хочу пожелать только одного: чтобы меня не заподозрѣли въ особенной любви къ нѣмцамъ. Вѣдь все, что я написалъ, только слабое отображеніе дѣйствительности. Въ немъ нѣтъ жизненной полноты нѣмецкихъ переживаній, всесторонняго анализа ихъ желаній и чувствъ. Но если это такъ, то я не виноватъ: это не отъ пристрастія, а отъ неумѣнія. Про меня ходятъ слухи, будто мнѣ прибалтійское дворянство поднесло даже благодарственный адресъ за воздержаніе отъ описанія самыхъ темныхъ сторонъ прибалтійской нѣмецкой жизни. Это неправда. Единственно, что я получилъ, во время поѣздки,—это медаль Карла фонъ-Мантейфеля съ прусскимъ орломъ, которую баронъ выдавалъ наиболѣе вѣрнымъ своимъ служащимъ.

Но и эта медаль, повѣрьте мнѣ, вручена мнѣ не самимъ Мантейфелемъ, а однимъ изъ латышскихъ журналистовъ. Ее я буду хранить у себя въ письменномъ столѣ, и когда, при чтеніи списка членовъ нашего дипломатическаго вѣдомства, мнѣ почему-либо взгрустнется, я буду доставать ее изъ стола и любоваться. И она докажетъ мнѣ тогда, что все видѣнное, слышанное и пережитое мною въ странѣ счастливыхъ балтовъ вовсе не было однимъ только невѣроятнымъ сказочнымъ сномъ... Вотъ, кстати, эта медаль:

